„Пров 49“

ВОЙНА.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ПРИ УЧАСТІИ: Иды Аксельродъ, Г. Алексинскаго Л. Дейча, П Дневницкаго, Марка З-ра, К. Кахели, Ольгина, Г. В. Плеханова.

„Пров 49"
85

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

1915.

103926

IMPRI[illegible]
des langues [illegible]
„I D E A L"
14, rue V[illegible]

Война не только потребовала отъ Интернаціонала опредѣленныхъ практическихъ дѣйствій, но и поставила передъ нимъ цѣлый рядъ самыхъ сложныхъ принципіальныхъ вопросовъ.

И нѣтъ ни одной соціалистической партіи, ни одной секціи Интернаціонала, въ которыхъ по поводу этихъ вопросовъ не проявились болѣе или менѣе серьезныя, болѣе или менѣе глубокія разногласія.

Не избѣгла этой участи и наша россійская секція. Даже болѣе того: въ ней, какъ всегда, разногласія приняли самыя рѣзкія формы.

Мы глубоко убѣждены въ томъ, что въ интернаціональномъ масштабѣ выходъ изъ этого кризиса можетъ быть данъ только Интернаціоналомъ, а въ секціяхъ — соотвѣтствующими обще-признанными органами. И всѣ тѣ, кому дѣйствительно дорога судьба Интернаціонала, должны искать указаннаго выхода.

Но чтобъ работа эта привела къ желательнымъ результатамъ, необходимо ясно представлять себѣ сущность идейнаго расхожденія, не скрывая и не затушевывая ее.

Выясненію этого расхожденія мы и намѣрены помочь, издавая свой сборникъ.

Мы думаемъ, что необходимо противопоставить революціонной фразеологіи — революціонное міровоззрѣніе, догматическимъ рѣшеніямъ — діалектическій методъ, ибо и къ войнѣ соціальдемократія не можетъ подходить съ готовыми разъ навсегда формулами, но должна опредѣлять свое отношеніе къ ней экономическими и политическими интересами рабочаго класса, какъ они складываются въ данное время.

Участники сборника принадлежатъ къ различнымъ теченіямъ нашей Партіи. Вполнѣ понятно и естественно, что они подходятъ ко многимъ вопросамъ, выдвинутымъ войной, съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Но всѣ мы согласны между собою въ томъ, что непосредственная отвѣтственность за войну падаетъ на германское и австрійское правительства, набросившіяся на Сербію и нарушившія нейтралитетъ Бельгіи.

Всѣ мы согласны въ томъ, что окончательная побѣда Германіи была бы весьма вредна для дѣла европейской демократіи, не исключая и демократіи нѣмецкой.

Всѣ мы согласны, что эта побѣда повредила бы также дальнѣйшему экономическому развитію Россіи и, слѣдовательно, затруднила бы эмансипацію россійскаго пролетаріата.

Такому исходу войны соціалисты никакъ не могутъ сочувствовать. Болѣе того: противъ такого ея исхода они обязаны всѣми силами бороться.

Вотъ тѣ предѣлы, въ которыхъ участники сборника согласны между собою, и за которыми каждый изъ насъ оставляетъ за собою полную свободу своего соціальдемократическаго мнѣнія.

Современная война и соціалисты.*)

Ошибоченъ и вмѣстѣ несправедливъ взглядъ лицъ, старающихся затушевать вопросъ о томъ, кто является иниціаторомъ разгорѣвшейся войны, а, слѣдовательно, какая изъ сторонъ несетъ наибольшую отвѣтственность за все теперь происходящее. Смѣшно считать причиной или даже поводомъ къ настоящей войнѣ убійство австрійскаго наслѣднаго принца послѣ того, какъ Сербія немедленно уступила по всѣмъ пунктамъ. Ясно, до очевидности, что война эта была заранѣе задумана Германіей сообща съ Австріею, и имъ нуженъ былъ лишь какой-нибудь, хотя бы фиктивный предлогъ, потому что по разнымъ причинамъ они настоящій моментъ считали для себя наиболѣе благопріятнымъ. Подобно волку, придравшемуся къ ягненку, Австрія съ Германіей ухватились, поэтому, за пустяковый поводъ.

Несомнѣнно, причины настоящей войны, главнымъ образомъ, экономическія: борьба изъ-за всемірной гегемоніи, изъ-за господства, преобладающаго положенія на рынкахъ; сверхъ того — сведеніе разныхъ національностическихъ и династическихъ счетовъ. Къ этой войнѣ съ неизбѣжностью вело общее положеніе, создавшееся на всемъ земномъ шарѣ, въ особенности же въ Европѣ, послѣ франко-прусской войны. Неимовѣрный ростъ германской промышленности, а также ея военнаго могущества, являлся сильнѣйшею угрозою европейскому міру: свершилось лишь то, что всѣми предвидѣлось, къ чему постоянно готовились всѣ, чего съ ужасомъ и трепетомъ ожидали и что не разъ уже готово было свершиться.

Только одна — единственная «могущественная держава», казалось, въ состояніи была предотвратить надвигавшееся страшное бѣдствіе, это — международная соціалистическая организація. Но, увы, къ великому изумленію всего цивилизованнаго міра, она оказалась не «державой» и менѣе всего — «могущественной».

Обнаружившееся, тотъ-часъ послѣ объявленія Германіею вой-

*) Настоящая статья является конспектомъ доклада, сдѣланнаго мною въ г. г. Нью-Іоркѣ и Филадельфіи. Не ручаюсь за точное воспроизведеніе всего мною сказаннаго, такъ какъ писанной копіи доклада у меня нѣтъ, но, полагаю, для читателей это и не важно. Л. Д.

ны Россіи и Франціи, поведеніе соціалистической фракціи Reichstag'а было крайне ошибочнымъ, хотя и имѣются смягчающія вину обстоятельства. Само собою разумѣется, что наши нѣмецкіе товарищи поддались обману со стороны правительства, а также искусственно возбужденному въ странѣ патріотическому настроенію. Но почему же они этому поддались? Потому, что хотѣли этого, потому что при создавшихся въ странѣ условіяхъ, при положеніи въ ней соціалистической партіи, при ея прошломъ и т. д., они не могли иначе поступить. И странно, что всѣхъ такъ изумило поведеніе нашихъ нѣмецкихъ товарищей! При малѣйшей дальновидности, на основаніи ихъ позиціи на международныхъ съѣздахъ, по рѣчамъ ихъ вожаковъ и пр., не трудно было давно предвидѣть, что въ случаѣ войны, наши нѣмецкіе товарищи, вмѣстѣ съ лозунгомъ «пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь», будутъ фактически убивать своихъ же братьевъ пролетаріевъ.

Нужно не жить въ Германіи, не знать по личному опыту ея порядковъ, не видѣть нѣмца на дому, на улицѣ, на собраніяхъ, въ полиціи, въ тюрьмѣ, при встрѣчахъ съ властями, чтобы серьезно разсчитывать, что соціалистическая партія, въ случаѣ объявленія войны, способна будетъ проявить хотя-бы самый микроскопическій протестъ: не къ этому пріучалась она въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, и потому она никогда и не обѣщала этого.

Съ дѣтскихъ лѣтъ, со школьнаго возраста желѣзная дисциплина накладываетъ неизгладимый свой отпечатокъ почти на каждаго; даже депутаты въ Reichstag'ѣ во время засѣданій помнятъ бронированный полицейскій кулакъ и всячески избѣгаютъ его.

При издавна создавшихся въ Германіи условіяхъ и развившихся на нихъ нравахъ ста одиннадцати соціалистическимъ депутатамъ только и оставалось, что «повѣрить», будто, дѣйствительно, «дикая казацкая орда» угрожаетъ цѣлости и неприкосновенности ихъ родины. А такъ какъ въ этомъ случаѣ самъ покойный Бебель грозилъ взяться за ружье, то, естественно, что обыкновеннымъ смертнымъ членамъ партіи и подавно надо было сдѣлать то же самое. Ну, а взявши ружье въ руки, уже не существенно, пойти-ли отражать нападеніе «дикаго казака», или наоборотъ, самому нападать на беззащитную Бельгію, въ которой засѣдаетъ объединяющее всѣхъ пролетаріевъ международное бюро. Наивны до смѣшного нападки анархистовъ, синдикалистовъ и, — странное дѣло, — нѣкоторыхъ изъ нашихъ товарищей русскихъ соціальдемократовъ, во всемъ происшедшемъ обвиняющихъ «оппортюнизмъ вожаковъ». Жоресъ былъ несомнѣннымъ оппортюнистомъ, однако, онъ болѣе чѣмъ ортодоксальный Бебель, со-

дѣйствовалъ отрицательному отношенію къ войнѣ и энергичной борьбѣ съ нею.

Создавшееся для нѣмецкихъ соціалистовъ трагическое положеніе было неизбѣжно: они не могли не вотировать пяти (а теперь уже 10-ти) милліардовъ военнаго кредита, какъ не могли они отказаться отъ непосредственнаго участія въ братоубійствѣ, потому, что они такъ воспитаны, чтобы, при всей ихъ многочисленности, не оказывать ни малѣйшаго непослушанія, а тѣмъ болѣе — серьезное сопротивленіе начальству.

Многіе, осуждающіе нѣмецкихъ соціалистовъ за вотированіе ими бюджетовъ, не упоминаютъ ни слова о личномъ ихъ участіи въ войнѣ, несмотря на многочисленность ихъ партіи, какъ будто снабженіе деньгами банды разбойниковъ и грабителей для ихъ дальнѣйшихъ звѣрскихъ дѣяній важнѣе и преступнѣе, чѣмъ непосредственное присоединеніе къ этимъ бандамъ! Никто, рѣшительно никто изъ европейскихъ и американскихъ соціалистовъ, писавшихъ и говорившихъ о непослѣдовательности и даже преступности поведенія нѣмецкихъ товарищей, насколько мнѣ извѣстно, не ставилъ имъ въ вину ихъ личнаго участія въ войнѣ, потому, что каждый понималъ, что при современныхъ условіяхъ фактически невозможенъ былъ ихъ отказъ отъ участія въ войнѣ, хотя въ такомъ случаѣ были-бы разстрѣляны тысячи, maximum — десятки тысячъ соціалистовъ, теперь же война истребитъ, вѣроятно, сотни тысячъ членовъ партіи и вотирующихъ за нее гражданъ.

Читая телеграммы, извѣщавшія о поведеніи нашихъ нѣмецкихъ товарищей, невольно вспоминалось аналогичное по безвыходности и жалости положеніе китайскихъ подданныхъ, жившихъ по р. Амуру и ея притокамъ во время такъ назыв. «войны» 1900 г. Одинъ или два полицейскихъ или казака гнали тысячныя толпы мужчинъ, женщинъ, стариковъ и дѣтей въ воду на вѣрную смерть*). Но нѣтъ, эта кошмарная исторія все-же болѣе понятна, чѣмъ гибель «сознательныхъ марксистовъ», посылаемыхъ на убой полоумнымъ представителямъ прусскихъ зубровъ, или отправляющихся «добровольно», какъ д-ръ Л. Франкъ, не только на собственную гибель, но и на сознательное истребленіе своихъ единомышленниковъ — французовъ и бельгійцевъ!..

* * *

Будучи вообще ярыми противниками современныхъ войнъ и настоящей въ особенности, можно, тѣмъ не менѣе, имѣть боль-

*) См. мою книгу« 16 лѣтъ въ Сибири».

шія симпатіи къ одной изъ воюющихъ сторонъ и желать ей побѣды; можно признавать большія или меньшія бѣдствія отъ того или иного ея финала. Странно слышать отъ соціалистовъ, т. е. отъ членовъ партіи, наиболѣе горячо принимающей къ сердцу интересы рабочаго класса, при разразившемся столь ужасномъ и всеобщемъ бѣдствіи, какъ война, заявленія, что они «не стоятъ ни на той, ни на другой сторонѣ», что «для нихъ безразлично, которая изъ воюющихъ сторонъ побѣдитъ, такъ какъ, у пролетарія нѣтъ, молъ, отечества, что, поэтому, для нихъ не важно, кто является зачинщикомъ и т. д.»*). Можно съ увѣренностью сказать, что Марксъ и Энгельсъ не одобрили-бы такого «объективизма».

Въ случаѣ побѣды Германіи, несомнѣненъ полный разгромъ Франціи, сведеніе ея на положеніе третьестепеннаго государства, вродѣ Испаніи или Португаліи; рядомъ съ этимъ неизбѣжно уничтоженіе морского могущества Англіи, не говоря уже, конечно, о всякаго рода аннексіяхъ Бельгіи, Голландіи и т. д. Едва-ли не только соціалистъ, но и просто честный демократъ станетъ отрицать, что подобный исходъ настоящей войны повлекъ-бы за собою продолжительную реакцію во всемъ цивилизованномъ мірѣ; онъ несомнѣнно задержалъ-бы на много десятилѣтій дальнѣйшее развитіе соціалистическаго и рабочаго движенія. Послѣ франко-прусской войны Марксъ предвидѣлъ возможность такого исхода. Онъ говорилъ, поэтому, что только сверженіе Гогенцолерновъ и Габсбурговъ можетъ предохранить Европу отъ повторенія истребительной войны, по своимъ ужаснымъ послѣдствіямъ подобной тридцатилѣтней. Но когда нѣмцы могутъ оказаться способными къ такимъ революціоннымъ актамъ, какъ сверженіе угнетающихъ ихъ династій? Полагаю, всякій согласится, что ни въ какомъ случаѣ не послѣ побѣдоноснаго окончанія ими войны. Нисколько не обманываясь насчетъ возможности провозглашенія республики въ Германіи, даже послѣ полнаго ея пораженія, все же можно скорѣе допустить въ этомъ случаѣ нѣкоторый съ ея стороны шагъ впередъ, напр., переходъ къ дѣйствительному парламентаризму съ отвѣтственнымъ министерствомъ.

Наоборотъ, въ случаѣ побѣды тройственнаго соглашенія не возможно ожидать ни пораженія демократическихъ принциповъ, ни такого усиленія милитаризма, какъ при побѣдѣ союзниковъ — Германіи и Австріи. Что касается Россіи, то, нисколько, конеч-

*) Само собою разумѣется, какъ во время доклада, такъ и писанія настоящей статьи я еще не читалъ «Манифеста» такъ наз. «Ц. К. Р. С. Д. Р. П.», т. е. Ленина и Ко.

но, не вѣря разнымъ обѣщаніямъ, все же нѣтъ основанія опасаться ея выхода побѣдительницей изъ настоящей войны.

У нѣкоторыхъ, изъ нашихъ даже единомышленниковъ, составилось вполнѣ ошибочное представленіе будто въ исторіи нашей родины за послѣднее столѣтіе военныя побѣды всегда влекли за собою реакцію и, наоборотъ, за пораженіемъ постоянно слѣдовалъ общественный подъемъ. Взглядъ этотъ, являющійся въ глазахъ нѣкоторыхъ чуть-ли не соціальнымъ закономъ, опровергается тѣмъ, что послѣ побѣдоносной войны Александра I надъ Наполеономъ, на ряду съ правительственной реакціей, возникло у насъ первое обширное общественное движеніе, закончившееся 14-мъ декабря 1825 г., а послѣ окончившейся побѣдой кампаніи 1877—78 г.г. также начался наибольшій общественный подъемъ пережитый Россіей въ минувшемъ столѣтіи, закончившійся, какъ извѣстно, дѣятельностью знаменитой «Народной Воли».

Само собой разумѣется, что, какъ подъемъ, такъ и реакція, обусловливаются болѣе сложными соціальными причинами, чѣмъ побѣда лишь или пораженіе. Если налицо нѣтъ всѣхъ тѣхъ побудительныхъ стимуловъ, которые могутъ или должны привести къ движенію впередъ, то одно лишь пораженіе ничему не поможетъ. Судить въ этомъ случаѣ по результатамъ войны съ Японіею было бы по меньшей мѣрѣ странно.

Исходя изъ приведенныхъ соображеній, полагаю, что въ случаѣ побѣды для населяющихъ Россію народовъ хуже ни въ какомъ случаѣ не будетъ. Но, допуская даже, что побѣдоносное окончаніе этой войны вызоветъ еще большій подъемъ черно-сотеннаго патріотизма и реакціи, — это ни въ какомъ случаѣ не можетъ сколько-нибудь долго длиться. Съ побѣдой неизбѣженъ подъемъ промышленнаго развитія страны, что, понятно, должно повлечь за собой дальнѣйшее развитіе рабочаго и соціалистическаго движенія. Наоборотъ, пораженіе Россіи съ ея демократическими союзниками можетъ и даже должно привести только къ однимъ печальнымъ для всѣхъ этихъ странъ, да и для всего міра, послѣдствіямъ.

Послѣ вышеизложеннаго, для всякаго ясно, полагаю, что далеко не безразлично, какая изъ воюющихъ сторонъ побѣдитъ; не безразлично также признавать или отвергать большую или меньшую вину за той или другой страной, какъ зачинщицей. Сторонники этой позиціи, преимущественно анархисты, синдикалисты, а также и нѣкоторые соц.-дем. спутываютъ вопросъ и приходятъ, поэтому, къ совершенно ложнымъ выводамъ. Такъ, кое-кто изъ русскихъ товарищей, живущихъ въ Западной Европѣ и въ Америкѣ, проповѣдуютъ теперь «миръ». Конечно, прекращеніе ужаснаго кровопролитія не можетъ не быть же-

лательно. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что при данныхъ обстоятельствахъ оно дѣйствительно возможно. Представимъ себѣ, что, напр., во время анти-еврейскаго погрома, когда самооборона оказывается значительно слабѣе нападавшихъ на евреевъ хулигановъ, добродушные люди, вертясь между избиваемыми, стали-бы призывать именно ихъ къ прекращенію кровопролитія и къ заключенію «мира». Можно-ли было бы одобрить такую тактику этихъ добродѣтельныхъ людей?!

Само собою разумѣется, что пока нападающіе чувствуютъ себя сильнѣе противниковъ, они не прекратятъ своего гнуснаго дѣла. Будь они на это способны, они не затѣяли-бы этой возмутительной бойни.

Но, скажутъ, быть можетъ: «важно провозгласить вѣрный лозунгъ, а тамъ уже его подхватятъ». Наивная мечта! Совершенно не понятно, какъ во Франціи и Бельгіи, наводненыхъ иностранными полчищами и разоренныхъ ими, возможно въ данный моментъ серьезно выставлять лозунгъ прекращенія войны!

Настоящая война *не можетъ окончиться ни въ чью:* этого не допустятъ ни затѣявшая ее Германія, ни государства тройственнаго соглашенія. Разъ начавшись, она должна имѣть опредѣленный конецъ. Невозможно возвратиться къ status quo ante bellum, нельзя мириться съ тѣмъ, чтобы и впредь милліоны людей жили подъ страхомъ, что какой нибудь безотвѣтственный правитель въ интересахъ господствующей клики будетъ безконтрольно распоряжаться ихъ жизнью и достояніемъ. Немыслимо также, чтобы и мы, соціалисты, на ряду съ девизомъ «пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь», подобно христіанамъ, проповѣдующихъ «любовь къ ближнему», истребляли другъ друга. Только въ случаѣ пораженія Германіи человѣчеству не будутъ угрожать въ будущемъ новыя неимовѣрныя бѣдствія. Только тогда пойдетъ оно быстрыми шагами по пути уничтоженія современнаго строя и завоеванія того, въ которомъ немыслимы будутъ никакія войны.

Л. Дейчъ.

Еще о войнѣ.

(Отвѣтъ товарищу Н—ву).

> Der eigentliche Obscurantismus ist nicht, dass man die Ausbreitung des Wahren, Klaren, Nützlichen hindert, sondern dass man das Falsche in Kurs bringt.
>
> Goethe.

San - Remo
8 мая 1915 г.

Любезный товарищъ!

Съ разныхъ сторонъ на меня жестоко нападаютъ за взгляды, высказанные мною въ отвѣтномъ письмѣ къ болгарскому товарищу З. П—ву, которое было напечатано отдѣльной брошюрой подъ заглавіемъ «*О войнѣ*». Вы знаете, что я вообще не избѣгаю горячихъ полемическихъ схватокъ. Меня, наоборотъ, не разъ упрекали въ слишкомъ большой склонности къ нимъ. Но я веду полемику только тогда, когда надѣюсь, что изъ столкновенія мнѣній брызнетъ истина. Если у меня нѣтъ такой надежды, я молчу, хотя это, можетъ быть, «духу придаетъ» нападающимъ на меня. Я не люблю тратить время на пустяки. Молчалъ я и на этотъ разъ, потому что доводы, выдвинутые противъ меня моими противниками, были ниже всякой критики. Ознакомившись съ ними, я могъ только повторить про себя восклицаніе, вырвавшееся у Бебеля на ганноверскомъ съѣздѣ германской соціалъ-демократической партіи: — «Es ist merkwürdig, wie wir das Denken verlernt zu haben scheinen» *

*) «Замѣчательно, какъ мы, повидимому, разучились думать!» Впро чемъ, мы, повидимому, разучились не только думать, но также и уважать литературныя приличія. Такъ, издававшаяся въ Парижѣ газетка «Голосъ» сначала напечатала *очень неумный* отчетъ о моей бесѣдѣ съ русскими товарищами къ Лозаннѣ по поводу войны, а потомъ принялась раздѣлывать меня «подъ орѣхъ» на основаніи этого очень неумнаго отчета. Превосходная стратегія, сулящая много побѣдъ и одолѣній обскурантамъ, сочинявшимъ въ «Голосѣ»!..

Я не считалъ себя обязаннымъ разбирать эти жалкіе доводы. Да и слишкомъ противно, скажу больше: нравственно невозможно было бы мнѣ препираться съ ополчившимися противъ меня «неуками» и политическими недорослями, вести чернильную войну съ лягушками (чтобы употребить здѣсь образное выраженіе Бѣлинскаго) въ такое время, когда льются потоки крови, и, можетъ быть, надолго рѣшается судьба цивилизованнаго міра вообще и моей многострадальной родины — въ частности. Я не нарушилъ бы молчанія, если бы не Ваше письмо ко мнѣ. Въ немъ я увидѣлъ вдумчивое отношеніе къ предмету; въ немъ мнѣ послышались мучительные запросы. И я рѣшилъ, что *Вамъ* я обязанъ отвѣтить. Но у меня на совѣсти было цѣлыхъ двѣ работы, не терпѣвшихъ ни малѣйшаго отлагательства. Поэтому мой отвѣтъ нѣсколько запоздалъ. Простите.

Я думаю, что для взаимнаго пониманія намъ нужно установить нѣкоторыя общія положенія международной политики пролетаріата. Съ этой цѣлью я позволю себѣ указать Вамъ на нѣкоторые *факты* и напомнить нѣкоторыя *мысли*.

I.

Вплоть до самаго объявленія Германіей войны Россіи нѣмецкая соціаль-демократія твердо и послѣдовательно держалась того мнѣнія, что отвѣтственность за приближавшуюся катастрофу падаетъ на Вѣну и особенно на Берлинъ. Я уже указывалъ на это въ своей брошюрѣ «О войнѣ». Теперь добавлю, что мое указаніе было недавно подтверждено Бернштейномъ.

Когда Австрія послала свой ультиматумъ Сербіи, «Parteivorstand» германской соц.-дем. партіи обнародовалъ воззваніе, въ которомъ, осуждая «происки велико-сербскихъ націоналистовъ»*), онъ не поколебался, однако, назвать этотъ ультиматумъ легкомысленнымъ и безпримѣрнымъ по своей грубости вызовомъ на войну (Kriegs-provokation). «Сознающій свои классовыя задачи пролетаріатъ Германіи, — говорилось въ этомъ важномъ историческомъ документѣ, — пламенно протестуетъ во имя человѣчности и культуры противъ преступныхъ происковъ подстрекателей къ войнѣ. Онъ повелительно требуетъ отъ германскаго правительства, чтобы оно воспользовалось своимъ вліяніемъ на Австрію для сохраненія мира, а если невозможно будетъ предупредить постыдную войну (schändlichen Krieg), то воздержалось отъ всякаго участія въ ней. Ни одна капля крови нѣмецкаго солдата не должна быть принесена въ жертву властолюбивымъ

*) Объ этихъ «происках» см. ниже.

вожделѣніямъ австрійскихъ правителей и имперіалистическимъ стремленіямъ къ наживѣ»*).

Яснѣе выражаться невозможно.

Нѣмецкая соціаль-демократія въ Австріи категорически утверждала, что интересы двуединой монархіи могли быть защищены мирнымъ путемъ, и что, поэтому, война отнюдь не представляетъ собою государственной необходимости**). Въ ея воззваніи не слышится, правда, того «*пламеннаго*» *протеста*, духомъ котораго пропитано было воззваніе *германской* соціаль-демократіи, но, — какъ справедливо замѣчаетъ Бернштейнъ, — послѣ предъявленія Австріей *ультиматума Сербіи*, австрійскіе соціаль-демократы уже лишены были возможности свободно выражать свои мысли***).

Совершенно также смотрѣли на тогдашнее положеніе дѣлъ соціалисты другихъ странъ западной Европы. Англійскій «Daily Citizen», въ номерѣ отъ 27-го іюля говорилъ: «Мы рѣшительно считаемъ Австрію нападающей стороной». Брюссельскій «Peuple» говорилъ, что Францъ-Іосифъ заканчиваетъ свое царствованіе очень плохимъ дѣломъ, которое, вдобавокъ, можетъ оказаться и весьма не выгоднымъ. «Мы могли бы, — заключаетъ Бернштейнъ, — перебрать, одну за другою, всѣ страны (Land auf Land durchnehmen), и вездѣ мы нашли бы одно и то же. Соціалисты всѣхъ странъ были единодушны въ страстномъ осужденіи войны и въ признаніи Австріи ея главной зачинщицей»*).

Вы видите, товарищъ, что если теперь мои «проницательные» противники ссылаются на полную невозможность рѣшить, кѣмъ начата нынѣшняя война, то это объясняется именно ихъ «проницательностью». Люди, избавленные отъ такой проницательности доброй матерью-природой, — «*соціалисты всѣхъ странъ*», — прекрасно знали, по свидѣтельству Бернштейна, гдѣ находятся зачинщики. И, конечно, совсѣмъ не нужно было быть,—какъ говорятъ французы, — grand clerc (очень ученымъ), чтобы знать это: положеніе дѣлъ громко и ясно говорило само за себя.

Пойдемъ дальше. При указанномъ единодушіи *наканунѣ общеевропейской войны* можно было ожидать, что соціалисты всѣхъ странъ останутся единодушными и *послѣ того, какъ она разразится*. Ихъ единодушіе спасло бы второй Интернаціоналъ отъ

*) Die Internationale der Arbeiterklasse und der europäische Krieg, — von Eduard Bernstein, Tübingen 1915, s. 11.

**) Тамъ же, стр. 14.

***) Тамъ же, стр. 13.

****) Тамъ же, стр. 15.

гражданской войны, а его лучшіе составные элементы отъ крайне тяжелыхъ переживаній. Для этого соціалистамъ всѣхъ странъ нужно было только одно: дѣйствовать сообразно ихъ собственному, твердо установленному и горячо высказанному, *убѣжденію* въ томъ, что война вызвана властолюбивыми вожделѣніями австро-германскихъ правителей и корыстолюбивыми стремленіями австрійскихъ и германскихъ имперіалистовъ. Могли ли наши австрійскіе и германскіе товарищи оказать поддержку *такой* войнѣ? Могли-ли они участвовать въ этомъ постыдномъ предпріятіи?

Я, — да и одинъ-ли я! — былъ глубоко убѣжденъ, что это для нихъ психологически невозможно. Вышло другое. Германскіе соціаль-демократы охотно голосовали кредиты, необходимые для веденія «преступной войны», а — нѣмецко-австрійскіе, въ одномъ изъ августовскихъ №№ своего центральнаго органа «Arbeiterzeitung», провозгласили, что надо спасать «нѣмецкое человѣчество». «Какой, съ божьей помощью, поворотъ»! Чѣмъ онъ былъ вызванъ?

За отвѣтомъ опять обратимся къ Бернштейну, по весьма понятной причинѣ несравненно болѣе склонному къ тому, чтобы оправдывать свою партію, нежели къ тому, чтобы обвинять ее.

Отмѣтивъ, что въ Сербіи соціаль-демократы, а въ Россіи соціаль-демократы и трудовики *не* голосовали за военные кредиты, онъ пускается, по этому поводу, въ поучительныя соображенія.

По его словамъ, ошибочно было бы умозаключать изъ указаннаго имъ факта, что лѣвыя партіи въ Россіи и Сербіи мужественнѣе, идеалистичнѣе и послѣдовательнѣе, нежели нѣмецкіе и австрійскіе соціальдемократы. Дѣло вполнѣ объясняется разницей положеній. «Когда голосуютъ большія партіи или партіи съ большимъ парламентскимъ вліяніемъ, на нихъ давитъ сознаніе связанной съ такимъ вліяніемъ практической отвѣтственности. Имъ нельзя голосовать для демонстраціи, какъ это легко могутъ позволить себѣ маленькія партіи, вотумъ которыхъ не имѣетъ непосредственнаго вліянія на ходъ дѣлъ. Въ этомъ заключается оборотная сторона увеличенія парламентской силы партіи *).

Мы съ Вами, товарищъ, гдѣ-то уже встрѣчали подобныя разсужденія. Дай богъ памяти... Ахъ, да! Въ Пушкинской «Русалкѣ».

«Что дѣлать?
Сама ты разсуди. Князья не вольны.
Какъ дѣвицы: не по сердцу они
Себѣ подругъ берутъ, а по разсчетамъ»...

*) Наз. соч., стр. 39—40.

Теперь все ясно. Теперь мы понимаемъ, почему германскіе и австрійскіе соціаль-демократы повели себя въ нынѣшнюю войну не такъ, какъ Вильгельмъ Либкнехтъ и Августъ Бебель — во время войны 1870—1871 г.г. «Князья не вольны, какъ дѣвицы»... виноватъ, — большія партіи не вольны, какъ маленькія. Соціаль-демократія стала большою партіей въ Германіи и въ Австріи, и вотъ ей приходится разсудку сердце подчинять. «Въ этомъ заключается оборотная сторона увеличенія парламентской силы партіи», прибавляетъ Бернштейнъ въ утѣшеніе своимъ читателямъ.

Печальное утѣшеніе! Подумайте только товарищъ!

При прочихъ равныхъ условіяхъ, парламентское вліяніе соціаль-демократической партіи увеличивается пропорціонально росту ея организованныхъ силъ. Но если ростъ ея организованныхъ силъ неизбѣжно приводитъ къ тому, что она лишается возможности сохранить вѣрность своимъ собственнымъ принципамъ, то стоитъ-ли заботиться о томъ, чтобы росли ея силы? Не лучше-ли ей оставаться «маленькой»? Похоже на то, что—лучше! А съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что, оставаясь «маленькой», соціальдемократія никогда не осуществитъ своихъ принциповъ. Поистинѣ, безвыходное положеніе: носъ вытащишь, хвостъ увязнетъ! Неужели правы анархисты, безъ устали твердившіе и твердящіе намъ, что соціалистъ, выступившій на путь парламентской дѣятельности, тѣмъ самымъ разъ навсегда отказался отъ революціонной тактики?

II.

Анархисты ошибаются! Выступленіе соціалистовъ на путь парламентской дѣятельности само по себѣ еще вовсе не равносильно отказу ихъ отъ революціонной тактики. Но они должны помнить, что не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка; не соціализмъ для парламентской дѣятельности, а парламентская дѣятельность для соціализма. Дѣятельность эта есть лишь *одно изъ средствъ*, способствующихъ достиженію конечной цѣли международнаго соціализма. Кто ставитъ это средство выше этой цѣли, тотъ, въ сущности, перестаетъ быть соціалистомъ. Естественно, поэтому, что въ его глазахъ теряетъ всякое значеніе тактика революціоннаго соціализма. Но кто же ставилъ средство выше цѣли? Тотъ же Бернштейнъ, возвѣстившій намъ, съ высоты своей позиціи «ревизіониста», что *движеніе все, а конечная цѣль ничто*. Вотъ почему я и сказалъ въ своей брошюрѣ, что вотумъ германской соціаль-демократической фракціи означалъ

побѣду праваго крыла германской с.-д. партіи надъ ея лѣвымъ крыломъ, т. е. Бернштейна надъ Каутскимъ. Съ тѣхъ поръ до меня дошелъ слухъ, что самъ Каутскій одобрилъ этотъ вотумъ. Если это и правда, то это все-таки ничего не измѣняетъ: Каутскій прошелъ подъ ярмомъ побѣдителя, — и только.

Сказанное мною о *парламентской дѣятельности* относится и къ *организаціи*. Нелѣпо и даже преступно пренебрегать ею. Она безусловно необходима для осуществленія нашей конечной цѣли. Но и она не болѣе, какъ средство. Дорожить ею больше, нежели цѣлью, можетъ только тотъ, для кого конечная цѣль уже есть «ничто», т. е. опять таки только «ревизіонистъ».

Братъ Николая «незабвеннаго», Константинъ, бывшій нѣкогда намѣстникомъ Польши, страстно любилъ военныя упражненія. Но онъ упорно добивался того, чтобы польская армія*) не принимала участія въ войнѣ (1828 г.) Россіи съ Турціей. Одинъ французскій историкъ приписываетъ ему фразу: «je déteste la guerre, elle gâte les armées». (Я терпѣть не могу войны, она портитъ войска). Германскіе «ревизіонисты» похожи на этого своеобразнаго любителя военнаго дѣла. Они терпѣть не могутъ рѣшительныхъ выступленій, которыя грозятъ разстроить партійную организацію и ослабить парламентское вліяніе партіи. И когда пришла пора употребить въ дѣло огромныя силы германской соціаль-демократической арміи, они добились того, чтобы силы эти въ походъ не выступали. «Je déteste la guerre, elle gâte les armées». По-своему, эти господа вполнѣ правы! **).

Но, конечно, *только* по своему. Передо мною лежитъ письмо, написанное однимъ *нѣмецкимъ* ветераномъ международнаго соціализма. Этотъ ветеранъ находитъ, что соціаль-демократы Германіи сдѣлали далеко не все то, что могли и должны были сдѣлать для предупрежденія войны. «Разумѣется,—говоритъ онъ, — въ такой моментъ немногаго можно было добиться обычными резолюціями въ закрытыхъ помѣщеніяхъ («in geschlossenen Räumen»). Надо было выходить на улицу. Германская армія на одну треть состоитъ изъ соціаль-демократовъ, и правительство поостереглось бы начинать войну на два фронта, если-бы соціаль-демо-

*) Въ «Конгрессувкѣ» была тогда армія, отдѣльная отъ русской.

**) Ради безпристрастія прибавлю, однако, что еще до появленія «ревизіонизма» наши германскіе товарищи избѣгали праздновать, какъ слѣдовало, первое мая. Они боялись, что, прекращая работу въ этотъ день, германскій пролетаріатъ рискуетъ разстроить свои организаціи. Такимъ образомъ, еще до появленія «ревизіонизма» наши германскіе товарищи имѣли нѣкоторое сходство съ Константиномъ Павловичемъ. Ревизіонизмъ только усилилъ его.

кратія рѣшилась бороться *противъ войны всѣми средствами*. Такая борьба потребовала бы тяжелыхъ и, вѣроятно, кровавыхъ жертвъ. «Но что значили бы, — спрашиваетъ соціаль-демократическій ветеранъ, — сотни славныхъ потерь въ сравненіи съ тысячами, приносимыми теперь въ жертву германскому имперіализму на поляхъ сраженій съ русскими и съ французами?»

Какъ видите, въ письмѣ рѣчь идетъ лишь о *тысячахъ* жертвъ, приносимыхъ Молоху имперіализма: оно было написано въ самомъ началѣ войны. Теперь число этихъ жертвъ, по весьма умѣренной оцѣнкѣ, превышаетъ *милліонъ*. Теперь кровь германскаго пролетаріата льется широкой и глубокой рѣкою. И теперь еще болѣе умѣстнымъ становится вопросъ: что значатъ, въ сравненіи съ этими безчисленными жертвами, тѣ славныя потери, которыя понесла бы германская соціаль-демократія, рѣшительно объявивъ *героическую* пролетарскую войну, «*постыдной войнѣ*», затѣянной австро-германскими имперіалистами?

III.

«Je déteste la guerre, elle gâte les armées»! Наши германскіе товарищи испугались того, что рѣшительная «*война войнѣ*» испортитъ ихъ собственную армію. Это неоспоримо. Но *все-ли объясняется этимъ*? Впрочемъ, вопросъ надо поставить иначе: *почему наши германскіе товарищи боялись, что рѣшительная «война войнѣ» испортитъ ихъ армію?* Только-ли потому, что такая война потребовала бы отъ нихъ кровавыхъ жертвъ и повела бы къ распущенію «именемъ закона» ихъ организацій?

Нѣтъ! Была еще другая причина. *Руководящіе круги германской соціаль-демократіи побоялись также того, что въ рѣшительной войнѣ противъ войны откажется принять участіе весьма значительное число организованныхъ германскихъ рабочихъ.* Этого опасенія, — въ связи со страхомъ передъ кровавыми жертвами, и распущеніемъ организацій, — оказалось достаточнымъ для того, чтобы они оставили всякую мысль о веденіи войны съ войною и рѣшили принять дѣятельное участіе, не токмо за страхъ, но и за совѣсть, въ войнѣ съ Россіей, Франціей, а прежде всего съ Бельгіей. Это ихъ рѣшеніе пріукрашено было тѣмъ доводомъ, что германскій пролетаріатъ не можетъ не участвовать въ борьбѣ съ русскимъ царизмомъ. Какъ ничтожна была цѣнность этого довода видно изъ слѣдующаго разсужденія соціаль-демократическаго «Hamburger Echo».

Какъ говоритъ эта газета, борьба съ царизмомъ заслуживаетъ всякаго уваженія; но нельзя звать нѣмецкій пролетаріатъ

на войну ради такой политико-идеологической (politisch-ideologische) цѣли, какъ низверженіе царизма: «Намъ слишкомъ дорога кровь нашихъ нѣмецкихъ земляковъ (unserer deutschen Volksgenossen). Пароль: «противъ московщины» можетъ сдѣлать эту войну болѣе симпатичной для насъ, но не можетъ ее санкціонировать».

Кровь ея германскихъ земляковъ всегда была такъ дорога нѣмецкой соціаль-демократіи, что она даже въ самой Германіи всегда очень старательно избѣгала рѣшительныхъ выступленій противъ политическихъ пережитковъ старины (напримѣръ, въ Пруссіи). Поэтому только совсѣмъ наивные люди могли придавать значеніе *доводу отъ борьбы съ царизмомъ**).

Нѣсколько труднѣе было оцѣнить истинное значеніе *довода отъ національной самозащиты*. Выдвигая этотъ послѣдній доводъ, германскіе соц.-демократы ссылались на Бебеля и на Либкнехта.

Оба они, въ самомъ дѣлѣ, не разъ категорически заявляли, что *соціаль-демократы нравственно обязаны защищать свое отечество*. Извѣстный Домела Ньевенгайсъ, благополучно прибывшій впослѣдствіи въ гавань анархизма, называлъ ихъ за это,—напримѣръ, на цюрихскомъ международномъ соціалистическомъ съѣздѣ,—*соціаль-патріотами***). Однако, имѣютъ-ли право ссылаться на примѣръ Бебеля и Либкнехта тѣ, которые стараются оправдать нынѣшнее поведеніе германской соціаль-демократіи?

Ни самомалѣйшаго! я не хочу снова напоминать о томъ, что какъ бы ни былъ великъ «соціаль-патріотизмъ» Бебеля и Либкнехта, оба они отказались голосовать за военные кредиты въ 1870 г. Я готовъ временно допустить, что это обстоятельство не имѣетъ рѣшающаго значенія, такъ какъ можетъ быть объяснено преходящими условіями тогдашней эпохи (напр., какъ думаетъ Бернштейнъ, тѣмъ, что партія Либкнехта-Бебеля была тогда «*маленькой*»). Я укажу на другое.

На эрфуртскомъ съѣздѣ германской (тогда уже довольно таки *большой*) партіи Либкнехтъ былъ атакованъ такъ называвшимися «молодыми», обвинявшими его въ шовинизмѣ. И вотъ что отвѣтилъ онъ, между прочимъ, на ихъ нападки.

«Говорятъ, я сказалъ, что если на насъ нападутъ, если нужно будетъ сражаться для отраженія непріятеля, то мы го-

---

*) «Leipziger Volkszeitung» еще въ номерѣ отъ 3-го августа прошлаго года разоблачала лживость «анти-царистской фразеологіи», которую стала эксплуатировать военная партія. См. Лондонскую «Justice» отъ 27-го августа 1914 г.

**) Обращаю на это обстоятельство вниманіе моихъ бдительныхъ противниковъ въ вопросѣ о войнѣ, дѣлающихъ мнѣ тотъ же самый упрекъ.

товы защищать отечество. О, конечно, я заявлялъ это не одинъ разъ; это само собою разумѣется; каждый изъ насъ поступитъ такъ... Развѣ нашъ собственный интересъ не побудитъ насъ прогнать всякаго, кто вторгнется въ нашу страну, какъ прогнали бы мы грабителя, который ворвался бы въ нашъ домъ (непростительный соціаль-патріотизмъ! Непостижимо, почему наши обскуранты, «спасающіе интернаціоналъ», до сихъ поръ не предали анаѳемѣ памяти Либкнехта Г. П.). Но я всегда прибавлялъ къ этимъ своимъ заявленіямъ, что война должна быть необходима, справедлива. И не всякая формально оборонительная война является такою въ дѣйствительности. Не рѣдко тотъ, кто дѣлаетъ видъ, что защищается, на самомъ дѣлѣ нападаетъ»*).

Нѣтъ истины, которой нельзя было бы воспользоваться въ цѣляхъ софистики. Зная это, Либкнехтъ предупредилъ своихъ слушателей насчетъ возможныхъ злоупотребленій понятіемъ: *національная самооборона*. Но этимъ онъ сдѣлалъ свою мысль еще болѣе ясной: *Мы нравственно обязаны защищать свою родину, если она подвергается нападенію* или, другими словами, *если она ведетъ необходимую, справедливую войну*. И эту мысль Либкнехта хорошо поняли; по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нѣмецкихъ товарищей, пытающихся теперь оправдать свое поведеніе его примѣромъ. Въ указанной мною выше статьѣ «Hamburger Echo» прямо говорится, что участіе германскихъ соціаль-демократовъ въ нынѣшней войнѣ можетъ быть санкціонировано только тѣмъ, что она имѣетъ оборонительный характеръ и ведется за самое существованіе страны (für unsere bedrohte Existenz).

Разумѣется, это совсѣмъ ненадежная «санкція», такъ какъ германскій соц.-демократическій Parteivorstand заранѣе потрудился разъяснить намъ происхожденіе и истинный характеръ «*постыдной войны*», начатой ради властолюбивыхъ вожделѣній австрійскихъ правителей и ради имперіалистической жажды наживы. Если война изъ *постыдной* вдругъ превратилась въ *справедливую* оборонительную войну послѣ того, какъ была объявлена, то яснѣе яснаго, что дѣло тутъ не въ ея характерѣ, а въ тѣхъ «разсчетахъ», которымъ должны подчинять свое сердце князья при выборѣ невѣстъ и, — если вѣрить Бернштейну, — *большія* соціалистическія партіи... при парламентскихъ голосованіяхъ.

И замѣтьте, товарищъ: война считалась *постыдной* тогда, когда Бельгія еще не подвергалась нападенію со стороны Германіи, и была признана *справедливой* оборонительной войною (см.

*) Не имѣя подъ руками протокола эрфуртскаго съѣзда, цитирую по книгѣ т. Э. Мильо «La démocratie socialiste allemande», Paris 1903, p. 269.

рѣчь Гаазе въ засѣданіи рейхстага 4-го авг.), послѣ того, какъ германское правительство самымъ циничнымъ образомъ попрало права бельгійскаго народа. И т. Гаазе счелъ возможнымъ оправдывать дѣйствія германскаго правительства тѣмъ, что, по признанію Интернаціонала, каждый народъ имѣетъ право на существованіе...

Какъ извѣстно, лицемѣріе есть первая уступка, дѣлаемая порокомъ добродѣтели. Стараясь «санкціонировать» нынѣшнее поведеніе германской соціаль-демократіи будто-бы оборонительнымъ (*для Германіи*) характеромъ войны, «Hamburger Echo» и т. Гаазе тѣмъ самымъ признаютъ, что *только въ оборонительной войнѣ позволительно и даже обязательно дѣятельное участіе сознательныхъ пролетаріевъ*. И тутъ они вполнѣ правы.

IV.

Мнѣ писали, что одинъ мой противникъ (изъ самыхъ «видныхъ»!), читая «рефератъ» о войнѣ на собраніи русской колоніи въ Женевѣ, воскликнулъ: подъ вліяніемъ войны старый матеріалистъ Плехановъ сдѣлался идеалистомъ; онъ взываетъ теперь къ законамъ нравственности и права. «По человѣчеству» мнѣ не хочется думать, что мой «видный» противникъ окончательно сдѣлался обскурантомъ (въ Гетевскомъ смыслѣ). Я предполагаю, что его не такъ поняли. Но какъ бы тамъ ни было, а фактъ тотъ, что, будучи матеріалистомъ, я, въ своихъ разсужденіяхъ о политикѣ сознательнаго пролетаріата, считаюсь съ нравственностью и правомъ, и къ тому же полагаю, что намъ, марксистамъ, никакъ нельзя не считаться съ ними.

Уже первый манифестъ перваго Интернаціонала, — *написанный Марксомъ*, — ставилъ рабочимъ на видъ, что они должны проникать въ тайны международнаго государственнаго искусства и наблюдать за дипломатическими подвохами правительствъ. Въ случаѣ нужды рабочимъ надо бороться противъ нихъ всѣми возможными средствами. Если рабочіе не могутъ предупредить тотъ или другой дипломатическій сюрпризъ, то имъ слѣдуетъ единодушно, одновременно и открыто протестовать противъ него. Далѣе манифестъ говорилъ, что простые законы нравственности и права, которыми опредѣляются взаимныя сношенія отдѣльныхъ лицъ, должны также стать высшими законами, опредѣляющими взаимныя отношенія народовъ.

Какъ видно, авторъ Манифеста хотѣлъ, чтобы это его указаніе на право и нравственность явилось заключительнымъ аккордомъ его призыва рабочихъ къ объединенію.

«Борьба за такую внѣшнюю политику, — читаемъ мы въ послѣднихъ строкахъ Манифеста, — составляетъ одну изъ частей общей борьбы за освобожденіе рабочаго класса. Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!».

Г. А. Луначарскій, передавая въ одной изъ женевскихъ корреспонденцій свой разговоръ съ Ром. Роланомъ, сообщалъ, что знаменитый писатель отмѣтилъ передъ нимъ слѣдующую отрицательную сторону соціалистической пропаганды: .

«Мнѣ кажется, что нѣкоторыя, безусловно передовыя группы человѣчества, недооцѣниваютъ понятія права и значенія правового чувства. Рабочему классу часто внушаютъ мысль, что и касающіеся его вопросы будутъ разрублены силой организаціи и только. Организованныя массы, сгруппировавшіяся вокругъ знамени своего интереса и не думающія апеллировать къ обветшалой идеологіи всякаго тамъ права, кажутся или казались нѣкоторымъ достаточнымъ фундаментомъ для коренной реформы жизни человѣчества... Я думаю,... что великій грѣхъ совершенъ тѣми, кто старался подкопать и сгладить этическую сторону соціальнаго вопроса»*).

Если бы Р. Роланъ былъ лучше знакомъ съ литературой новѣйшаго соціализма, онъ зналъ бы, что въ указанномъ имъ тяжкомъ грѣхѣ нельзя упрекнуть ни матеріалиста Маркса, ни тѣхъ его послѣдователей, которые *правильно* поняли *матеріалистическое* объясненіе исторіи. И онъ, можетъ быть, добавилъ бы, что этическая сторона соціальнаго вопроса подкапывалась и сглаживалась *на дѣлѣ* именно тѣми псевдо-соціалистическими «критиками Маркса», которые *на словахъ* огорчались мнимымъ невниманіемъ марксистовъ къ «нравственному фактору».

Марксъ уже по одному тому не могъ пренебрегать этимъ «факторомъ», что былъ въ числѣ основателей Интернаціонала.

Опредѣливши великую цѣль рабочаго движенія, (экономическое освобожденіе пролетаріата), — цѣль, которой всякое политическое движеніе должно быть подчинено, какъ средство, написанный Марксомъ уставъ Интернаціонала говоритъ, что «всѣ стремленія рабочихъ къ достиженію этой цѣли оставались до сихъ поръ безуспѣшными вслѣдствіе недостатка единодушія между рабочими различныхъ отраслей труда въ каждой странѣ и отсутствія братскаго союза между рабочими различныхъ странъ»...

И что «освобожденіе рабочихъ является не мѣстной только или національной задачей, но, напротивъ, затрагиваетъ интересы всѣхъ цивилизованныхъ націй и можетъ быть достигнуто только

*) «Кіевская Мысль» No 73, 14 марта 1915 г.

ихъ теоретическимъ и практическимъ содѣйствіемъ другъ другу»*).

Но для того, чтобы стало возможнымъ это содѣйствіе; для того, чтобы въ реальной жизни, — а не только въ благородной мечтѣ, — возникъ братскій союзъ между рабочими различныхъ странъ, необходимо признаніе всемірнымъ пролетаріатомъ тѣхъ «простыхъ законовъ нравственности и права», упоминаніемъ о которыхъ многозначительно заканчивается первый Манифестъ Интернаціонала.

Вы знаете, что я не кантіанецъ и не люблю опираться на Канта. Но когда рѣчь заходитъ о простыхъ законахъ нравственности и права, нельзя иногда не вспомнить и объ авторѣ «Критики практическаго разума».

«Во всемъ твореніи все, что угодно и для чего угодно, имѣетъ значеніе *только какъ средство;* но человѣкъ... *есть цѣль въ себѣ самомъ*, — говоритъ Кантъ, — это именно субъектъ моральнаго закона, который святъ въ силу автономіи своей свободы. Именно поэтому... каждое лицо ограничиваетъ свою собственную, на самое себя направленную волю условіями соотвѣтствія ея съ *автономіею* разумнаго существа, а именно тѣмъ, что не подчиняется никакой цѣли, которая была бы невозможна по закону, какой могъ бы возникнуть изъ воли самого субъекта; слѣдовательно, она никогда не пользуется этимъ субъектомъ, какъ средствомъ, но всегда смотритъ на него какъ на цѣль **).

Вотъ нравственный законъ, до признанія котораго постепенно возвышается современное цивилизованное человѣчество. Имъ оправдывается, во первыхъ, борьба пролетаріата отдѣльныхъ странъ за свое освобожденіе отъ ига капитала, третирующаго рабочихъ не какъ самоцѣль, а какъ средство. И въ то же время онъ содержитъ въ себѣ основное правило «внѣшней политики пролетаріата»: ни одинъ народъ не долженъ разсматриваться другими народами, какъ средство, каждый народъ долженъ разсматриваться, какъ самоцѣль. Другими словами: каждый народъ имѣетъ право на самоопредѣленіе.

Буржуазія, провозгласившая этотъ нравственный законъ устами своихъ благороднѣйшихъ мыслителей, ***) постоянно нарушала его на практикѣ. Она побуждалась къ его нарушенію сво-

*) Коммунистическій Манифестъ указывалъ на это еще въ началѣ 1848 года: «соединеніе усилій, по крайней мѣрѣ, цивилизованныхъ странъ есть одно изъ первыхъ условій освобожденія пролетаріата».

**) Критика практическаго разума, переводъ Н. М. Соколова. СПБ. 1897 г., стр. 105.—Разрядка въ подлинникѣ.

***) Дѣятельность этихъ благородныхъ мыслителей относится къ тому времени, когда буржуазія *боролась за свое освобожденіе*.

имъ жизненнымъ экономическимъ интересомъ. Наоборотъ, жизненный экономическій интересъ пролетаріата побуждаетъ его къ признанію этого нравственнаго закона. И не только въ томъ смыслѣ, что для него освободить себя отъ ига капитала значитъ перестать быть третируемымъ, какъ средство, но также и въ томъ, что онъ не можетъ осводить себя отъ ига капитала, не признавъ права каждаго народа на самоопредѣленіе. Необходимое, для сверженія этого ига, объединеніе пролетаріевъ всѣхъ странъ становится возможнымъ только въ той мѣрѣ, въ какой они признаютъ право каждаго отдѣльнаго народа на самоопредѣленіе. Признаніе этого права международнымъ пролетаріатомъ составляетъ необходимое предварительное, — психологическое и политическое, — условіе соціалистической революціи. Больше того. Пока это право не признано имъ, онъ самъ не существуетъ, какъ сознательная международная сила. А пока онъ не существуетъ, какъ сознательная международная сила, до тѣхъ поръ рабочіе каждой отдѣльной страны идутъ во внѣшней политикѣ за буржуазіей, и до тѣхъ поръ *народъ народу — волкъ*!

Нѣмецкіе профессора и доценты любятъ читать «фортраги» на тему: «*Кантъ и Марксъ*». Но ни одинъ изъ нихъ не прочелъ фортрага о томъ, какъ соединила *экономика* новѣйшихъ обществъ рекомендованную Марксомъ «внѣшнюю политику пролетаріата» съ *нравственнымъ закономъ* Канта. Повидимому, Р. Роланъ тоже не отдаетъ себѣ отчета въ роковой необходимости этого соединенія!

V.

Только тотъ, кто держится точки зрѣнія сознательнаго международнаго пролетаріата, имѣетъ право сказать о себѣ: «человѣкъ есмь, и ничто человѣческое не чуждо мнѣ». Только въ его глазахъ понятіе: «*отечество*» не заслоняетъ собою понятія: «*человѣчество*».

Идеологи нынѣшней буржуазіи говорятъ: «right or wrong, my country». Въ вольномъ переводѣ это значитъ: «права или не права моя страна, я иду съ нею». Послѣдовательные идеологи пролетаріата находятъ, что это слишкомъ узко. Дорожа интересами своей страны, они не приносятъ имъ въ жертву интересовъ человѣчества. Вотъ почему Либкнехтъ и сказалъ, что онъ будетъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать свою родину, *если* она ведетъ справедливую войну, т. е. *если* она *обороняетъ свои права*, а не *нарушаетъ — чужія*. Этимъ онъ показалъ свою

вѣрность завѣтамъ Интернаціонала, строго различавшаго самооборону народа отъ его нападенія на другой народъ. *)

Теперь въ нѣкоторыхъ соціалистическихъ кругахъ замѣчается склонность пренебрегать этимъ различіемъ. Недавно англійская «Независимая Рабочая Партія» сдѣлала на своемъ съѣздѣ такое постановленіе:

«Соціалисты всѣхъ странъ должны уговориться, что отнынѣ соціалистическія партіи будутъ отказывать въ поддержкѣ всякой войнѣ, каковъ бы ни былъ ея внѣшній характеръ, хотя бы номинально то была война оборонительная». **)

Это темно. А если война — *оборонительная не только «номинально»*? Отвѣта нѣтъ. Рѣчь предсѣдателя съѣзда Джоуэта даетъ основаніе думать, что участіе соціалистовъ въ войнѣ *оборонительной по существу дѣла* было бы одобрено Нез. Раб. Партіей. Съ другой стороны, можно думать, что нѣкоторые члены этой партіи «не пріемлютъ» войны ни въ какомъ случаѣ. Очевидно, именно ихъ имѣютъ въ виду тѣ «антипатріоты» европейскаго материка, которые кричатъ, что независимая партія крѣпче всѣхъ другихъ держится завѣтовъ Интернаціонала.

Послѣ сказаннаго мною выше о томъ, какъ относился Интернаціоналъ къ оборонительной *(по существу)* войнѣ, излишне повторять, что, безусловно непріемлющіе войны, члены Независ. Раб. Партіи не спасаютъ завѣтовъ Интернаціонала, а, *напротивъ*, измѣняютъ имъ. Они несравненно ближе къ точкѣ зрѣнія Л. Толстого, чѣмъ къ воззрѣніямъ Маркса.

Толстой увѣрялъ, что не сталъ бы противиться злу насиліемъ даже въ томъ случаѣ, еслибы зулусъ на его глазахъ убивалъ его ребенка. Толстой отрицалъ насиліе и войну во всякомъ случаѣ. Но къ лицу-ли соціалистамъ слѣдовать примѣру Толстого? That is the question ***).

Впрочемъ, не одинъ Толстой отвергалъ войну quand même. На цюрихскомъ международномъ съѣздѣ Домела Ньевенгайсъ требовалъ, чтобы, въ случаѣ войны, соціалисты соотвѣтствующихъ

---

*) Такое различеніе сдѣлано, напримѣръ, въ написанномъ Марксомъ Манифестѣ Генеральнаго Совѣта отъ 23 іюля 1870 г. (Die International von G. Iaeckh, s. 101). Оно же играетъ большую роль въ Манифестѣ брауншвейгскаго Ausschuss'a эйзенахской партіи отъ 5-го сентября того же года. (Еккъ, наз. соч., стр. 102). Этотъ манифестъ тоже вышелъ изъ подъ пера Маркса.

**) Парижскія «Новости» No 212.

***) Кстати. Англійскіе марксисты долго и часто упрекали Незав. Раб. Партію въ томъ, что она *не пріемлетъ классовой борьбы*. Интересно было бы знать, пріемлетъ ли она ее теперь. Боюсь, что объ этомъ не нашли нужнымъ справиться ея континентальные хвалители, кичащіеся своимъ радикализмомъ.

странъ объявили военную стачку. Въ качествѣ докладчика военной коммиссіи, я рѣшительно отвергъ предложеніе Домелы. Въ числѣ моихъ доводовъ былъ одинъ, который я позволю себѣ привести здѣсь.

Я говорилъ: вообразите, что вспыхнула война между двумя странами, въ одной изъ которыхъ вліяніе соціалистовъ очень сильно, а въ другой — очень слабо. Что выйдетъ, если соціалисты сдѣлаютъ удачную военную стачку? Мощь той страны, въ которой очень сильны соціалисты, будетъ уничтожена. На оборотъ, военная мощь той страны, въ которой соціалисты очень слабы, останется непоколебленной. При прочихъ равныхъ условіяхъ, побѣдитъ эта вторая страна *).

Я спросилъ бы «крайнихъ лѣвыхъ» членовъ «Незав. Рабоч. Партіи»: всегда-ли выгодна для дѣла международнаго соціализма побѣда той страны, въ которой соціалистическая партія очень слаба, надъ тою, въ которой она очень сильна? Думаю, что далеко не всегда. А если не всегда, то не рискуютъ-ли соціалисты, дѣлающіе военную стачку, оказаться въ непріятномъ положеніи людей, шедшихъ въ одну комнату и попавшихъ въ другую? Не рискуютъ ли они оказать огромную, незамѣнимую услугу тому самому милитаризму, съ которымъ они хотятъ бороться?

Мы должны возставать противъ эксплуатаціи одного народа другимъ, какъ возстаемъ противъ эксплуатаціи трудящейся массы господствующими классами.

Эксплуататоръ *угнетаетъ, слѣдовательно, нападаетъ;* эксплуатируемый *стремится освободить себя отъ угнетенія; слѣдовательно, — обороняется.*

Какъ же не различать самообороны отъ нападенія?

Фейербахъ говорилъ: «Vulgus non distinguit». Я совѣтую моимъ противникамъ почаще вспоминать эти слова нѣмецкаго матеріалиста.

Дальше. Вообще говоря, международному соціализму невыгодно пораженіе той страны, въ которой очень сильна его партія. Однако, есть условіе, при которомъ соціалисты всѣхъ странъ безусловно должны привѣтствовать военную неудачу такой страны: *если война затѣяна этой страною ради подчиненія и эксплуатаціи страны* (или странъ) *менѣе развитой* (развитыхъ) *въ экономическомъ отношеніи.*

Мы всѣ, — за весьма понятнымъ исключеніемъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ соц.-дем. оппортюнистовъ, — желали пораженія Англіи

*) См. мою статью: «La question militaire au congrès de Zürich» въ одномъ изъ осеннихъ номеровъ, — не помню, въ какомъ именно, — парижской «Ere Nouvelle» за 1893 г.

въ ея войнѣ съ бурами. И никто изъ насъ, — опять за указаннымъ исключеніемъ, — никогда не желалъ успѣха капиталистическимъ странамъ въ ихъ военныхъ столкновеніяхъ съ туземцами ихъ колоній. Мы не подражали примѣру фейербаховскаго vulgus'a. Мы различали.

VI.

Теперь перехожу къ Вашему письму, т. Н—новъ.

Въ лицѣ какого-то Невскаго, издающаяся въ Америкѣ русская газетка «*Новый Міръ*» съ большимъ огорченіемъ повѣдала своимъ читателямъ, что я сдѣлалъ непростительную ошибку. Я, изволите-ли видѣть, «забылъ или не понялъ, что на извѣстной стадіи своего развитія капитализмъ не можетъ мириться съ тѣми государственными рамками, которыя имъ же созданы, на зарѣ своей исторіи, а стремится къ міровому господству, и что войны современныхъ государствъ, — будь то страны тройственнаго (нынѣ двойственнаго) союза или тройственнаго соглашенія, безразлично, — суть войны имперіалистическія»*).

Огорченная газетка, подобно Vulgus'y, non distinguit. Она убѣждена, что въ имперіалистическихъ войнахъ нѣтъ ни правыхъ, ни виноватыхъ. Я не отвѣтилъ на выходку полуграмотнаго листка. Но Ваше письмо, товарищъ Н—новъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что Вы умѣете мыслить. И я тѣмъ болѣе удивился, неожиданно встрѣтивши въ немъ странный логическій промахъ.

Вы приводите то мѣсто моей брошюры, гдѣ говорится, что пораженіе Россіи Германіей повело бы къ обѣдненію источника всѣхъ нашихъ освободительныхъ стремленій, такъ какъ замедлило бы экономическое развитіе нашей родины.

Вы сопоставляете это мѣсто съ тою, — у меня же изложенною, — мыслью Л. Франка, что побѣда Германіи принесла бы ей пользу въ экономическомъ отношеніи. И, основательно предполагая, что *тутъ* я согласенъ съ Франкомъ, Вы умозаключаете:

«А если это такъ, то, забывъ на минуту вопросы нравственности и права, отрѣшившись на минуту отъ интернаціональной точки зрѣнія въ пользу національной, надо согласиться, что пролетаріатъ каждой данной націи или страны заинтересованъ въ успѣхѣ имперіализма на родинѣ». По моему, отъ международной точки зрѣнія намъ, марксистамъ, нельзя отвлекаться даже и на минуту. И точно такъ же, ни на одно мгновеніе мы не можемъ забывать о вопросахъ нравственности и права. Это очень

*) Корреспонденція изъ Парижа въ одномъ изъ декабрьскихъ N-овъ.

важно Но я пока оставляю это въ сторонѣ. Сейчасъ для меня главное не въ этомъ.

Я никогда не говорилъ, что русскій пролетаріатъ заинтересованъ въ побѣдѣ русскаго имперіализма, и никогда этого не думалъ. А убѣжденъ, что онъ заинтересованъ лишь въ одномъ: *чтобы русская земля не сдѣлалась предметомъ эксплуатаціи въ рукахъ германскихъ имперіалистовъ*. А это, согласитесь, нѣчто совсѣмъ другое.

Недавно одинъ французскій литераторъ, хорошо ознакомившійся съ содержаніемъ моей брошюры, написалъ о ней замѣтку, въ которой, очень одобряя страницы, посвященныя мною теперешней тактикѣ *германской* соціаль-демократіи, замѣтилъ, однако, что я самъ перехожу на точку зрѣнія нашихъ бывшихъ нѣмецкихъ товарищей, какъ только принимаюсь опредѣлять задачу русскихъ соціаль-демократовъ.

Я довольно долго недоумѣвалъ, какимъ чудомъ пришло это въ голову моему французскому критику.

Вѣдь въ моей брошюрѣ, — текстъ которой очень хорошо извѣстенъ ему, — прямо сказано, что я сочувствую своей родинѣ когда *она подвергается нападенію*, и *не* сочувствую ей, когда *она нападаетъ*.

Потомъ я понялъ, однако, гдѣ коренится ошибка моего почтеннаго критика.

Онъ — образованный и свободомыслящій человѣкъ. Но онъ не марксистъ. Онъ не привыкъ обращаться съ нашими понятіями и съ нашей терминологіей. Для него гораздо болѣе привычны понятія и термины, связанные съ тѣми освободительными движеніями, которые *предшествовали* движенію соціалистическаго пролетаріата. А понятія и термины, связанные съ освободительными движеніями, предшествовавшими сознательной пролетарской борьбѣ, были, какъ Вы знаете, ярко окрашены *цвѣтомъ идеализма*. Само собою разумѣется, что общественныя движенія всегда и вездѣ имѣли подъ собой *экономическую основу*. Но прежде экономическая основа освободительныхъ движеній плохо сознавалась наиболѣе *передовыми* людьми, которые нерѣдко бывали въ этомъ отношеніи менѣе проницательны, нежели сравнительно — *отсталые**). Передовымъ людямъ казалось тогда, что, если они участвуютъ въ освободительномъ движеніи своего времени, то вовсе не ради чьего-нибудь экономическаго интереса, а единственно для защиты истины и справедливости. Кто заговаривалъ

*) Для примѣра можно было бы сопоставить взгляды французскихъ соціалистовъ-утопистовъ со взглядами Гизо. Но это завело бы меня слишкомъ далеко. (См. мое предисловіе ко второму изданію моего перевода «Манифеста Коммунистической Партіи»).

съ ними объ *экономикѣ*, того они считали «*грубымъ матеріалистомъ*». Они не хотѣли, да и не умѣли, различать, о *какомъ именно* экономическомъ интересѣ толкуютъ люди, подозрѣваемые ими въ «грубомъ матеріализмѣ»: объ *интересѣ эксплуататоровъ*, *или же объ интересѣ эксплуатируемыхъ*. Имъ казалось, что въ сущности это все равно. Въ привычномъ для нихъ кругѣ понятій борьба за *экономическій интересъ* была несоединима съ борьбою за *истину и справедливость*. Этимъ и объясняется то общеизвѣстное явленіе, что не рѣдко, даже люди, полные самыхъ благородныхъ стремленій къ общественному благу, не одобряютъ программы нынѣшняго соціалистическаго пролетаріата, пока сохраняютъ старыя *идеалистическія понятія*, пока не умѣютъ связать экономику со справедливостью. Правильное пониманіе нынѣшняго соціализма доступно только людямъ, усвоившимъ себѣ матеріалистическое объясненіе исторіи.

Какъ ни талантливъ и какъ ни свѣдущъ мой французскій критикъ, я не имѣю основанія считать его «историческимъ матеріалистомъ». Поэтому я не долженъ удивляться и тому, что онъ отождествилъ *мою* точку зрѣнія съ точкой зрѣнія покойнаго Л. Франка. Онъ разсуждаетъ совсѣмъ не такъ, какъ разсуждаемъ,— когда мыслимъ послѣдовательно, — мы, марксисты. Онъ слышитъ, что я, подобно Л. Франку, говорю объ *условіяхъ экономическаго развитія своей страны*, и рѣшаетъ, что мы съ покойникомъ — одного поля ягода. Я вижу теперь, что это для него естественно.

Но Вы — марксистъ, т. Н—овъ. Какъ же Вы могли, хотя бы только «на минуту» упустить изъ виду, что одно дѣло — экономическій интересъ *эксплуататора*, а другое дѣло — экономическій интересъ *эксплуатируемаго?*

Неужели Вы думаете, что, если возможна экономическая эксплуатація одного класса другимъ, то экономическая эксплуатація одной страны другою принадлежитъ къ области вымысла?

На всякій случай позвольте мнѣ напомнить Вамъ, въ чемъ состоитъ природа *современнаго имперіализма*.

VII.

«Каждое здоровое государство... нуждается въ расширеніи предѣловъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе перезбытка населенія и промышленнаго перепроизводства. Оно должно имѣть подъ своимъ неограниченнымъ вліяніемъ соотвѣтствующую его величинѣ область меньшаго культурнаго развитія, куда оно могло бы сбывать безпошлинно и безъ конкуренціи перепроизводство своей

промышленности, откуда оно также безпошлинно и дешево получало бы сырье».

Это писалъ, года два тому назадъ, одинъ австрійскій имперіалистъ, выступившій подъ псевдонимомъ: «Кассандеръ» (Кассандра). Примѣняя къ Австріи это свое общее теоретическое положеніе, вѣщая дѣва разсуждала такъ:

«Мы имѣемъ огромную необходимость въ вывозѣ, но мы ничего не дѣлаемъ, чтобы сдѣлать возможнымъ этотъ вывозъ». Что же собственно слѣдуетъ предпринять? Хорошо было бы завести колоніи; но такъ какъ «ни одной заморской колоніи получить уже нельзя», то надо воспользоваться тѣмъ, что «положила у нашихъ дверей благопріятствующая намъ судьба». А положила она Балканы. Австрія имѣетъ полную возможность и должна пріобрѣсти господство на Балканахъ. Она совершаетъ большую ошибку, безучастно смотря на то, какъ растетъ на ея южной границѣ Велико-Сербское государство. Она должна всѣми мѣрами и всѣми силами готовиться къ войнѣ. «Дайте ружье въ руки отрока и вооружите старца! — вопила Кассандра. — Вооружайтесь безпрестанно и лихорадочно, вооружайтесь днемъ и ночью, чтобы быть *готовыми*, когда, наступитъ день рѣшенія!... Наша политика должна удержать враговъ еще на 2—3 года, пока мы не будемъ готовы и не сможемъ крикнуть: Балканы нужны намъ и мы ихъ возьмемъ, а кто станетъ намъ поперекъ дороги, того мы отправимъ домой съ окровавленной головой!»*).

Австрійская Кассандра не дурно понимаетъ природу современнаго имперіализма. Въ своемъ взглядѣ на него она вполнѣ сходится съ нами, марксистами. Вы, вѣроятно, знаете сдѣланное Каутскимъ опредѣленіе имперіализма:

«Имперіализмъ есть продуктъ высоко-развитого промышленнаго капитализма. Онъ состоитъ въ стремленіи каждой промышленной капиталистической націи подчинять и присоединять къ себѣ все большую и большую аграрную область, не считаясь съ тѣмъ, какія націи ее населяютъ**).

Австрія, разумѣется, не считалась съ интересами сербскаго народа. Она повиновалась только властолюбію своихъ правителей и корыстолюбію своихъ имперіалистовъ. Побѣда Австріи, окон-

---

*) Русскій переводъ этой статьи Кассандры появился въ журналѣ «*Военное дѣло заграницей*», 1914 г. кн. за мартъ-апрѣль. Ея содержаніе подробно передано въ «*Ежемѣсячномъ журналѣ*», августъ-сентябрь, 1914 года, статья А. М. («Австріецъ о задачахъ австрійскаго имперіализма»).

**) «Neue Zeit», XXXII, 2, s. 909. Ср. также брошюру Каутскаго: «Nationalstaat, imperialistischer Staat und Staatenbund», Nurnberg, 1915, s. 15.

чательно подчинивъ австрійской эксплуатаціи Сербію, замедлила бы экономическое развитіе этой послѣдней. И было бы вполнѣ естественно, если бы сознательные элементы сербской трудящейся массы сказали: мы всѣми силами будемъ защищать нашу страну, потому что замедленіе экономическаго ея развитія вредно отразится на всемъ ходѣ ея политическаго и вообще культурнаго развитія. И, слыша это, никто не имѣлъ бы права утверждать, что сознательные элементы сербскаго населенія сами перешли на точку зрѣнія австрійскихъ имперіалистовъ.

Еще разъ: *точка зрѣнія того, кто стремится эксплуатировать, прямо противоположна точкѣ зрѣнія того кто стремится сбросить съ себя иго эксплуатаціи.* Это должно быть ясно даже для Невскаго.

Резолюція базельскаго международнаго соціалистическаго съѣзда 1912 г. гласитъ:

«Соціаль-демократическія партіи Австріи, Венгріи, Кроаціи и Славоніи, Босніи и Герцеговины обязаны со всею энергіею продолжать свою борьбу противъ нападенія придунайской монархіи на Сербію. Ихъ задача заключается въ томъ, чтобы и впредь бороться противъ плана силою оружія лишить Сербію результатовъ войны, превратить ее въ австрійскую колонію» и т. д.

Базельская резолюція была подписана также и делегатами Австро-Венгріи. Они забыли о ней, когда, — благодаря той же Австро-Венгріи и Германіи, — началась нынѣшняя война. Но мнѣ хочется думать, что Вы, товарищъ, не такъ забывчивы.

Я знаю, что сербскіе соціальдемократическіе депутаты отказались голосовать за военные кредиты. Но ни откуда не слѣдуетъ, что эти наши товарищи не способны заблуждаться. Ихъ вотумъ можно признать правильнымъ лишь при одномъ предположеніи: если онъ выражалъ ихъ увѣренность въ неспособности сербскаго королевскаго правительства защитить страну отъ австрійскаго нашествія. Если же онъ былъ имъ подсказанъ тѣмъ убѣжденіемъ, что соціалисты никогда не должны быть за войну, то они жестоко ошиблись.

Въ данномъ случаѣ право было на сторонѣ ихъ отечества, а тотъ не революціонеръ, кто не рѣшается поддержать *право силой.*

Но, — твердятъ мои противники, — защищая свою страну, соціалисты идутъ съ ея господствующими классами. Жалкій аргументъ! Отказавшись защищать свою страну, соціалисты ослабятъ ея силу сопротивленія непріятелю, *т. е. сослужатъ службу господствующимъ классамъ нападающаго государства.*

И тутъ и тамъ — одно и тоже зло. Соціалистамъ остается только *выбирать — наименьшее.*

Само собою ясно, что для сербскихъ соціалистовъ наименьшимъ зломъ было сотрудничество съ господствующими классами своей собственной страны въ дѣлѣ защиты ея отъ несправедливаго нападенія Австро-Венгріи.

Толкуютъ также о «проискахъ великосербскихъ патріотовъ». Вы помните, товарищъ, что «происки» эти «осуждены» были въ воззваніяхъ германской и австро-нѣмецкой соціаль-демократіи, въ воззваніяхъ по поводу готовившейся войны. Я согласенъ, что въ интересахъ общеевропейскаго мира можно было осудить эти «происки». Но теперь, когда война *уже ведется*, пора бы вспомнить, что въ проискахъ этихъ выражается стремленіе сербскаго народа къ объединенію и что *въ принципѣ* мы, соціалисты, должны сочувствовать такому стремленію, а не осуждать его. Указываютъ еще на убійство австрійскаго эрцгерцога. Я никогда не былъ террористомъ. Но я не вижу, почему мы должны были бы огорчаться смертью этого наслѣдника австрійскаго престола.

Да и кто не знаетъ теперь, что его убійство было не *причиной* войны, а лишь *предлогомъ* къ ея объявленію? Въ итальянскомъ парламентѣ Джіолитти во всеуслышаніе разсказалъ, что уже въ 1913 г., когда эрцгерцогъ былъ здоровехонекъ, Австро-Венгрія освѣдомлялась, поддержитъ-ли ее Италія, въ замышленномъ ею нападеніи на Сербію. Италія отказалась, сославшись на то, что, по смыслу тройственнаго союза, она обязана была поддерживать Австрію и Германію въ *оборонительныхъ*, а не въ *наступательныхъ* войнахъ. Изъ этого видно, замѣчу мимоходомъ, что итальянское правительство гораздо проницательнѣе многихъ нашихъ товарищей, которые, по ихъ собственному признанію, не видятъ, гдѣ нападеніе и гдѣ оборона. Охъ, слѣпота большой порокъ!

За Австро-Венгріей стояла Германія, добивавшаяся экономическаго господства въ Турціи и особенно — въ Малой Азіи. Сербія загораживаетъ ей дорогу къ этой ея цѣли. Германскимъ имперіалистамъ нужно было (*посредственно* или *непосредственно*) наложить руку на ту часть желѣзнаго пути: *Берлинъ—Богдадъ*, которая проходитъ черезъ Сербію. Достаточно взглянуть на карту балканскаго полуострова, чтобы понять, откуда — нынѣшняя война. Правда общеевропейской войны все-таки не было бы, если бы Россія не ополчилась на защиту Сербіи. Съ точки зрѣнія общихъ интересовъ европейской цивилизаціи было бы, пожалуй, лучше, если бы Россія осталась спокойной. Но это, *чисто утилитарное*, соображеніе не должно насъ ослѣплять. Бернштейнъ говоритъ въ своей брошюрѣ: «Was Russland für Serbien verlangte deckte sich so ziemlich mit den Forderungen der Internationale der

Sozialdemokratie» (то, чего Россія требовала для Сербіи, почти совсѣмъ совпадало съ требованіями соціаль-демократическаго Интернаціонала) *). Это какъ нельзя болѣе вѣрно. Россія требовала *международнаго третейскаго суда*, котораго требуютъ едва-ли не всѣ соціаль-демократическія программы. И Сербія выразила полную готовность подчиниться такому суду. Но Бернштейнъ прибавляетъ, что, когда двое говорятъ одно и то же, это не одно и то же. Опять правильно: не одно и то же. Потому, что не одно и то же — и сами говорящіе. Но какое же значеніе могло имѣть это въ разсматриваемомъ случаѣ? Конечно, Россійская имперія — не одно и то же съ соціаль-демократическимъ Интернаціоналомъ. А развѣ Австро-Венгерская и Германская имперіи одно и то же съ нимъ? Только сумасшедшій можетъ вообразить, что мы живемъ въ *соціалистическомъ* обществѣ. Но вѣдь требованіе международнаго третейскаго суда входитъ въ *программу* — *minimum* соц.-дем. Интернаціонала, т. е. предъявляется имъ къ *нынѣшнему* обществу. А если это такъ, то онъ обязанъ былъ поддержать «то, чего Россія требовала для Сербіи».

VIII.

Тутъ опять начинается сказка о бѣломъ бычкѣ: борьба съ царизмомъ; русская опасность для Европы и проч.

Мы уже знаемъ, что именно наиболѣе воинственные соц.-демократы Германіи,—въ родѣ тѣхъ, которые пишутъ въ «Hamburger Echo», — сами не признаютъ рѣшающаго значенія за *доводомъ отъ борьбы съ царизмомъ*. А что касается Европы, то современный германскій промышленный имперіализмъ несравненно опаснѣе для нея теперь, нежели ветхо-завѣтный-русскій. Австрія стала колебаться. Передача ея спора съ Сербіей на рѣшеніе третейскаго суда сдѣлалась возможной. Германія, не хотѣвшая мира, поспѣшила объявить войну Россіи. Тогда то и произошло то, чего не ожидалъ никто изъ насъ. Наши нѣмецкіе товарищи сказали себѣ, подобно карабинерамъ во французской опереткѣ: c'est le moment de nous montrer, cachons nous! (Пора намъ показаться, — спрячемся!). И спрятались, объявивъ постыдную войну, вызванную имперіалистической жаждой наживы, *справедливой борьбою за существованіе нѣмецкаго народа*. Существованіе существованію рознь. Существованіе хищника не похоже на существованіе мирнаго человѣка. А Германія выступила именно въ роли хищника.

«Sie sind zu spät gekommen», говорилъ когда то Энгельсъ

*) Die Internationale, s. 15.

по адресу нѣмецкихъ буржуа. Въ его устахъ это значило, что средній классъ Германіи неспособенъ довести до конца свою политическую борьбу съ юнкерствомъ. Это было вѣрно. Названная борьба закончилась компромиссомъ между юнкерствомъ и буржуазіей. Въ области экономической политики этотъ компромиссъ ознаменовался покровительственными пошлинами на продукты сельскаго хозяйства, — *введенными въ интересахъ юнкеровъ*, — и такими же пошлинами на продукты обрабатывающей промышленности, *установленными для охраны интересовъ промышленной буржуазіи*. Теоретикъ покровительственной системы Фридрихъ Листъ доказывалъ, что она необходима для развитія производительныхъ силъ страны, но лишь до поры до времени. Когда производительныя силы достигнутъ извѣстной высоты, полезно и нужно перейти къ свободѣ торговли. Современные германскіе «капитаны промышленности» иначе относятся къ покровительственной системѣ. Производительныя силы Германіи поднялись теперь на огромную высоту. Но «капитаны», объединившіеся въ предпринимательскіе синдикаты, и слышать не хотятъ объ отмѣнѣ покровительственнаго тарифа. Они пользуются имъ, во-первыхъ, для того, чтобы охранять отъ иностранной конкуренціи *внутренній рынокъ* Германіи, а во-вторыхъ для того, чтобы, подъ его прикрытіемъ, завоевывать *иностранные рынки*. Извѣстно, какъ это дѣлается. Покровительственный тарифъ, ослабляющій иностранную конкуренцію на внутреннемъ рынкѣ, позволяетъ синдикатамъ продавать заграницей германскіе товары гораздо дешевле, чѣмъ въ самой Германіи. Такъ совершается мирное завоеваніе иностранныхъ рынковъ. Но производительныя силы передовыхъ капиталистическихъ странъ ростутъ теперь такъ быстро, что *мирное* завоеваніе иностранныхъ рынковъ не всегда удовлетворяетъ ихъ потребность въ сбытѣ. Отсюда — указанное Каутскимъ и австрійской Кассандрой стремленіе передовыхъ промышленныхъ странъ *силой* обезпечить себѣ преобладающее экономическое вліяніе въ тѣхъ или другихъ аграрныхъ областяхъ.

Стремленіе это еще дальше усиливается тѣмъ, что руководящее значеніе въ жизни передовыхъ капиталистическихъ странъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ теперь *финансовый капиталъ*, по самой природѣ своей гораздо болѣе склонный къ авантюрамъ, нежели—*промышленный*.

Резолюція лондонской соціалистической конференціи говоритъ, что отвѣтственность за современную войну падаетъ на всѣ европейскія правительства, такъ какъ всѣ они вели имперіалистическую политику. Это такъ. Всѣ *передовыя* капиталистическія государства повинны въ имперіализмѣ новѣйшаго рода. Однако

и тутъ надо различать. Ошибся бы тотъ, кто вообразилъ бы, что всѣ капиталистическія страны въ *одинаковой мѣрѣ прибѣгаютъ къ насилію*. Нѣтъ, тутъ между ними не малая разница. Можетъ быть, даже г. Невскій слыхалъ, что, напримѣръ, *англійскій* имперіализмъ сильно отличается въ этомъ отношеніи отъ *германскаго*. Не говоря уже о томъ, что области, подчиненныя Англіи, пользуются гораздо большей экономической и политической свободой, нежели области, въ которыхъ «культура» насаждается нѣмецкимъ «бронированнымъ кулакомъ», германскій имперіализмъ вообще гораздо воинственнѣе англійскаго. Это обусловливается, конечно, не свойствами германской расы, а тѣмъ простымъ историческимъ обстоятельствомъ, что германскій капитализмъ «*пришелъ слишкомъ поздно*». Вспомните, что говорила австрійская Кассандра: на земномъ шарѣ уже нѣтъ свободныхъ земель; поэтому мы должны взять Балканы, раскровянивъ голову тому, кто вздумалъ бы противиться этому.

Но если германскій имперіализмъ воинственнѣе всякого другого, то ясно, что онъ болѣе, нежели всякій другой, угрожалъ европейскому миру. Очень жаль, что лондонская конференція не отмѣтила этого въ своей резолюціи.

Европейскій пролетаріатъ заинтересованъ въ сохраненіи мира. Поэтому онъ не можетъ оставаться равнодушнымъ къ вопросу о томъ, какое государство больше и чаще другихъ грозитъ нарушить миръ. А когда *угроза* становится *дѣйствіемъ*, когда то или другое государство, повинуясь корыстолюбію своихъ имперіалистовъ, начинаетъ войну, тогда противъ него должно быть направлено негодованіе *сознательнаго пролетаріата всѣхъ странъ*.

Мы съ Вами, товарищъ, знаемъ, какія именно страны явились нарушительницами мира: это превосходно разъяснилъ намъ Vorstand германской с.-д. партіи. Но Вы, можетъ быть, все таки не представляете себѣ, во всемъ ихъ объемѣ, тѣхъ экономическихъ и политическихъ послѣдствій, которыя повело бы за собою пораженіе «союзниковъ», т. е. Франціи, Россіи, Англіи и проч.

Въ разговорѣ съ великобританскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, Гошэномъ, германскій канцлеръ, желая подвинуть Англію къ сохраненію нейтралитета, увѣрялъ его, что Германія не стремиться къ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ на счетъ Франціи. Гошэнъ спросилъ: считаетъ-ли Германія возможнымъ отнятіе у Франціи ея колоній? На это канцлеръ отвѣтилъ уклончиво, что бы оставить за собой свободу дѣйствій.

Оно и понятно: отнятіе у Франціи ея колоній входило въ планы Германіи. Но вопреки тому, что сказалъ Бетманъ Гольвэгъ Гошэну даже въ томъ, что касалось Франціи, планы эти были

несравненно шире, нежели присвоеніе французскихъ колоній. Въ сентябрѣ прошлаго года, когда нѣмцы были твердо увѣрены въ своей побѣдѣ, они собирались продиктовать Франціи слѣдующія условія мира:

Франція уступаетъ Германіи всѣ свои колоніи, со включеніемъ Марокко, Туниса и Алжира; она уступаетъ ей также болѣе четверти своей территоріи въ Европѣ съ населеніемъ болѣе 15 милліоновъ душъ; она уплачиваетъ ей золотомъ десять милліардовъ франковъ; она заключаетъ съ ней торговый договоръ, на основаніи котораго, въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, германскіе товары безпошлинно ввозятся на ея территорію, причемъ, однако, Франція не получаетъ такого же права по отношенію къ Германіи; послѣ двадцати пяти лѣтъ входитъ въ силу франкфуртскій торговый договый договоръ 1871 г.; въ теченіи двадцати пяти лѣтъ во Франціи прекращается призывъ гражданъ къ отбыванію воинской повинности; Франція разрушаетъ всѣ свои крѣпости; она доставляетъ Германіи три милліона ружей, три тысячи пушекъ и сорокъ тысячъ лошадей; въ теченіи двадцати пяти лѣтъ Германія пользуется во Франціи (безъ взаимности) правомъ патентовъ; Франція разрываетъ свой союзъ съ Англіей и Россіей и заключаетъ на двадцать пять лѣтъ союзъ съ Германіей *).

Если бы осуществился этотъ планъ жадныхъ германскихъ акулъ, то пришлось бы воскликнуть:

Finis Galliae!

Какъ Вы думаете, товарищъ, могли ли французскіе соціалисты отказаться защищать свою страну, когда Германія готовила ей этотъ конецъ!. И не грѣшатъ-ли непростительнымъ грѣхомъ противъ права каждаго народа на существованіе; **) не говорятъ-ли дикаго и преступнаго вздора тѣ наши обскуранты, которые не хотятъ примириться со вступленіемъ Гэда и Самба въ министерство?

Обскуранты старательно разогрѣваютъ ту мысль анархистовъ (извѣстнаго оттѣнка), что пораженіе любой капиталистической страны вредно отразится только на интересахъ ея буржуазіи. Опять вздоръ! Если бы германскія акулы сожрали французскую республику, то отъ этого больше всего пострадало бы именно трудящееся населеніе Франціи. Французскіе буржуа, — точнѣе:

*) См. статью: «Il problema dellea Pall» въ «Il Secolo» XIX за 28 апрѣля 1915 г.

**) Права, признаннаго въ нашей программѣ.

французскіе капиталисты, — съумѣли бы приспособиться и къ германскому игу. Извѣстно, что и до войны значительная часть французскаго капитала работала въ германскихъ предпріятіяхъ *).

Вы, конечно, предполагаете, что въ той части французской территоріи, которая отошла бы къ Германіи, у населенія остались бы, по крайней мѣрѣ, права по имуществу, согласно обычаю, установившемуся во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Ошибаетесь! Одной изъ составныхъ частей «*Великой Цѣли*», преслѣдуемой германскими имперіалистами, было *обезземеленіе жителей тѣхъ территорій, которыя были бы отняты у побѣжденныхъ Германіей странъ* **). Добродушные нѣмцы находили, что Франція даже *выиграетъ*, благодаря осуществленію этого геніальнаго плана, такъ какъ ея населеніе станетъ гуще вслѣдствіе прилива въ нее жителей изъ уступленныхъ ею Германіи провинцій.

Что касается насъ, русскихъ, то германскіе имперіалисты очень кстати вспомнили, какую большую роль играло переселеніе на новыя мѣста во внутренней исторіи нашей родины. Одержавъ побѣду надъ Россіей, Германія присвоила бы себѣ русскую Польшу, жители которой были бы переселены въ Россію. Въ свою очередь, Россія очистила бы для изгнанныхъ изъ Польши поляковъ, нѣсколько своихъ губерній. Это было бы не трудно для нея въ силу только что упомянутой привычки россіянъ къ переселеніямъ на новыя мѣста ***).

Интересная подробность: согласно этому плану, Германія никоимъ образомъ не должна брать на себя *odium* обезземеленія жителей тѣхъ мѣстностей, которыя она завоюетъ на Западѣ и на Востокѣ. Это гнусное дѣло должно быть совершенно *самими побѣжденными странами прежде, чѣмъ имъ дарованы будутъ блага мира*. Значитъ, Россія уступила бы Германіи не Польшу, а болѣе или менѣе обширную пустыню, которую прежде населяли поляки и которая теперь, русскими руками, будетъ приготовлена для поселенія въ ней нѣмецкихъ завоевателей.

Finis Poloniae!

Излишне гадать о томъ, какой великолѣпный торговый до-

*) См. Lysis'a: «Les capitalistes français contre la France» и его же: «Contre l'oligarchie financière en France».

**) Das ist das grosse Ziel: nicht lediglich eine Kriegsentschädigung im Baargeld sondern vornehmlich eine Kriegsentschädigung auch in Landeigentum!» (См. 35 стр. брошюры Arthur'a Dix'a: «Der Weltwirtschaftskrieg, изданной съ благословенія Georg'a Irmer'a, Karl'a Lamprecht'a (!) и T. von List'a (!) въ серіи—«Zwischen Krieg und Frieden».

***) Dix, der Weltswirtschaftskrieg, стр. 33—41.

говоръ подарили бы намъ наши великодушные побѣдители. Вы легко можете представить себѣ это и послѣ того, что сказано выше о проектѣ договора съ Франціей.

Татарское иго замедлило наше экономическое, а съ нимъ и все культурное развитіе. Оно вызвало къ жизни нашъ царизмъ. Нѣмецкая побѣда остановитъ наше экономическое развитіе, положитъ конецъ европеизаціи Россіи и увѣковѣчитъ нашъ старый политическій порядокъ.

Для увѣковѣченія стараго порядка достаточно будетъ того *политическаго* союза съ Германіей, который навяжутъ намъ побѣдители. Германскій императоръ, конечно, позаботится о томъ, чтобы сохранить «полноту власти» за своимъ новымъ вассаломъ — русскимъ царемъ.

Finis Rutheniae!

Конецъ Россіи! Всей той Россіи, которая трудилась и мыслила, страдала и боролась за лучшее будущее, — боролась съ Мясоѣдовыми, Дубровиными и Столыпиными, съ измѣнниками, погромщиками и реакціонерами.

И наши обскуранты хотятъ, чтобы я оставался равнодушнымъ въ виду такой перспективы? За кого же принимаютъ они меня?? Я еще не опредѣлялся на службу къ акуламъ германскаго имперіализма; я еще не вступалъ въ «Союзъ освобожденія Украйны». *Россія принадлежитъ не царю своему, а своему трудящемуся населенію. Кому дороги интересы этого населенія, тотъ не можетъ быть равнодушенъ къ судьбамъ Россіи.*

IX.

«Не защищать свою страну отъ нѣмецкаго нашествія, а дѣлать революцію должны мы въ нынѣшнее роковое время!».

Такъ говорятъ нѣкоторые мои противники. Они отчасти правы: революція — прекрасная вещь. Но революція предполагаетъ революціонизированіе общественныхъ отношеній. Это цѣлый процессъ. И теперь дѣло идетъ именно о томъ, чтобы германскіе имперіалисты не поставили процесса революціоннаго развитія Россіи въ такія условія, при которыхъ онъ сойдетъ, какъ говорится, на нѣтъ. Послѣ разгона первой думы, Ленинъ рекомендовалъ намъ сдѣлать революцію, «назначивъ» ее на конецъ іюля или на первыя числа августа. *Такая «революція»* лучше всего характеризуется терминомъ Игоря Сѣверянина: «*грезо-фарсъ*». И этотъ-то «грезо-фарсъ» опять рекомендуется намъ нашимъ неудержимымъ р-р-революціонеромъ. Какъ относится къ его «гре-

зо-фарсу» сознательный пролетаріатъ Россіи, — наглядно и убѣдительно показываетъ недавній процессъ нашихъ товарищей — депутатовъ. Устами одного изъ своихъ защитниковъ, они назвали *позорящимъ* обвиненіе ихъ въ томъ, что они смотрятъ на вопросъ о нынѣшней войнѣ глазами женевскаго «*Соціальдемократа*» *).

Война бывала иногда матерью революціи. Но всякій разъ, когда революція рождалась въ мукахъ войны, она была плодомъ разочарованія народа въ способности его правительства защитить страну отъ непріятеля. Единственно къ такому разочарованію можетъ быть пріурочена истинно революціонная тактика военнаго времени. Горе мнимымъ революціонерамъ, направляющимъ свою агитацію въ разрѣзъ съ естественнымъ и неизбѣжнымъ стремленіемъ народа дать отпоръ внѣшнему врагу! Всѣ ихъ усилія заранѣе осуждены на постыдную и, что еще хуже, — вполнѣ заслуженную неудачу.

Акулы германскаго имперіализма говорятъ такимъ циничнымъ языкомъ, что къ нему никакъ не могутъ привыкнуть даже самые... разсчетливые нѣмецкіе соціаль-демократы. Такъ, Шейдеманнъ не одобряетъ языка Лааше. Онъ даетъ понять, что его единомышленники въ с.-д. партіи не желаютъ насильственныхъ территоріальныхъ присоединеній. Это можетъ быть и такъ. Но тутъ особенно умѣстно опять повторить съ Бернштейномъ: когда двое говорятъ одно и то же, это не одно и то же. Когда я слышу, что т. Шейдеманнъ «пламенно» отвергаетъ мысль о насильственныхъ территоріальныхъ присоединеніяхъ, я говорю себѣ: «Онъ боится, что Эльзасъ и Лотарингія будутъ присоединены къ Франціи. О судьбѣ Бельгіи и занятыхъ нѣмцами губерній русской Польши врядъ-ли очень заботится т. Шейдеманнъ» **).

Да еслибы и заботился, толку изъ этого вышло бы не много. Германскіе соціаль-демократы охотно помогали тѣмъ, которые выпускали противъ насъ хищнаго звѣря. А теперь они успокоительно и великодушно говорятъ намъ: «повѣрьте, мы не желаемъ, чтобы онъ васъ растерзалъ». Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же было выпускать его изъ клѣтки?

---

*) Если я не ошибаюсь, Ленинъ объясняетъ это не тѣмъ, что депутаты были несогласны съ нимъ, а тѣмъ, что они не рѣшались высказать на судѣ свое истинное мнѣніе, такъ какъ имъ грозили смертной казнью. Я гораздо лучшаго мнѣнія объ этихъ товарищахъ. Почему бы Ленину не сказать, что вся Россія въ душѣ согласна съ нимъ и не держится рекомендуемой имъ тактики единственно *страха ради полицейска?*

**) Часть нѣмецкой соціальдемократіи питаетъ наивную увѣренность въ томъ, что населеніе Эльзаса и Лотарингіи желаетъ остаться въ германскомъ подданствѣ. И это послѣ всѣмъ еще памятныхъ волненій въ Савернѣ!

Притомъ вопросъ не только въ насильственныхъ присоединеніяхъ. Какъ сообщила «l'Humanité», пресловутый Зюдекумъ, говоря противъ территоріальныхъ присоединеній, замѣтилъ, что Германія можетъ вознаградить себя торговыми договорами. Что правда, то правда! Очень и очень можетъ. Et cela promet....

Стыдно сказать, а грѣхъ утаить: многіе германскіе соціальдемократы заражены духомъ имперіализма. Вдумайтесь въ поведеніе Зюдекума или прочтите брошюры Гейниша, Ленша и Кунова. Наибольшаго вниманія заслуживаетъ этотъ послѣдній. Куновъ — не только образованный, а прямо ученый человѣкъ. Онъ съ успѣхомъ примѣнялъ методъ Маркса въ области этнологіи и вообще былъ послѣдовательнымъ марксистомъ. И вотъ теперь этотъ ученый и послѣдовательный марксистъ, ссылаясь на историческую необходимость, доказываетъ,*) что возставать противъ имперіализма могутъ только утописты, марксисты же должны использовать его въ интересахъ рабочаго класса. Это значитъ вотъ что: германскіе соціальдемократы помирятся съ тѣмъ, что Германія такъ или иначе подчинитъ себѣ извѣстныя страны съ цѣлью ихъ экономической эксплуатаціи; но при этомъ ихъ партія добьется уступки германскому рабочему классу нѣкоторой части завоеванной добычи.

Это возвращаетъ меня къ Вашему письму. Вы ошиблись, сдѣлавъ изъ моей брошюры тотъ выводъ, что пролетаріатъ *каждой страны* заинтересованъ въ торжествѣ имперіализма. Но, Вы правы, поскольку *пролетаріатъ Германіи и отчасти Австро-Венгріи* извлекъ бы извѣстную выгоду изъ побѣды имперіализма. И вотъ у Васъ, повидимому, возникаетъ вопросъ: не ошибся-ли Марксъ? Не является ли крахъ второго Интернаціонала въ то же время и крахомъ матеріалистическаго объясненія исторіи или, по крайней мѣрѣ, научнаго соціализма?

Противники Маркса скажутъ (и говорятъ): «Конечно, — является». — Что пишетъ В. Черновъ? Онъ пишетъ: закройте Маркса и откройте Михайловскаго, къ которому полезно присовокупить В. Чернова, такъ какъ покойникъ все таки поустарѣлъ.

Но страшенъ сонъ, да милостивъ богъ: обойдемся и безъ Михайловскаго, а также — и еще того легче! — безъ В. Чернова.

Если Германія побѣдитъ, то она создастъ, насчетъ побѣжденныхъ народовъ, исключительно — выгодное положеніе для своей промышленности. Такое исключительное положеніе, несомнѣнно, принесетъ извѣстныя выгоды германскому пролетаріату. По-

*) См. его брошюру: «Parteizusammenbruch» и его полемику съ Каутскимъ въ «Neue Zeit», вызванную этой брошюрой.

ложеніе извѣстныхъ слоевъ англійскаго рабочаго класса было сравнительно не дурно въ теченіе того періода, когда Англія пользовалась господствомъ на всемірномъ рынкѣ. Т. Куновъ знаетъ это, и потому настаиваетъ на «исторической необходимости» имперіализма. Знаютъ это и всѣ остальные германскіе соціалисты — имперіалисты. А рабочій классъ *болѣе или менѣе смутно догадывается объ этомъ* — и храбро дерется «за существованіе Германіи». Это такъ.

Пока англійскій рабочій классъ чувствовалъ себя въ исключительно выгодномъ положеніи, онъ не имѣлъ никакого сочувствія «къ дикимъ планамъ (Wild schemes) континентальнаго соціализма», какъ выражались нѣкоторые его вожаки. Если Германія побѣдитъ, и если въ карманы нѣмецкихъ рабочихъ перепадетъ нѣкоторая часть добычи, то германскій соціализмъ будетъ «пересмотрѣнъ» (ревизованъ) до тла, и германскіе соціаль-демократы заговорятъ такимъ языкомъ, котораго мы до сихъ поръ и не слыхивали. И, конечно, это будетъ крайне печально. Правильно говоритъ евангеліе: «Соль — добрая вещь; но если соль потеряетъ силу, чѣмъ исправить ее? Ни въ землю, ни въ навозъ не годится»...

Соль германской земли потеряетъ свою силу и не будетъ годиться ни въ навозъ, ни въ землю. Однако, вѣдь и это не опровергнетъ матеріалистическаго объясненія исторіи. Напротивъ, это подтвердитъ его, такъ какъ лишній разъ покажетъ, что не *бытіе* опредѣляется *сознаніемъ*, а *сознаніе — бытіемъ*.

Но изъ того, что сознаніе опредѣляется бытіемъ, еще не слѣдуетъ, что бытіе опредѣляетъ сознаніе пролетаріата въ сторону соціалистическаго идеала. Такъ какъ духъ имперіализма проникъ въ среду нѣмецкаго пролетаріата, то «критики» Маркса скажутъ, пожалуй: объективная логика общественнаго развитія ведетъ пролетаріевъ всѣхъ странъ совсѣмъ не туда, куда хотѣлъ ихъ вести Марксъ; она заставляетъ ихъ не объединяться между собою, а вести взаимную борьбу на жизнь и смерть за всемірный рынокъ.

Вы, т. Н—новъ, предвидите это возраженіе «критиковъ Маркса»; оно какъ будто смущаетъ Васъ, и Вы хотите знать, какъ я думаю о немъ.

X.

Я думаю вотъ какъ.

То обстоятельство, что Марксъ вѣрно опредѣлилъ отношеніе бытія къ сознанію въ ходѣ историческаго развитія, — т. е. правильность матеріалистическаго объясненія исторіи, — дѣйствительно еще не ручается за торжество международнаго соціализма. Чтобы оно явилось ручательствомъ за него, необходимо доказать

предварительно, что объективныя условія, воспитывающія современный пролетаріатъ въ духѣ *интернаціональной солидарности*, сильнѣе, нежели тѣ, подъ вліяніемъ которыхъ въ немъ возникаютъ иногда *національно-эгоистическія* вожделѣнія. Но доказать это не такъ трудно, какъ это кажется критикамъ Маркса.

Нѣмецкій пролетаріатъ поддался искушенію тѣхъ выгодъ, которыя сулитъ ему торжество германскаго имперіализма. Стало быть, — умозаключаете Вы, — экономическій интересъ заставилъ его повернуться спиною къ международному соціализму. Вашъ выводъ правиленъ. Однако, не надо преувеличивать его значеніе.

Въ маломъ размѣрѣ и въ нѣсколько иной общественной обстановкѣ то, что мы увидѣли на примѣрѣ нѣмецкаго пролетаріата, повторяется передъ нами чуть не каждый день, ни мало не подрывая нашей вѣры въ будущее торжество соціализма. Возьмемъ тѣхъ рабочихъ, которыхъ нѣмецкіе соціалъ-демократы клеймятъ названіемъ Streickbrecher'овъ.

Измѣняя своимъ товарищамъ, Streickbrecher'ы, конечно, получаютъ извѣстныя выгоды. Но что же изъ этого? Ихъ измѣна ни мало не устраняетъ противоположности интересовъ наемнаго труда и капитала, а потому и не вырываетъ почвы изъ подъ ногъ соціалистической партіи. Чѣмъ дальше подвигается впередъ экономическое развитіе нынѣшняго общества, тѣмъ яснѣе сознаетъ пролетаріатъ свое положеніе въ немъ, тѣмъ лучше организуетъ онъ свои силы и тѣмъ глубже возмущаютъ его дѣйствія Streickbrecher'овъ. *А чѣмъ глубже возмущаютъ его ихъ дѣйствія, тѣмъ рѣже они становятся.* Неудовольствіе рабочихъ противъ тѣхъ своихъ товарищей, которые измѣняютъ общественному дѣлу, само обусловливается *экономикой* нынѣшняго общества. И въ то же время оно служитъ однимъ изъ самыхъ могучихъ средствъ *самовоспитанія пролетаріата.*

Печальное явленіе обыденнаго Streickbrecher'ства отнюдь не колеблетъ основательности научнаго соціализма. Не колеблетъ ее и еще болѣе печальное явленіе того Streickbrecher'ства des grossen Styls, которое практиковалось, когда-то верхними слоями англійскаго рабочаго класса, а теперь будетъ, пожалуй, практиковаться пролетаріатомъ Германіи.

Исключительное положеніе, которымъ пользовался англійскій пролетаріатъ въ то время, когда Англія господствовала на всемірномъ рынкѣ, замедлило процессъ развитія его классового самосознанія. Но оно не остановило развитія самосознанія пролетаріата въ остальныхъ капиталистическихъ странахъ. Именно въ это время возникъ Интернаціоналъ, положившій въ основу своей «внѣшней политики» простые законы нравственности и

права. Есть-ли основаніе думать, что исключительное положеніе германскаго пролетаріата, которое было бы создано побѣдой Германіи, *повсюду* остановило бы распространеніе идей Интернаціонала? — Нѣтъ.

Конечно, если побѣдитъ Германія, то Европѣ придется плохо, а въ европейскомъ соціализмѣ «властителями думъ» станутъ на время Зюдекумы, Гейнишы, Гейне, Кварки, Шейдеманны и пр., имъ подобные, товарищи. Но кромѣ Европы есть Америка, есть Азія, въ которыхъ капитализмъ дѣлаетъ быстрые успѣхи. Побѣда Германіи, безспорно, *замедлитъ* распространеніе идей революціоннаго соціализма, даже и въ другихъ частяхъ свѣта, но *остановить его совершенно* она не можетъ по той же причинѣ по которой она не можетъ повернуть назадъ колесо экономическаго развитія.

Если тѣ выгоды, которыя получитъ германскій пролетаріатъ отъ своего колоссальнаго Streickbrecher'ства, сдѣлаютъ его слѣпымъ по отношенію къ *общему интересу пролетаріата въ его всемірномъ цѣломъ*, то вѣдь этотъ интересъ не перестанетъ существовать. А если онъ не перестанетъ существовать, то не перестанетъ и проникать въ умы пролетаріевъ другихъ частей свѣта,—если уже суждено европейскому соціализму замереть въ желѣзныхъ лапахъ германскихъ имперіалистовъ,—сознаніе той истины, что они не могутъ освободиться иначе, какъ посредствомъ дружнаго объединенія своихъ усилій на почвѣ международной солидарности. А чѣмъ сильнѣе будетъ проникать въ умы рабочихъ это сознаніе, тѣмъ больше будутъ они возмущаться какъ малымъ, такъ и большимъ Streickbrecher'ствомъ. И это ихъ возмущеніе будетъ служить не только средствомъ дальнѣйшаго воспитанія тѣхъ изъ нихъ, *которые не повинны въ Streickbrecher'ствѣ, и страдаютъ отъ него*, но также и средствомъ отрезвленія тѣхъ, *которые его практикуютъ*.

Да и можетъ-ли быть очень продолжительнымъ Streickbrecher'ство германскаго пролетаріата? Вполнѣ ли былъ основателенъ («gründliche») тотъ «разсчетъ» которымъ опредѣлилось нынѣшнее поведеніе «большой» с. д. партіи? Есть выгоды и выгоды. Прочны-ли тѣ, которыя пріобрѣтаются посредствомъ Streickbrecher'ства?

Нѣкоторые слои англійскаго рабочаго класса получили выгоду отъ того исключительнаго положенія на всемірномъ рынкѣ, которымъ пользовалась Англія въ теченіе извѣстнаго періода. Но за эту выгоду англійскій пролетаріатъ заплатилъ слишкомъ дорогой цѣной. Она замедлила развитіе его классового сознанія, т. е. ослабила его позицію въ борьбѣ съ господствующими классами. *Нынѣшнее положеніе* англійскаго пролетаріата далеко не

такъ благопріятно какъ оно могло бы быть если бы въ развитіи его самосознанія не произошло указаннаго замедленія. Въ послѣднемъ счетѣ, онъ гораздо больше *проигралъ*, нежели *выигралъ* отъ своего исключительно выгоднаго положенія. Тоже будетъ и съ германскимъ пролетаріатомъ, *если* осуществятся планы германскихъ имперіалистовъ. Это — съ *экономической* стороны. А съ *политической* оно обстоитъ еще хуже для германскаго пролетаріата.

Лѣтъ семнадцать тому назадъ Вольфгантъ Гейне, вдохновленный только что начавшимся тогда «пересмотромъ Маркса», выдумалъ формулу: «*Kanonen gegen Volksrechte*». Она означала, что соціаль-демократы будутъ голосовать военные кредиты, — дадутъ правительству *пушки*, — а правительство дастъ имъ за это «*народныя права*». Эту формулу усвоилъ себѣ покойный Франкъ; ее усвоилъ себѣ Зюдекумъ; ее усвоило себѣ большинство германской соціаль-демократіи. Наши нѣмецкіе товарищи даютъ своему правительству пушки съ помощью которыхъ опустошается Бельгія, Франція, Польша. И они довѣрчиво ожидаютъ, что въ обмѣнъ на пушки, правительство одаритъ народъ «правами». У нихъ гора сваливается съ плечъ, когда они представляютъ себѣ, что теперь уже не нужно будетъ дѣлать массовую стачку, (которая портитъ организацію), напримѣръ, для завоеванія всеобщаго избирательнаго права въ Пруссіи: право это будетъ дано имъ въ награду за кровавый трудъ удушенія Польши, Франціи, Бельгіи. Но они обманываютъ себя несбыточной надеждой. Пушки данныя германской соціаль-демократіей нѣмецкому императору, очень пригодны для угнетенія другихъ странъ. Но не менѣе пригодными покажутъ онѣ себя и въ дѣлѣ угнетенія Германіи. Народныя права не пріобрѣтаются въ обмѣнъ за пушки. Народныя права разстрѣливаются пушками, попадающими въ руки императоровъ...

Германскіе консерваторы уже теперь поговариваютъ, что не слѣдуетъ уступать требованіямъ демократіи. А что мы услышимъ потомъ?

Рабочій классъ Германіи какъ будто уже начинаетъ, — правда, *только — только еще начинаетъ*, — сознавать, что его вожаки ошиблись въ разсчетѣ. Въ его средѣ возникаетъ, — правда *только — только еще возникаетъ*, — оппозиція политикѣ имперіалистическаго соціализма. Надо надѣяться, что германскія правящія сферы сдѣлаютъ съ своей стороны, все возможное для упроченія и ускоренія роста этой оппозиціи.

Наконецъ, вѣдь мы еще не знаемъ, побѣдитъ-ли Германія. Твердое намѣреніе пролетаріата воюющихъ съ нею странъ бороться до конца, позволяетъ думать, что на этотъ разъ герман-

скому императору не придется украсить себя лавровымъ вѣнкомъ. Весьма вѣроятное вмѣшательство Италіи еще больше увеличитъ шансы избавленія Европы отъ грозящаго ей ига германскаго империализма. А вмѣстѣ съ этими шансами будетъ увеличиваться также и вѣроятность отрезвленія нѣмецкихъ рабочихъ. Можетъ быть, гораздо скорѣе, чѣмъ мы этого ожидаемъ, нѣмецкіе рабочіе вспомнятъ золотыя слова Маркса о томъ, что у пролетаріата, — *сознавшаго свой классовой интересъ во всей глубинѣ и во всей широтѣ его истиннаго содержанія*, — не можетъ быть другой «внѣшней политики», кромѣ той, въ основѣ которой лежатъ простые законы нравственности и права. Тогда они содрогнутся, представляя себѣ всѣ тѣ кровавые ужасы и всѣ тѣ дикія безчинства, которыми ознаменовалось вторженіе германскихъ армій въ сосѣднія страны. Тогда они прокликнутъ близорукую разсчетливость господъ «ревизіонистовъ» и опять вернутся на почву Интернаціонала.

Сказать по правдѣ, я не знаю, какая встрѣча предстоитъ германскимъ соціаль-демократамъ на томъ международномъ съѣздѣ, который созванъ будетъ современемъ для возстановленія Интернаціонала. Вѣроятно, — не весьма сердечная: вѣдь непріятно же пожимать руки, пахнущія кровью невинно-убитыхъ. Тутъ не помогутъ ни «ароматы Аравіи», ни позднія сожалѣнія. Но тутъ вполнѣ умѣстно будетъ — подчиненіе *сердца разсудку*. Ради своего великаго дѣла Интернаціоналъ долженъ будетъ принять во вниманіе даже и запоздалыя сожалѣнія. Онъ долженъ будетъ сказать германскому пролетаріату, какъ говоритъ у Байрона ангелъ Каину, выражающему раскаяніе въ убійствѣ Авеля:

«Что сдѣлано, то сдѣлано.....
..... Пусть дѣла
Твои впередъ не будутъ сходны съ этимъ»....

XI.

Пролетаріатъ каждой отдѣльной страны существенно *заинтересованъ* въ томъ, чтобы давать сильный и своевременный отпоръ тѣмъ группамъ рабочимъ, которыя ради своихъ частныхъ выгодъ, измѣняютъ своему классу. Точно также всемірный пролетаріатъ существенно *заинтересованъ* въ томъ, чтобы давать своевременный и сильный отпоръ рабочему классу той или другой отдѣльной страны, — въ данномъ случаѣ Германіи, — когда онъ поступаетъ вопреки требованіямъ международной пролетарской солидарности. И чѣмъ яснѣе будетъ всемірный пролетаріатъ сознавать не только свою *конечную цѣль*, но и *условія, необходимыя для ея достиженія*, тѣмъ энергичнѣе и методичнѣе станетъ его борьба со Streickbrecher'ами

большого масштаба. Такимъ образомъ, борьба эта послужитъ мѣрой успѣховъ его самовоспитанія.

Скажу откровенно: тактика, которой соціалисты нейтральныхъ странъ держались въ теченіи послѣдней войны, — показала, что процессъ самовоспитанія всемірнаго пролетаріата пока еще не подвинулся такъ далеко, какъ этого можно было желать и ожидать.

Наглядный примѣръ. Въ концѣ прошлаго года одинъ изъ самыхъ видныхъ и заслуженныхъ представителей итальянскаго соціализма отстаивалъ въ парламентѣ тактику итальянской соціалистической партіи въ военномъ вопросѣ. При этомъ онъ сказалъ, между прочимъ, что еслибы Италія находилась въ положеніи Бельгіи, то всѣ итальянскіе соціалисты сочли бы себя обязанными защищать свою страну; но ей не грозитъ непріятельское нашествіе, и потому они требуютъ, чтобъ она оставалась нейтральной. Допустимъ, что это было правильно съ точки зрѣнія интересовъ *итальянскаго народа*, хотя совершенно ясно, что германская побѣда даже и Италію поставила бы въ весьма невыгодное положеніе. Но я спрошу: гдѣ же *международная солидарность*? Неужели соціалисту позволительно было вспомнить о Бельгіи исключительно только для иллюстраціи того соображенія, что «*наша* (итальянская *Г. П.*) *хата съ краю*»*).

При чтеніи иныхъ соціалистическихъ органовъ нейтральныхъ странъ меня часто поражало сильно замѣтное въ нихъ желаніе непремѣнно сохранить нейтральность даже *въ отзывахъ* о дѣйствіяхъ воюющихъ странъ. Желаніе это приводитъ подчасъ къ результатамъ, по истинѣ комичнымъ. Когда соціалистическій нейтралистъ quand même видитъ себя вынужденнымъ осудить то или другое кровавое безчинство германской арміи, онъ, для *равновѣсія*, спѣшитъ прибавить, что и французская армія ведетъ себя не лучше. При этомъ онъ забываетъ, что французская армія ведетъ войну не на чужой, а на своей собственной территоріи и уже по одному этому лишена возможности сжигать чужіе города, грабить населеніе враждебной страны и т. п.

Старый интернаціоналистъ Ванъ—Коль рѣзко протестовалъ въ голландской соціалистической газетѣ «Het Volk» противъ по-

*) Моя статья была уже написана, когда состоялось историческое засѣданіе итальянскаго парламента (20 мая). Устами Турати «официальные» итальянскіе соціалисты заявили, что они требуютъ нейтральность, *повинуясь чувству международной солидарности*. Странно! Если я остаюсь «нейральнымъ» при видѣ того, какъ одинъ человѣкъ душитъ другого, то я, можетъ быть, солидаренъ съ душителемъ, но ужъ совсѣмъ не солидаренъ съ душимымъ.

зиціи такихъ нейтралистовъ. Онъ спрашивалъ, почему соціалистъ долженъ молчать, когда его чувство справедливости оскорбляется нарушеніемъ международнаго права и уничтоженіемъ международныхъ договоровъ, какъ это было въ Бельгіи. «Неужели, — говоритъ онъ, — мы не должны выражать свои симпатіи угнетеннымъ только для того, чтобы щадить угнетателей? Кто въ подобныхъ настоящему случаяхъ не протестуетъ всѣми силами души, тотъ самъ становится участникомъ преступленія, несетъ на себѣ отвѣтственность за совершаемыя жестокости и можетъ быть обвиняемъ въ нравственной распущенности. — Подумайте объ этомъ, чтобъ не переусердствовать въ стремленіи сохранить нейтралитетъ, который можетъ только повредить международному соціализму» *).

Объ этомъ, дѣйствительно, стоитъ подумать. Товарищи, сохраняющіе нейтралитетъ между угнетателями и угнетенными, навѣрно, очень почтенные люди. Но эти, — навѣрно, очень почтенные, — люди ставятъ себя въ совсѣмъ непочтенное положеніе тѣхъ нейтральныхъ ангеловъ, о которыхъ говоритъ Данте въ третьей пѣснѣ своего «Inferno» и которые не возставали противъ бога, но и не были вѣрны ему:

Degli angeli che non furon ribelli.
Ne fur fideli a Dio...

Этихъ нейтральныхъ ангеловъ не принималъ ни рай, ни адъ. По словамъ руководителя Данта, Виргилія, ими не стоило и заниматься:

Misericordia e giustizia gli stegna·
Non ragioniam dilor, ma guarda e passa**.

Такое положеніе совсѣмъ недостойно международныхъ соціалистовъ, которые должны громче, нежели кто нибудь, кричать противъ угнетателей и энергичнѣе, нежели кто нибудь, отстаивать «*внѣшнюю политику*», основанную на простыхъ законахъ нравственности и права.

Кровопролитіе — жестокое и страшное дѣло. Нѣтъ ничего естественнѣе желанія прекратить его, т. е. способствовать заключенію мира. Но это желаніе не должно дѣлать насъ несправедливыми. Когда угнетенный вступаетъ въ борьбу съ угнетателемъ,

*) Рѣчь No 88, 1915 г.

**) «Ими пренебрегаетъ и правосудіе, и милосердіе. Не будемъ говорить о нихъ: посмотри и иди мимо».

тогда требовать заключенія мира между ними значитъ мириться съ угнетеніемъ ***).

Къ сожалѣнію, рабочій классъ нейтральныхъ странъ еще недостаточно уяснилъ себѣ это. Но то, что еще неясно понимается имъ теперь, будетъ понято имъ впослѣдствіи. Процессъ самовоспитанія всемірнаго пролетаріата еще не закончился. Необходимо помнить это, отмѣчая тѣ, несомнѣнно достойныя сожалѣнія, ошибки и слабости, которыя сдѣланы или проявлены рабочимъ классомъ нейтральныхъ странъ въ теченіе нынѣшней войны. Будемъ надѣяться, что скоро онъ самъ замѣтитъ ихъ и окажется на высотѣ призванія ко времени созыва будущаго международнаго соціалистическаго съѣзда.

Но какъ бы тамъ ни было, а война показала намъ совсѣмъ не то, что международный соціализмъ не имѣетъ подъ собою твердой почвы, а только то и именно то, что всемірному пролетаріату надо еще усердно поработать надъ самовоспитаніемъ. Кто считалъ его самовоспитаніе *законченнымъ*, тотъ былъ революціоннымъ утопистомъ, — хотя, можетъ быть, сто разъ на день клялся Марксомъ, — и тотъ разумѣется, можетъ теперь поколебаться въ своихъ соціалистическихъ убѣжденіяхъ. Скажу больше: поколебавшись въ нихъ, онъ покажетъ, что и ему не чужда логика. А кто свободенъ отъ фантастики революціоннаго утопизма, — всегда состоящаго въ близкомъ родствѣ съ субъективизмомъ, *) — тотъ, на основаніи опыта военнаго времени, скажетъ себѣ одно:

Сдѣланное нами, соціаль-демократами, до сихъ поръ оставило глубокій слѣдъ въ умахъ рабочихъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ. Но то, что мы сдѣлали, оказалось недостаточнымъ ни для предупрежденія войны, ни для выведенія пролетаріата ней-

---

***) Корреспондентъ «Кіевской Мысли», г. Антидъ Отто, говоритъ: «Молитва о мирѣ, которую Бенедиктъ XV предписалъ возносить небу въ католическихъ храмахъ всѣхъ странъ, въ воскресенье, 7 февраля, создала затрудненіе не одному только кардиналу Аметту. Папа хочетъ мира. Но какого мира хочетъ папа? Если римскій первосвященникъ стремится соблюдать полный нейтралитетъ, — нейтралитетъ между палачемъ и жертвой, по негодующему опредѣленію бельгійскихъ католиковъ, — то онъ долженъ принять во вниманіе, что требованіе міра какъ универсально оно не звучало, вовсе еще не означаетъ равнаго отношенія къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ» (К. М. 1915, No 58). Мудрыя слова! Я вообще совѣтую товарищамъ постоянно читать корреспонденціи Антида Отто въ «*Кіевской Мысли*». По своему содержанію онѣ могутъ служить противоядіемъ (антидотомъ) публицистикѣ тов. Троцкаго и другихъ обскурантовъ (въ Гетевскомъ смыслѣ).

*) Оттого-то грезо-фарсы Ленина такъ похожи на грезо-фарсы В. Чернова.

тральныхъ странъ на правильную тактическую дорогу. Это значитъ, что намъ нужно удвоить, утроить, учетверить свои усилія и постараться сдѣлать ихъ гораздо болѣе планомѣрными, чѣмъ они были до сихъ поръ. Вотъ только и всего!

Можетъ быть, наша конечная цѣль дальше отъ насъ, нежели мы думали. Если это, въ самомъ дѣлѣ, такъ, то намъ непремѣнно придется считаться съ этимъ въ своей тактикѣ. Но все таки это ровно ничего не говоритъ противъ достижимости нашей конечной цѣли. Будемъ же работать, помня, что до Палестины удалось добраться не тѣмъ крестоносцамъ, которые, по своему невѣжеству при видѣ каждаго новаго города готовы были кричать: «Іерусалимъ! Іерусалимъ!», а тѣмъ, которые знали географію.

Однако, давно пора кончать.

Жму Вашу руку, т. Н—новъ.

Вашъ Г. Плехановъ.

Изъ области экономики.

Наша страна переживаетъ сейчасъ тяжелое время, серьезнѣе котораго, быть можетъ, не было во всей ея исторіи. Она стоитъ на распутьи двухъ дорогъ, изъ которыхъ одна ведетъ на западъ, въ Европу, къ современному промышленному развитію съ его политическими учрежденіями и политической свободой, къ міру буржуазному, а черезъ него и къ соціализму. Другая дорога направляется въ Азію, на востокъ съ его деспотіей и равенствомъ всеобщаго безправія, въ тотъ мракъ, въ который на много столѣтій погрузило когда-то русскую землю татарское нашествіе. Цѣлыхъ два вѣка, медленно, съ трудомъ выбиралась Россія на западный путь. Какія-нибудь полстолѣтія насчитываетъ ея современная, на европейскій ладъ, промышленность. И сейчасъ ей угрожаетъ новое иго, иго нѣмецкаго капитализма, которое снова повернуло бы страну вспять, остановивъ ея экономическое развитіе, а вмѣстѣ съ нимъ и развитіе всѣхъ передовыхъ общественныхъ силъ, во главѣ съ пролетаріатомъ, и надолго отодвинуло бы самую возможность ея политическаго раскрѣпощенія и перехода къ свободному строю.

I. ГЕРМАНІЯ И ЕВРОПА.

Угроза экономическаго порабощенія Россіи, образованія изъ нея нѣмецкой колоніи, чего-то въ родѣ Британской Индіи, не является пустыми словами. Германская правительственная и консервативная печать, нисколько не стѣсняясь, подчеркиваетъ, что такова была одна изъ цѣлей войны: создать «единую хозяйственную область для государствъ средней Европы (включая Турцію? — П. Д.)», оградить ее таможенной стѣною и выгодными торговыми договорами съ остальными европейскими странами. *) Таможенный союзъ породилъ современную промышленную Германію. Таможенныя завоеванія, совершенныя, разъ это понадобилось,

*) Въ этомъ сходятся всѣ: ученый генералъ Бернгарди, философъ Бундтъ, экономистъ Ф. Ф.-Листъ, президентъ австрійской палаты депутатовъ д-ръ Ю. Сильвестръ, президентъ германскаго рейхстага, онъ же предсѣдатель старшинъ берлинскаго купечества, Кэмпфъ. См., напр., «Berliner Tageblatt» отъ 25 дек. 1914, цит. въ «Кіев. М.» № 358.

силою оружія, должны положить начало Германіи будущаго, Великой Германіи, должны дать ей гегемонію надъ міромъ. Это прекрасно понимаютъ — и уже болѣе не скрываютъ — и нѣмецкіе соціалисты. Да и нетрудно это понять. Надо лишь пристальнѣй присмотрѣться къ ходу экономическаго развитія этой державы, обратить вниманіе на ту роль, которую въ ея торговомъ оборотѣ играетъ европейскій рынокъ.

Роль эта чрезвычайно велика: 3/4 всего германскаго вывоза, свыше 60% которыхъ составляютъ промышленныя издѣлія, неизмѣнно за много лѣтъ приходится на Европу, тогда какъ Англія вывозитъ туда же не болѣе 1/4 всѣхъ экспортируемыхъ ею товаровъ, значитъ, втрое меньше, потому что общая сумма англійскаго и германскаго вывоза къ 1914 года почти сравнялась. Вотъ эта зависимость отъ легко подверженнаго колебаніямъ европейскаго рынка въ связи съ весьма интенсивнымъ развитіемъ промышленности, — Германія — единственное крупное европейское государство, процентное участіе котораго въ міровомъ обмѣнѣ постоянно возрастаетъ, — сдѣлала Германію особенно чувствительной къ міровому кризису, начавшемуся приблизительно въ срединѣ 1913 года*). Но промышленный кризисъ неизбѣжно влечетъ за собой обостреніе классовыхъ противорѣчій и является прямой угрозой для существующаго соціально-экономическаго строя. Правда, строй этотъ оказался несравненно болѣе жизненнымъ, нежели полагали первые марксисты, и въ борьбѣ за свое существованіе развилъ исполинскую силу сопротивленія.

Эта сила сопротивленія выразилась преимущественно въ томъ, что получило названіе имперіализма. Имперіализмъ, эта высокая степень развитія капиталистическаго строя, постоянно требующаго новыхъ рынковъ, обозначаетъ, по словамъ Плеханова, эксплуатацію однихъ народовъ другими народами. А такъ какъ ни одинъ народъ не пойдетъ добровольно навстрѣчу эксплуатаціи, то имперіализмъ неизбѣжно приводитъ къ политикѣ насильственнаго захвата рынковъ, подчиненія и охраны ихъ вооруженной рукою.

Но въ имперіалистической, колоніальной политикѣ есть все-же двѣ различныхъ тенденціи. Одну изъ нихъ Максимъ Ковалевскій называетъ центробѣжной, другую — центростремительной. Первая связана съ системой свободной торговли, вторая — съ таможеннымъ покровительствомъ новѣйшаго агрессивнаго стиля. Типичной представительницей первой изъ нихъ является Англія.

---

*) Это отмѣтили какъ промышленники и оффиціальныя учрежденія, такъ и рабочіе союзы. Годовой отчетъ нѣмецкаго профессіональнаго союза тетстпльщиковъ говоритъ, что «1913 г. принадлежитъ къ самымъ черным годамъ, которые когда-либо переживали рабочіе», и не ждетъ улучшенія въ близкомъ будущемъ.

второй — Германія. Въ очень значительной степени эти тенденціи опредѣляются внутреннимъ соотношеніемъ соціальныхъ силъ въ каждой изъ названныхъ странъ. Но, разумѣется, не только этимъ соотношеніемъ.

Англія цѣлыя столѣтія господствуетъ на моряхъ и владѣетъ обширнѣйшими колоніями въ свѣтѣ. Англія — старѣйшая капиталистическая держава. Огромный избытокъ накопленныхъ капиталовъ и полное денежное насыщеніе собственной промышленности позволяетъ ей, чѣмъ дальше, тѣмъ больше ростъ вывоза продуктовъ замѣнять вывозомъ капитала *).

Промышленный капиталъ, попадая въ отсталую страну, тоже эксплуатируетъ ее въ пользу своей родины, нисколько не заботясь о благопріятныхъ условіяхъ индустріальнаго развитія колоніи или страны, въ которую попадаетъ. Однако, онъ прямымъ путемъ содѣйствуетъ этому развитію, капитализаціи всего земного шара. Творя новый міръ по своему образу и подобію, онъ расчищаетъ почву для замѣны капитализма соціализмомъ.

Конечно, и Германія владѣетъ колоніями. Конечно, и она вывозитъ капиталъ. Но какая разница! Въ то время какъ отношеніе вывоза продуктовъ изъ Германіи къ вывозу продуктовъ изъ Англіи равняется 1 : 1, то же отношеніе для вывоза капиталовъ составляетъ 1 : 2. Германія далеко не такъ богата деньгами, какъ Англія; ея собственная промышленность требуетъ гораздо большихъ вкладовъ. Съ колоніями дѣло обстоитъ еще хуже. На каждые 10 человѣкъ, живущихъ въ метрополіи, приходится колоніальнаго населенія: 83 человѣка для Англіи, и только два человѣка — для Германіи. Оттого Англія и вывозитъ въ свои колоніи болѣе 1/3 всѣхъ вывозимыхъ ею издѣлій, тогда какъ Германія — въ свои около 1/20 **).

Германія пришла на міровой рынокъ позже другихъ странъ, когда почти весь міръ уже былъ распредѣленъ. Для того, чтобы овладѣть колоніями, ей недостаточно преодолѣть одно только сопротивленіе туземцевъ. Ей надо справиться съ метрополіями,

---

*) По даннымъ Аскева («Англійскій имперіализмъ»), отношеніе вкладовъ англійскаго капитала въ предпріятія на Британскихъ островахъ и за границей за послѣдніе 10 лѣтъ равно 1:3, уменьшаясь съ каждымъ годомъ. Изъ вывознаго же англійскаго капитала направляется въ собственныя колоніи 50 проц. и не болѣе 8 проц. — въ Европу.

Въ собственно торговомъ балансѣ Англіи пассивъ превышаетъ активъ на 1¼ милліарда рублей ежегодно. Этотъ пассивъ покрывается доходами съ вывезеннаго капитала, коммиссіонными и фрахтомъ (платой за провозъ чужеземныхъ товаровъ). См. ст. М. Покровскаго въ № 1 «Просвѣщенія» за 1914 г.

**) По даннымъ ежегодника газ. «Рѣчь» на 1912 г. и «Stat. Iahrbuch für das Deutsche Reich» 1914 г.

побѣдить ихъ и отнять у нихъ добычу. «Интенсивная» колоніальная политика для господствующихъ классовъ этого государства — вопросъ жизни. Оттого-то у Германіи — и только у нея — теперь «хватило смѣлости начать», чего (и по словамъ Энгельса и по признанію Бисмарка) не было, напримѣръ, въ концѣ 80-хъ годовъ *).

Путемъ къ колоніямъ для нея могъ быть единственный путь: черезъ Европу или въ самое Европу. Руководители германской политики надо отдать имъ справедливость, прекрасно поняли это. Экономическое движеніе на востокѣ они подкрѣпляли стратегическими шагами: захватъ военнаго дѣла въ Турціи, назначеніе Лимана фонъ-Сандерса, Богдадская дорога между Индіей и Египтомъ и проч.

Но Линія Берлинъ—Багдадъ проходитъ черезъ Сербію. Вотъ почему Германія усиленно поддерживала своекорыстную политику Австріи по отношенію къ этой ея балканской сосѣдкѣ. Изъ-за желанія совершенно подчинить Сербію едва не возгорѣлась война годомъ раньше. Изъ-за Сербіи зажгла Германія міровой пожаръ въ августѣ 1914 года.

Съ другой стороны, по авторитетному мнѣнію графа Равентлова и адмирала фонъ-Тирпица, съ которыми согласенъ и пресловутый маршалъ Гинденбургъ, **) — истинная колоніальная политика не возможна для Германіи до тѣхъ поръ, пока она будетъ зависѣть отъ милости англійскаго флота. Надежды же сломить его, не имѣя базой Бельгіи, нѣтъ никакой. Отсюда вся программа германскихъ дѣйствій. Чтобы достигнуть цѣли, Германіи необходимо искусственно задержать капиталистическое развитіе, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ уже капитализовавшихся странахъ и сокрушить другія. И если бы осуществилась тенденція, которой проникнута современная война, если бы Германія оказалась безусловной побѣдительницей, это повлекло бы за собой своеобразное подвижное экономическое равновѣсіе: германскій капитализмъ продолжалъ бы расти насчетъ другихъ странъ; нѣмцы стали бы избраннымъ народомъ, а другія націи — паріями.

Повышеніе промышленнаго пульса въ одномъ мѣстѣ вызывало бы его пониженіе въ другомъ. Объективная экономическая

*) Вопросъ о «виновникѣ» войны, какъ видитъ Л. Мартовъ, вовсе не исключаетъ объективныхъ соціально-экономическихъ причинъ, но вытекаетъ изъ нихъ.

**) См. № 668 «Одесскихъ Новостей».

почва была бы вырвана изъ-подъ ногъ соціалистовъ. Измѣнилась бы и психологія массъ. Привиллегированное положеніе нѣмецкихъ рабочихъ понижало бы ихъ соціалистическую боеспособность. Примиреніе классовъ вмѣсто ихъ борьбы, націоналистическій шовинизмъ вмѣсто международной солидарности — таковы были бы результаты этого положенія*). А такъ какъ вслѣдствіе остановки въ развитіи производительныхъ силъ побѣжденныхъ странъ, рабочее движеніе не смогло бы достаточно развиваться и въ нихъ, то процессъ обращенія пролетаріата въ «классъ для себя» былъ бы задержанъ.

Марксизмъ — не фатализмъ. Онъ не говоритъ, что за капиталистической фазой человѣческаго общества автоматически послѣдуетъ соціалистическая. Онъ утверждаетъ только, что въ капитализмѣ все болѣе развиваются тенденціи, которыя ведутъ къ соціализму. Будучи активнымъ по самому существу, онъ требуетъ отъ своихъ приверженцевъ сознательно способствовать росту этихъ прогрессивныхъ тенденцій и противодѣйствовать тенденціямъ, которыя могутъ привести общество къ разложенію. Какъ разъ таковы тенденціи германскаго имперіализма: ихъ торжествомъ была бы германская побѣда. Сломить нѣмецкій милитаризмъ значитъ закрыть для буржуазнаго общества, въ лицѣ Германіи, такъ сказать, незаконные пути и толкнуть ее къ соціальнымъ конфликтамъ. Не мы создали это положеніе, но мы обязаны считаться съ нимъ. Какъ бы ни былъ болѣзненъ этотъ процессъ, онъ не менѣе въ интересахъ германскаго пролетаріата, — если понимать ихъ въ широкомъ смыслѣ, — нежели пролетаріата всѣхъ другихъ странъ.

Вотъ та общая основа, которую долженъ принять въ расчетъ всякій соціалъ-демократъ, опредѣляя свое отношеніе къ войнѣ. На ней и базируется наша тактика.

II. ГЕРМАНІЯ И РОССІЯ.

Борьба Германіи съ Франціей и, особенно, съ Великобританіей ведется за чужіе, за колоніальные рынки. По отношенію къ Россіи эта причина, какъ ни важна она сама по себѣ, имѣетъ,

*) Вѣдь благодаря исключительному подъему германской промышленности за послѣдніе годы черты филистерства достаточно развились въ нѣмецкихъ рабочихъ, что не ускользнуло отъ внимательныхъ наблюдателей. См., напримѣръ, ст. А. Коллонтай въ послѣднемъ № «Н. Зари» за 1912 г.

все таки, второстепенное значеніе*). Зато сама Россія является однимъ изъ главнѣйшихъ рынковъ для Германіи. Аналогичное отношеніе существуетъ между Сербіей и Австріей.

Оставляя въ сторонѣ многоразличные способы, (устройство филіальныхъ отдѣленій своихъ фирмъ, скупка желѣзнодорожныхъ и другихъ акцій и проч.), которыми — въ обходъ дѣйствующихъ нормъ — нѣмецкій капитализмъ развиваетъ эксплуатацію Россіи, разсмотримъ русско-германскій торговый договоръ.

Вліяніе этого договора во вредъ Россіи сказалось, главнымъ образомъ, въ трехъ отношеніяхъ.

Прежде всего, Германія захватила въ свои руки огромную часть русской торговли, особенно импортной, что дало ей возможность, до извѣстной степени, регулировать русское производство въ зависимости отъ интересовъ германскаго**).

Въ дѣлѣ захвата русскаго рынка и вытѣсненія съ него остальныхъ странъ сыграла роль общая таможенная политика Германіи. Высокія русскія пошлины покрывались вывозными преміями германскихъ синдикатовъ. Поскольку же эти пошлины были понижены, — и тутъ сказалось дѣйствіе договора, — Германія сумѣла настоять на томъ, чтобы такое пониженіе падало на издѣлія, производство которыхъ развито преимущественно въ этой странѣ. Была использована также неполнота договора. Кромѣ того, нѣмцы добились соглашенія о желѣзно-дорожныхъ тарифахъ и о равенствѣ русскихъ таможенныхъ ставокъ на сухопутной германской границѣ и по Балтійскому побережью.

---

*) Россія успѣшно конкуррируетъ съ Германіей на персидскомъ, отчасти на турецкомъ и на китайскомъ рынкахъ, которые вмѣстѣ забираютъ за рядъ лѣтъ (см. оффиціал. нѣмецк. статист.) 2,2 0/0 герман. вывоза. Персія въ этомъ вывозѣ занимаетъ послѣднее мѣсто, выражаясь числомъ 0,0, т. е. сотыми долями процента. А вывозъ въ Россію (не считая Финляндіи) въ 1913 году почти достигъ 9 0/0 всего германскаго экспорта, превысивъ 400 милліоновъ рублей и увеличившись вдвое за какихъ-нибудь 5 лѣтъ.

**) Непосредственно передъ заключеніемъ конвенціи 1894 г. нѣмецкій экспортъ въ Россію почти равнялся англійскому, составляя круглымъ счетомъ 1|4 нашего ввоза. Къ 1914 г. изъ Англіи доставлялась 1|8, а изъ Германіи—1/2. Для нѣкоторыхъ отраслей (вязаныя бумажныя и целулоидныя издѣлія, швейныя иглы, многіе аптекар. продукты и пр.) германскій отпускъ къ намъ значительно выше, приближаясь иногда къ 90 и даже 100% русскаго импорта. Абсолютно ежегодный германскій экспортъ къ намъ увеличился за указ. время больше, чѣмъ на полмилліарда рублей, англійскій—всего на нѣсколько милліоновъ. При этомъ въ нашемъ экспортѣ Германія занимаетъ попрежнему 25—30%. Замѣтимъ еще, что Финляндія получала изъ Германіи 3/4 покупаемыхъ за границей товаровъ, и изъ Россіи—12%! За время войны русскій ввозъ въ Финляндію дошелъ до 25%. (См. доклады Совѣта Съѣздовъ 8-му Очер. Съѣзду Пром. и Торговли, апр. 1914, а также «Рус. Слово» №№ 20 и 35 за тек. годъ).

Послѣдніе пункты сильно способствовали увеличенію посреднической роли Германіи въ нашей торговлѣ. Насколько велика эта роль, показываетъ разница между данными русскими и германскими касательно взаимныхъ торговыхъ сношеній *). По русскимъ даннымъ торговый балансъ Россіи съ Германіей, вопреки ея общему торговому балансу, съ 1896 (т. е. вскорѣ же послѣ введенія договора) носитъ отрицательный характеръ **). Преобладаніе ввоза надъ вывозомъ выражается за послѣднее пятилѣтіе средней годовой суммой въ 62 милліона, а въ 1912 году превышаетъ 120 милл. рублей.

По германскимъ же даннымъ дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ. Разница ввоза въ Россію по обоимъ исчисленіямъ весьма велика. Она достигаетъ за 5 лѣтъ (по 1913) одного милліарда рублей. Стало быть, за это время къ намъ было только провезено черезъ Германію товаровъ на 1 милліардъ. Сколько заработалъ на этомъ посредникъ, легко догадаться ***).

Германія отлично знаетъ, какія выгоды даетъ ей этотъ транзитъ. Запрещая пониженіе русскихъ пошлинъ для товаровъ, ввозимыхъ черезъ Балтійское море, она поставила русскіе порты въ полную невозможность конкурировать съ нѣмецкими, которые богаче, лучше организованы и ближе къ западу, т. е. къ океану. Съ другой стороны, совершенно одинаковое давленіе оказано и на нашъ вывозъ. Нѣмцы настояли на томъ, что провозныя платы, взимаемыя съ товаровъ (зерновыхъ хлѣбовъ, льна и пеньки) «отъ русскихъ станцій отправленія до германскихъ торговыхъ городовъ Данцига, Кенигсберга и Мемеля, должны быть исчисляемы и распредѣляемы между участвовавшими русскими и германскими желѣзными дорогами, согласно правиламъ, которыя примѣняются или будутъ примѣняться къ русскимъ желѣзнымъ дорогамъ въ направленіи на русскіе портовые города, въ Либаву и Ригу» ****). Благодаря этому, по справедливому за-

---

*) Германская статистика отмѣчаетъ товары, произведенные непосредственно въ Германіи или предназначенные для употребленія въ ней, т. е. по спеціальной или собственной торговлѣ (Spezial oder Eigenhandel); русская — по общей торговлѣ (Gesammthandel), не считаясь съ происхожденіемъ или назначеніемъ товара, а только съ границей, черезъ которую онъ проходитъ.

**) За исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ годовъ.

***) Этой посреднической роли Германіи въ русской торговлѣ, повидимому, совершенно не понялъ бундовскій публицистъ В. Косовскій. Приводимыя имъ (въ № 7 «Инф. Листка») данныя, вообще, говорятъ, противъ. его выводовъ.

****) Ст. 19 дополнительной конвенціи 1904 г. Цитировано по докладу Совѣта Съѣздовъ 8-му Очередному Съѣзду Предст. Торговли и Промышл. о пересмотрѣ торговаго договора съ Германіей.

мѣчанію Совѣта Съѣздовъ, «Германія помѣшала Россіи создать крупный отпускной портъ на Балтійскомъ побережьѣ, направивъ часть нашего вывоза транзитомъ черезъ Германію и давая дополнительные заработки, какъ для нѣмецкихъ дорогъ, такъ и для торговаго флота. Это — прибавляетъ докладъ — одна изъ причинъ медленнаго роста нашего торговаго флота на Балтійскомъ морѣ». Такова вторая крупная невыгода для Россіи, явившаяся результатомъ торговой конвенціи.

Наконецъ, — и это, быть можетъ, самое важное, — договоръ закрѣпилъ высокія таможенныя ставки на ввозимые въ Германію русскіе продукты, главнымъ образомъ — на хлѣбъ*). Трудно сразу представить себѣ, какое вліяніе оказало это обстоятельство на развитіе производительныхъ силъ Россіи. А между тѣмъ это вліяніе, — въ отрицательномъ смыслѣ, конечно, — было колоссально. По нѣмецкимъ даннымъ (а здѣсь они только имѣютъ значеніе) общая сумма русскаго ввоза въ Германію за періодъ 1894 — 1913 составляетъ въ точности 9 милліардовъ рублей. Полагая, что въ среднемъ таможенный сборъ съ ввозимыхъ русскихъ товаровъ достигаетъ лишь 1/8 ихъ стоимости (что, навѣрно, ниже дѣйствительности), мы получимъ свыше 1 милліарда и 100 милліоновъ рублей**). Такую-то сумму уплатилъ русскій производитель, т. е. фактически русское крестьянство, за право вывоза своего сырья. Чтобы дать болѣе отчетливое понятіе объ этой суммѣ, достаточно будетъ сказать, что она равна 1/6 всего (пассивнаго) капитала, вложеннаго во всѣ акціонерныя предпріятія Германіи къ концу 1913 г., или больше $^1/_4$ общей суммы капитала всѣхъ акціонерныхъ промышленныхъ предпріятій Россіи. Она почти въ $2^1/_2$ раза превышаетъ капиталъ, помѣщенный къ тому же времени въ акціонерныя предпріятія русской хлопчатобумажной мануфактуры, какъ извѣстно, наиболѣе развитой отрасли нашего производства.

При свободномъ вывозѣ русскаго хлѣба, эти деньги были бы истрачены внутри страны, на предметы крестьянскаго потребленія и на улучшеніе хозяйства. Онѣ пошли бы на развитіе русскихъ, а не германскихъ производительныхъ силъ. Раньше всего прочаго онѣ вызвали бы усиленіе именно хлопчатобумажнаго

---

*) Также на обдѣланный лѣсъ, медъ, мясо и проч.

**) Для пятилѣтія 1909—1913 обложеніе почти достигаетъ 9 0/0 общей стоимости ввезеннаго въ Германію товара. Вычисляя по отдѣльнымъ отраслямъ, мы нашли, что для русскихъ продуктовъ это обложеніе близко къ 14 0/0. Подсчетъ сдѣланъ по книгѣ Барма и по оффиціальнымъ ежегодникамъ. Рубль принятъ вездѣ за 2,16 марокъ.

производства *), а вмѣстѣ съ нимъ каменноугольнаго и желѣзнаго дѣла (топливо и машины). Это предоставило бы заработокъ не одной сотнѣ тысячъ рабочихъ, повысило бы покупательную собность населенія и вторично содѣйствовало бы расширенію внутренняго рынка, что опять повело бы къ развитію промышленности, и такъ далѣе. Не забудемъ, что названная причина продолжала дѣйствовать исправно изъ года въ годъ.

Ежели одна часть договорныхъ статей имѣетъ въ виду интересы германской индустріи, то чьимъ выгодамъ служитъ другая, а именно высокія ставки на зерновые продукты? Очевидно, что промышленники получаютъ доходъ отъ этихъ ставокъ лишь косвенно. Низшіе же, бѣднѣйшіе классы германскаго населенія, на что не разъ указывали нѣмецкіе товарищи, терпятъ отъ нихъ прямой ущербъ, такъ какъ онѣ вызываютъ повышеніе цѣнъ на предметы первой необходимости. Кто же выигрываетъ въ концѣ концовъ? Выигрываютъ юнкера-помѣщики, да скупщики хлѣба. Въ этомъ взаимномъ переплетеніи интересовъ аграрной реакціонно-помѣщичьей партіи съ интересами крупно-капиталистической буржуазіи**—существенная черта германскаго имперіализма въ отличіе отъ имперіализма другихъ государствъ ***).

Таможенное загражденіе въ Россіи, какъ во всякой отсталой странѣ, носитъ защитный характеръ противъ болѣе сильныхъ противниковъ ****). Но въ такой высоко-развитой капиталистической странѣ, какъ Германія, оно является исключительно оружіемъ нападенія, а не защиты.

---

*) Попутно сломавъ высокія пошлины на заграничный хлопокъ, такъ какъ болѣе нельзя было бы дожидаться развитія хлопководства въ Ферганской области.

**) С. Далинъ въ интересной статьѣ, помѣщенной въ No 3 «Совр. Міра» за текущій годъ, указываетъ на милитаристское обоснованіе хлѣбныхъ пошлинъ, исходящее изъ національныхъ, а не исключительно изъ аграрныхъ интересовъ. Нѣкоторые германскіе соціалисты готовы теперь, задними числомъ, помириться съ указанными пошлинами. Но что такое эти національные интересы, какъ не интересы блока промышленниковъ съ аграрной партіей? И если къ этому блоку присоединяются соціалисты, это нисколько не служитъ къ оправданію германской таможенной политики, а только къ осужденію тактики подобныхъ соціалистовъ. П. Д.

***) Напримѣръ, отъ англійскаго представляющаго коалицію банка съ промышленностью.

****) Однако и тутъ высокія таможенныя ставки,—не говоря уже о невыгодѣ для потребителя, для котораго онѣ составляютъ одинъ изъ видовъ косвеннаго налога, — нерѣдко мѣшаютъ развитію отечественной промышленности вмѣсто того, чтобы ему способствовать. Это, по крайней мѣрѣ, отчасти признаютъ даже наши промышленники, равно и Госуд. Совѣтъ. Какъ извѣстно, въ 1904 г., русскіе уполномоченные предлагали понизить наши ставки въ обмѣнъ на пониженіе германскихъ хлѣбныхъ пошлинъ, но тщетно.

Ставя русскій хлѣбъ, большею частью провозимый черезъ Германію, въ чрезвычайно невыгодныя условія продажи на міровомъ рынкѣ, нѣмецкій таможенный тарифъ (въ связи съ системой вывозныхъ свидѣтельствъ), — и въ этомъ еще одно дѣйствіе договора, — расчищаетъ почву для вытѣсненія хотя бы нѣкоторыхъ русскихъ злаковъ нѣмецкими.

Такихъ результатовъ удалось добиться германскому юнкерству мирнымъ путемъ. Впрочемъ, мирнымъ — весьма относительно. Въ Манджуріи гремѣли пушки, и русскому правительству необходимо было взять войска съ западной границы. Это происходило въ 1904-мъ году. Тогда-то Германія не только заставила Россію возобновить торговый договоръ, но навязала ей цѣлый рядъ дополнительныхъ тяжелыхъ статей: повышеніе хлѣбныхъ ставокъ; условія, касающіяся портовъ и желѣзныхъ дорогъ; ограниченія по ввозу русскаго мяса, обработаннаго лѣса, выдѣланныхъ кожъ и другія, «закрѣпивъ преобладаніе ввоза (изъ Россіи) сырья». По вѣрному замѣчанію одной газеты, за царскія предпріятія въ Кореѣ и за Японскую войну русскому народу пришлось оплачивать счетъ въ Берлинѣ.

Говорятъ, все-же глава русской державы задумался, когда пришелъ часъ скрѣплять дополнительную конвенцію. Однако, «собственноручно изложенное» соображеніе Вильгельма о томъ, что политически — для борьбы съ крамолой — необходимо поддержать прусское юнкерство, *опору и защиту порядка въ Европѣ*, быстро побѣдило нерѣшительность. Не въ первый разъ предавались интересы «своего народа» во имя интересовъ международной реакціи!

III. ПОБѢДА ГЕРМАНІИ И ПОБѢДА СОЮЗНИКОВЪ.

Мы видѣли, какія перспективы сулитъ Европѣ окончательное торжество Германіи и Австріи. Мы знаемъ также, какія цѣли преслѣдуетъ нѣмецкій имперіалистическій блокъ по отношенію къ Россіи. Но какъ ни эксплуатировали нѣмцы русское населеніе и какъ ни велико было ихъ вліяніе въ торгово-промышленной жизни нашей страны, было бы неправильно сказать, что Россія экономически уже стала германской колоніей, хотя, безъ сомнѣнія, дѣло клонилось именно къ этому исходу. Гдѣ же грань отдѣляющая то положеніе, въ которомъ Россія находилась до сихъ поръ, отъ полной колоніальной зависимости? И можно ли, вообще, провести такую грань?

Мы думаемъ, что можно. Каковы бы ни были выгоды, предоставляемыя Германіи дѣйствовавшимъ до прошлаго августа торговымъ договоромъ, въ основу его были положены принципы

равенства договаривающихся сторонъ (вы повышаете ставки на экспортируемый нами хлѣбъ, мы ихъ повысимъ на получаемыя нами издѣлія и машины) и равноправія всѣхъ государствъ, съ которыми Россія находится въ конвенціи (всякое пониженіе ввозного тарифа для Германіи распространяется и на всѣ другія «благопріятствуемыя націи»).

Военная побѣда Германіи неизбѣжно повлекла бы за собою нарушеніе этихъ принциповъ, которые нѣкоторымъ образомъ сохраняли экономическую самостоятельность Россіи, и отдала бы ея хозяйственную жизнь «на потокъ и разграбленіе» побѣдителей.

Не въ томъ бѣда, что эти побѣдители поставятъ условіемъ пониженіе россійскихъ ввозныхъ пошлинъ*). Бѣда въ томъ, что понизятъ они эти пошлины *только* для средне-европейскаго союза, создавъ для себя монополію на русскій рынокъ. Важна тутъ не абсолютная, но относительная величина ставокъ.

При этомъ они обезпечатъ спеціальными условіями свои порты и желѣзныя дороги, чѣмъ совершенно убьютъ нашу балтійскую торговлю. Они задержатъ русскую торговлю на Востокѣ, а между тѣмъ почти исключительно туда идетъ экспортъ промышленныхъ издѣлій изъ Россіи.

Они остановятъ приливъ англійскаго и французскаго капитала, способствующаго росту нашего фабрично-заводскаго и горно-промышленнаго дѣла. Вслѣдствіе этого повысится процентъ на нѣмецко-австрійскія деньги. Недостатокъ и дороговизна капитала помѣшаютъ, понятно, и приложенію его къ земледѣлію.

Съ другой стороны, они поднимутъ свои ставки и введутъ новыя ограниченія по ввозу въ Центральную Европу русскихъ продуктовъ. Какъ и блокада (подобная континентальной системѣ 1870 года, но въ болѣе крупномъ размѣрѣ), которою они оградятъ отъ Англіи и Франціи остальную Европу, это неблагопріятно отразится на вывозѣ русскаго сырья и понизитъ прибыль съ него.

Уменьшеніе сбыта повлечетъ за собою уменьшеніе покупной способности массы, т. е. сжатіе внутренняго рынка, что, въ свою очередь, скверно отразится на русской промышленности. А это ослабитъ требованіе на рабочія руки и т. д.

Надо ли говорить объ отрицательномъ значеніи контрибуціи, платить которую придется вѣдь и безъ того полунищимъ массамъ?

---

*) Надо помнить, однако, что какъ бы мы не относились къ таможенной политикѣ самой Россіи, мы не можемъ не признать за этой страною, какъ и всякою другою, права на автономію въ данной области.

Однимъ словомъ, въ случаѣ пораженія **Россіи для нея** станетъ подлинной былью «экономическій регрессъ, ведущій къ полной невозможности политическаго развитія», эта, по глубокомысленному мнѣнію Л. Мартова, національ-либеральная сказка. 170 милліоновъ населенія могутъ такъ же регрессировать, какъ одинъ. Кто, забывая о Китаѣ, объ Индіи, видитъ въ громадности страны гарантію противъ указаннаго печальнаго исхода, просто не связываетъ со словами никакого опредѣленнаго смысла. Чтобы обезпечить выполненіе договоровъ, которые надолго затормозятъ развитіе производительныхъ силъ Россіи, капитализованному «прусскому помѣщику» достаточно будетъ раздробить ея военныя силы и, по мѣрѣ силъ — возможности, поддержать своего вѣрнаго «приказчика» (старинныя выраженія Мартова), россійское правительство.

Тѣ же самыя экономическія данныя позволяютъ судить и о результатахъ окончательной побѣды союзныхъ странъ. Эта побѣда не грозитъ опасностью дальнѣйшему производительному развитію Европы. Россія перестанетъ платить ежегодно дань нѣмцамъ. Сама она не сможетъ экономически давить на тѣ страны, въ которыя вывозитъ преимущественно сырье. А только она одна обладаетъ нужной для этого мощью. Англіи же*) помѣшаютъ сдѣлать это: недостатокъ военной силы и система свободы торговли, обусловленная глубокими экономическими причинами.

Пораженіе Германіи и Австріи устранитъ серьезныя препятствія къ промышленному развитію большинства европейскихъ народовъ. Азіи придется хуже. Но побѣда союзниковъ послужитъ все таки для капитализаціи этой части свѣта, хотя капитализація ея будетъ совершаться далеко не въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ.

Германія и каждая изъ ея противницъ находятся въ совершенно различныхъ экономическихъ и политическихъ фазахъ. У обѣихъ сторонъ совершенно различныя задачи. Естественно, что при побѣдѣ онѣ должны будутъ поставить другъ дружкѣ совершенно различныя требованія. Поэтому глубоко ошибаются тѣ, кто думаетъ, будто можно примѣнять одни и тѣ же аргументы въ обоихъ случаяхъ. Какою же высокой степенью ослѣпленія надо обладать, чтобы не усмотрѣть глубочайшей разницы между стремленіемъ «сбросить съ себя экономическое иго» и стремленіемъ наложить свое иго на другого!

Но ослѣпленные люди обычно пытаются придать себѣ безпристрастный и проницательный видъ. Одного изъ нихъ, упомянутаго В. Косовскаго, безпокоитъ вопросъ: не повредитъ ли рус-

*) На что вѣрно указалъ П. П. Масловъ.

скому вывозу нарушеніе традиціонныхъ договоровъ съ Германіей? Онъ полагаетъ, очевидно, что, если за отмѣной таможенныхъ ставокъ русскій хлѣбъ подешевѣетъ на нѣмецкомъ рынкѣ, тамошній потребитель откажется его покупать. Мысль, безспорно, весьма оригинальная.

Тотъ же авторъ увѣряетъ, что отъ «опасности быть раздавленной и разгромленной какъ капиталистическая держава» Россія застрахована цѣлымъ рядомъ самобытныхъ условій (громадностью — по Мартову), между прочимъ, «недостаточнымъ развитіемъ капитализма (какъ бы это ни звучало парадоксально)».

Это соображеніе по глубокомыслію не уступаетъ предыдущему, хотя оно и не можетъ претендовать на оригинальность. Подъ «разглагольствованіями» объ освобожденіи Россіи отъ нѣмецкаго рабства, подъ «благомъ родины», по словамъ Косовскаго, скрывается исключительно грубый карманный интересъ русской буржуазіи.

Посудите читатель, наше ли тутъ дѣло?

«Парадоксы» Косовскаго, кажется, единственные экономическіе доводы, выдвинутые противъ насъ, если не считать пиѳійскихъ изреченій Мартова. Не странно ли, что четверть вѣка спустя нѣкоторые марксисты повторяютъ въ спорѣ съ Плехановымъ и его сторонниками самые слабые доводы народниковъ? Не хватаетъ лишь знаменитыхъ кабаковъ.

Не наше дѣло, конечно, заниматься насажденіемъ капитализма. Однако, не только наше дѣло, а наша прямая обязанность противостать всему тому, что грозитъ помѣшать развитію производительныхъ силъ страны или его остановить. Не тамъ интересы пролетаріата расходятся съ интересами буржуазныхъ классовъ, гдѣ на карту поставлена экономическая самостоятельность государства. И очень плохи были бы тѣ соціалисты, которые въ слушный часъ, переживаемый теперь Россіей, оказались бы внѣ потребностей пробуждающейся націи, по ту сторону массъ, и предоставили бы самодержавію право и честь выдавать себя за выразителя и защитника общенародныхъ интересовъ.

П. Дневницкій.

Оборона или пораженіе?

I.

Буквоѣдъ, одинъ изъ догадливыхъ писателей «Нашего Слова», въ одной изъ своихъ статей замѣчаетъ, что Плехановъ (а значитъ, и его единомышленники) «патріотически» пріялъ войну. Это «ехидное» замѣчаніе объясняется тѣмъ, что Буквоѣдъ, какъ и вся газетка «Наше Слово», является принципіальнымъ противникомъ обороны и лозунгъ защиты независимости данной страны для него равносиленъ признанію войны, какъ средства разрѣшенія спорныхъ международныхъ вопросовъ.

Собственно говоря, не стоило бы и возражать серьезно противъ подобныхъ взглядовъ, еслибъ они не нашли себѣ многочисленныхъ сторонниковъ въ нашей «заграничной средѣ».

Мы, соціалисты, были и остаемся рѣшительными противниками войны какъ средства разрѣшенія международныхъ конфликтовъ, сводящихся къ конфликтамъ господствующихъ классовъ. Мы рѣшительно боролись противъ этой войны и если, по ея окончаніи, намъ будетъ грозить другая, мы съ тѣмъ большей энергіей будемъ бороться противъ нея, чѣмъ больше ужасовъ пережили въ настоящее время время. Но если пролетаріатъ не оказался достаточно сильнымъ, чтобъ помѣшать этой войнѣ, если господствующіе классы смогли навязать ее пролетаріату и всему міру, можетъ ли и вправѣ ли пролетаріатъ свою слабость, свою неорганизованность ставить себѣ въ заслугу и говорить, что ему безразлично, чѣмъ и какъ кончится эта война, ибо онъ былъ ея противникомъ? Можетъ ли и вправѣ ли пролетаріатъ и его сознательные представители на томъ основаніи, что они были противъ войны, сказать, что имъ безразлично: будетъ или не будетъ анексирована Бельгія, будетъ или не будетъ разгромлена Франція, будетъ или не будетъ заключенъ на могилѣ демократіи союзъ трехъ императоровъ? Утвердительный отвѣтъ на эти вопросы былъ бы не только квіетизмомъ—это еще полъ бѣды—но являлся бы просто отказомъ отъ революціонныхъ традицій Интернаціонала.

И Интернаціоналъ никогда не смѣшивалъ принципа обороны съ признаніемъ и одобреніемъ войны и, всегда рѣшительно

возставая противъ войны, никогда не отрицалъ за пролетаріатомъ права на «защиту отечества». Достаточно вспомнить позицію Энгельса въ войнѣ 1859 года, позицію Маркса и Международнаго Товарищества Рабочихъ въ войнѣ 1870 г., многочисленныя заявленія Либкнехта и Бебеля, и, чтобы не перечислять больше, напомнимъ у всѣхъ насъ передъ глазами прошедшую кампанію французскихъ соціалистовъ съ Жоресомъ во главѣ противъ трехлѣтней службы. Національная оборона была однимъ изъ главнѣйшихъ ихъ аргументовъ противъ ея введенія. А между тѣмъ вѣдь всѣмъ было ясно, что если будетъ война, то она будетъ войной Россіи и Франціи противъ Германіи и Австріи; всѣмъ было ясно, что если будетъ война, то будетъ война имперіалистическая и, несмотря на это, никто не говорилъ тогда Жоресу, что онъ измѣняетъ соціализму, выставляя лозунгъ обороны; никто не говорилъ, что этому лозунгу въ имперіалистической войнѣ нѣтъ мѣста, никто не говорилъ, что въ этой войнѣ нельзя будетъ разобрать, кто напалъ и кто обороняется. Наоборотъ, кампанію Жореса противъ трехлѣтней службы считали одной изъ лучшихъ его кампаній.

И не можетъ быть никакого сомнѣнія, что еслибъ Интернаціоналъ смотрѣлъ на защиту отечества «голосовскими» глазами т. е. какъ на «шовинизмъ», на «патріотизмъ», на «измѣну» и пр. и т. п. онъ не обошелъ бы молчаніемъ такого важнаго вопроса и далъ бы на этотъ счетъ соотвѣтствующія и точныя указанія.

Мы приведемъ еще два примѣра, на этотъ разъ изъ переживаемаго нами времени. Въ заявленіи м-ва германской соц.-дем. фракціи, того самаго, что скрѣпя сердце проголосовало кредиты 4-го августа и въ составѣ котораго находился Либкнехтъ, прямо говорится, что «во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній м-во раньше всего заявляетъ, что ни на одну минуту оно не ставитъ подъ сомнѣніе мысль о правѣ и долгѣ націй на самозащиту и національное самосохраненіе». И, наконецъ, недавно состоявшійся въ Софіи общебалканскій соціалистическій митингъ настоятельно «требуетъ отъ балканскихъ правительствъ и балканскихъ парламентовъ притти немедленно къ соглашенію для организаціи общей обороны противъ грозящей балканскимъ народамъ опасности иностраннаго нашествія»... *).

Мы не будемъ разбирать резолюціи этого митинга, выразимъ лишь сожалѣніе, что балканскіе соціалисты не обнаружили въ дѣлѣ защиты Бельгіи той рѣшительности, которую они проявили, отстаивая собственную независимость. Не въ первый разъ во

*) Слѣдитирую по «Нашему Слову», № 51.

время этой войны приходится находить узкій и ограниченный національнымъ за революціонными фразами*).

Какъ бы то ни было, а оказывается, что «патріотически» принимаютъ войну, не только Плехановъ и его единомышленники, но и вся исторія Интернаціонала. Всѣ аргументы противъ лозунга обороны вродѣ тѣхъ, что эта война готовилась уже давно, что обѣ стороны подготовляли ее съ одинаковымъ усердіемъ, что трудно разобрать, кто на кого напалъ и пр. и т. п. являются пустыми и жалкими отговорками. Пусть укажутъ намъ хоть на одну войну за послѣдніе 60 лѣтъ (мы не говоримъ о войнахъ колоніальныхъ), которая не была бы подготовлена обѣими сторонами и которая не велась бы въ интересахъ правительствъ и господствующихъ классовъ. Однако, это не давало повода Интернаціоналу отказываться отъ лозунга обороны. Укажемъ на войну 1870 года.

Война эта въ теченіе болѣе десяти лѣтъ подготовлялась съ одинаковымъ усердіемъ французскимъ и нѣмецкимъ правительствами. По свидѣтельству Бебеля, въ его воспоминаніяхъ, въ 1866 году не было въ Германіи ни одного серьезнаго политика, который не предвидѣлъ бы ея, а въ 1868 году вопросъ стоялъ такъ остро, что обсуждался на конгрессѣ Международнаго Товарищества Рабочихъ въ Брюсселѣ, который рѣшилъ противиться войнѣ всѣми силами вплоть до забастовки. Но когда война разразилась, рабочій классъ Германіи и Франціи не отмахнулся отъ нея на томъ основаніи, что онъ ее предвидѣлъ, что она подготовлялась обоими правительствами, въ ихъ собствен-

*) Статья была набрана, когда вышелъ № 112 «Н. Сл. со статьей сербскаго товарища Лапчевича. Лапчевичъ былъ на упомянутомъ въ текстѣ софійскомъ митингѣ и голосовалъ за принятую тамъ резолюцію (судимъ объ этомъ потому, что резолюція была принята единодушно). Спрашивается, какимъ же образомъ тотъ самый товарищъ Лапчевичъ, который въ Софіи призывалъ балканскіе правительства къ организаціи обороны, въ ст. въ «Н. Сл.» валитъ въ одну кучу французскихъ и нѣмецкихъ соціалистовъ, очевидно отрицая за французскими соціалистами то право на защиту отечества, которое онъ признаетъ за соціалистами балканскими? Вся эта путаница, какъ и всѣ экивоки и двусмысленности софійской резолюціи объясняются тѣмъ, что наши «интернаціоналисты» (въ кавычкахъ) разсматриваютъ происходящія сейчасъ событія не съ интернаціональной точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія своихъ «приходовъ» и въ грандіозныхъ міровыхъ событіяхъ происходящихъ сейчасъ видятъ лишь то, что позволяетъ имъ видѣть узкій горизонтъ съ той колокольни, на которой они въ данный моментъ обрѣтаются. Въ Бѣлградѣ они разсматриваютъ событія съ сербской точки зрѣнія и не признаютъ лозунга обороны, въ Софіи они разсматриваютъ ихъ съ балканской точки зрѣнія и призываютъ балканскія правительства, (а значитъ и сербское) къ защитѣ балканскихъ отечествъ, а съ убогой колокольни «Н. Сл.» не видятъ ни Сербіи, ни Балканъ, ни Бельгіи и не признаютъ ничего кромѣ пораженія.

ныхъ интересахъ и другими подобными «голосовскими» аргументами. Вспомнимъ позицію Маркса. Ошибка его была не въ томъ, что онъ выставилъ лозунгъ обороны, а въ томъ, что онъ счелъ нападающей стороной Францію, тогда какъ Франція была страной аттакованной. Но и эта ошибка сама по себѣ чрезвычайно характерна. Однимъ изъ доводовъ противъ лозунга обороны въ настоящей войнѣ, является соображеніе, будто теперь очень трудно разобрать кого слѣдуетъ считать виновникомъ войны. Какъ видимъ и въ 1870 году это было нелегко сдѣлать, если ошибся такой великій политикъ какимъ былъ Марксъ; однако никто изъ соціаль-демократовъ не упрекалъ его до сихъ поръ въ «патріотизмѣ».

«Соц.-Дем.» считаетъ софизмами ссылки на Маркса, взгляды котораго относились къ войнамъ «давноминувшей исторической эпохи». Основная черта этихъ войнъ, по мнѣнію газеты, была слѣдующая: *) «1). прежнія войны рѣшали вопросы буржуазно-демократическихъ преобразованій и сверженія абсолютизма или чуженаціональнаго гнета; 2) тогда не назрѣли еще объективныя условія соціалистической революціи и ни одинъ соціалистъ не могъ говорить, *до войны*, объ использованіи ея «для ускоренія краха капитализма», какъ говоритъ Штуттгартская (1907 г.) и Базельская (1912) резолюціи; 3) тогда не было сколько нибудь сильныхъ, массовыхъ, испытанныхъ въ рядѣ битвъ, соціалистическихъ партій въ государствахъ *обѣихъ* воюющихъ сторонъ».

Это не убѣдительно. Говоря о томъ, что во времена Маркса не было сильныхъ и т. д. соціалистическихъ партій, «Соц.-Дем.» не рѣшаетъ, а обходитъ вопросъ, стоящій *сейчасъ* передъ нами. Настоящая война именно и показала слабость (отсутствіе сильныхъ) соціалистическихъ партій обѣихъ воюющихъ сторонъ. Если-бъ онѣ были такъ сильны, какъ того хочется «Соц.-Дем.» не такъ легко удалось бы навязать эту войну пролетаріату. Вотъ почему ничего не говоритъ и ссылка на объективныя условія соціалистической революціи. Недостаточно однихъ этихъ условій, необходимо считаться и съ условіями субъективными (степенью сознательности пролетаріата, его готовностью къ борьбѣ и т. д.), а въ этомъ отношеніи и сейчасъ положеніе оказалось очень печальнымъ.

Что же касается пункта перваго, ужъ не думаетъ ли «Соц.-Дем.» что Бисмаркъ спровоцировалъ войну 1870 года въ цѣляхъ возстановленія республики во Франціи и Германіи? Если Марксъ и нѣмецкіе соціалисты «пріяли» войну 1870 года, то потому, что не хотѣли пораженія своему отечеству, а вовсе не потому

*) «Соц.-Дем.» № 41.

что желали поддержать Бисмарка въ вопросѣ буржуазно-демократическихъ преобразованій. Въ этомъ вопросѣ не было у Бисмарка болѣе рѣшительныхъ враговъ чѣмъ соціалисты, которые всегда возставали противъ политики «крови и желѣза» и стоящія передъ Германіей буржуазно-демократическія задачи пытались рѣшить не этимъ путемъ, а коренными внутренними преобразованіями.

Ссылаясь на Маркса мы вовсе не думаемъ слѣпо подражать ему, какъ никто изъ насъ не думалъ этого дѣлать въ 1905-7 годахъ, когда мы ссылались на его дѣятельность 1847—48 года (эпоха еще болѣе ранняя чѣмъ семидесятые годы!). Мы хотимъ лишь напомнить какимъ путемъ, помощью какого метода приходилъ онъ къ своимъ рѣшеніямъ и намѣчалъ направленіе дѣятельности сознательнаго пролетаріата.

Характерно, что тотъ самый Генеральный Совѣтъ Интернаціонала, который вмѣстѣ съ Марксомъ «пріялъ» войну 1870 г., австро-прусскую войну 1866 года опредѣлялъ какъ «распрю двухъ деспотовъ» и совѣтовалъ рабочимъ не склоняться въ своихъ симпатіяхъ ни въ ту ни въ другую сторону.

Такимъ образомъ Интернаціоналъ и его вожди съ Марксомъ во главѣ, клеймя войны, борясь противъ нихъ, не подходили къ поставленнымъ ими вопросамъ, исходя изъ разъ на всегда готовыхъ и предвзятыхъ формулъ, а опредѣляли въ каждомъ случаѣ тактику пролетаріата въ зависимости отъ данныхъ, конкретныхъ обстоятельствъ.

Вотъ этому методу и слѣдуемъ мы въ опредѣленіи нашей тактики и въ настоящее время.

Мы очень хорошо знаемъ, что настоящая война носитъ имперіалистическій характеръ. Но это отнюдь не избавляетъ насъ отъ изслѣдованія условій, при какихъ она возникла и происходитъ. Развѣ Интернаціоналъ не добивался организаціи интернаціональныхъ третейскихъ судовъ для разбора и рѣшенія международныхъ конфликтовъ? И когда демократія и правительство данной страны сдѣлали все возможное для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ мирнымъ путемъ, если противникъ пытается разрѣшить конфликтъ силою оружія, можно ли, разъ на всегда, отказать ея народу въ правѣ на самооборону лишь на томъ основаніи, что эти вопросы порождены интересами господствующихъ классовъ?*)

*) Въ резолюціи лондонскаго интернаціональнаго конгресса 1896 г. говорится, что рабочій классъ «требуетъ... 2) учрежденія интернаціональнаго третейскаго трибунала, рѣшенія котораго суверенны; 3) предоставленія окончательнаго рѣшенія вопроса о войнѣ или мирѣ непосредственно *народу* въ случаѣ если бы правительства не согласились на *третейскій приговоръ*».

А разбирая непосредственныя причины войны приходится констатировать, что война спровоцирована австрійскимъ и германскимъ правительствами, что французское правительство подъ давленіемъ демократіи и представителей пролетаріата пыталось избѣгнуть кровавой развязки и найти исходъ путемъ мирныхъ переговоровъ, что Сербія подъ давленіемъ Франціи и Россіи уступила всѣмъ требованіямъ Австріи, кромѣ требованія — отказаться отъ національной независимости. И если насъ, считающихъ Германію страной нападающей упрекаютъ въ томъ будто этимъ мы оправдываемъ правительства и господствующіе классы Франціи и Россіи, мы могли бы тѣмъ же самымъ отвѣтить нашимъ противникамъ, т. е. что указывая *исключительно* на общія причины войны, они этимъ самымъ оправдываютъ непосредственныхъ ея виновниковъ — правительство и господствующіе классы Германіи.

Попытки нашихъ пораженцевъ не признавать различія между обороной и нападеніемъ и въ лозунгѣ защиты отечества видѣть поддержку разгрома чужихъ отечествъ, какъ это сдѣлано въ одной резолюціи, помѣщенной въ № 85 «Нашего Слова», приводитъ къ тому циничному выводу, что бельгійцы, борясь за возвращеніе Брюсселя и Льежа, не обороняются, а «громятъ» Германію. Ужъ не принадлежитъ ли и Лилль по мнѣнію этихъ циниковъ къ ней же? Поистинѣ, вотъ интернаціонализмъ, въ которомъ нѣтъ лукавства! Такой наивный интернаціонализмъ имѣлъ бы хоть какую нибудь революціонную видимость, еслибъ его сторонники разсматривали текущія событія какъ прологъ соціальной революціи и опредѣляли бы свою тактику съ точки зрѣнія ея *организаціи и подготовки*. Но они даже вопросъ объ *использованіи* вызваннаго войной кризиса поставили на задворки своей резолюціи.

Неужели они не замѣчаютъ, что при такой позиціи ихъ интернаціонализмъ приводитъ лишь къ санкціонированію всѣхъ нѣмецкихъ завоеваній и играетъ на руку нѣмецкимъ юнкерамъ и капиталистамъ? Политика классовая, словъ нѣтъ, но пролетарская-ли?

Сейчасъ уже 10-ый мѣсяцъ войны. Конечно, за это время многое перемѣнилось, и есть товарищи, раздѣляющіе нашу точку зрѣнія и въ то же время наивно думающіе, что теперь вопросъ объ оборонѣ стоитъ не передъ Франціей и Россіей, а передъ Германіей. Чтобы выяснить разногласія надо, поэтому, разсмотрѣть вопросъ въ «чистомъ» видѣ. И ставя его такимъ образомъ, мы спрашиваемъ нашихъ противниковъ: признаютъ ли они право на самооборону за бельгійскимъ народомъ и бельгійскимъ пролетаріа-

томъ? Мы требуемъ яснаго и опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ: да ли нѣтъ? Ибо ясно, что для бельгійскаго пролетаріата есть сейчасъ только два пути: *или* признать аннексію совершившимся фактомъ и вмѣстѣ съ нѣмецкимъ пролетаріатомъ вести борьбу противъ нѣмецкаго имперіализма *или* бороться за свою національную независимость. Мы спрашиваемъ нашихъ противниковъ: признавали ли они или нѣтъ лозунгъ обороны за французскимъ пролетаріатомъ тогда, когда нѣмецкая армія, завоевавъ Бельгію, заняла сѣверо-востокъ Франціи, находилась передъ Парижемъ и угрожала независимому существованію французскаго народа?

Въ теченіи многихъ мѣсяцевъ мы ждали отвѣтовъ на эти вопросы, но не дождались ничего кромѣ истерическаго крика о мирѣ.

Конечно, если о мирѣ и дальше будутъ кричать съ такимъ же постоянствомъ, то въ концѣ концѣ концовъ выкрикнутъ его какъ разъ кстати. Но спрашивается, *сейчасъ*, что означаетъ лозунгъ мира для Бельгіи, какъ не признаніе потери ея независимости? Что иное означаетъ *сейчасъ* лозунгъ мира для Франціи, какъ не потерю самыхъ промышленныхъ ея департаментовъ? Что иное означалъ бы лозунгъ мира передъ битвой на Марнѣ какъ не признаніе полнаго пораженія и сдачу на милость побѣдителей?

Но, м. б., рѣчь идетъ не о мирѣ во что бы то ни стало, а о мирѣ безъ аннексій и завоеваній, какъ ставятъ этотъ вопросъ Либкнехтъ съ товарищами? Но вѣдь лозунгъ мира безъ аннексій не только не отрицаетъ лозунга самообороны, но имѣетъ какой либо смыслъ только при его признаніи. Совѣтовать выставить сейчасъ лозунгъ мира безъ аннексій бельгійскому пролетаріату и въ то же время отказать ему въ правѣ обороны, значитъ просто смѣяться надъ бельгійскими рабочими. Совѣтовать выставить этотъ же лозунгъ французскому рабочему и въ то же время отказать ему въ возможности вернуть потерянные департаменты, это значитъ просто прикрывать громкими фразами политику захватовъ. И это называется интернаціонализмомъ!

Мы согласимся съ такой постановкой вопроса лишь въ томъ случаѣ, если намъ укажутъ силы, которыя помимо лозунга обороны смогли бы осуществить миръ безъ завоеваній. Но мы не думаемъ, чтобъ нашелся хоть одинъ соціалистъ, который бы рѣшился отрицать, что передъ битвой на Марнѣ не было другой силы кромѣ самообороны для спасенія Франціи отъ разгрома, равно какъ нѣтъ сейчасъ иной силы для отстаиванія независимости Бельгіи и для возврата захваченныхъ областей Франціи. А при

такихъ обстоятельствахъ отказъ отъ обороны съ неизбѣжностью приводитъ къ самому безспорному «пораженчеству».

Выставивъ вслѣдъ за Либкнехтомъ лозунгъ мира, наши противники не замѣчаютъ того, что этотъ лозунгъ носитъ глубоко революціонный характеръ для Германіи, спровоцировавшей войну и ведущей ее на чужихъ территоріяхъ, но что этотъ лозунгъ безъ обороны означаетъ насмѣшку надъ рабочими тѣхъ странъ, существованію которыхъ грозитъ опасность отъ иностраннаго нашествія.

Неужели наши горе-интернаціоналисты серьезно думаютъ, что еслибъ французскіе рабочіе передъ битвой на Марнѣ отказались отъ обороны и позволили разгромить Францію, заключенный на почвѣ такого разгрома миръ былъ бы торжествомъ интернаціонализма? Нѣтъ! Пусть оставятъ Интернаціоналъ въ покоѣ и не ссылаются на его резолюціи и не порочатъ его славнаго имени. Правда, Интернаціоналъ ставитъ намъ, соціалистамъ, въ обязанность добиваться прекращенія войны *). Но онъ никогда не говорилъ о мирѣ, добытомъ цѣной анексій и захватовъ, а именно къ этому приводитъ лозунгъ мира въ связи съ отказомъ отъ обороны.

И тѣ самые революціонные (?) соціаль-демократы, которые еще не такъ давно провозглашали право на самооборону за Персіей, Китаемъ и даже за дикими племенами Африки, въ

*) См. Штутгартскую резолюцію. «С.-Д.» очень часто ссылается на эту резолюцію, но столь же часто неправильно ее истолковываетъ. Въ № 41 редакція пишетъ: «Первый разъ въ міровой исторіи соціалисты всѣхъ воюющихъ странъ задолго до войны, собираются вмѣстѣ и заявляютъ: мы используемъ войну «для ускоренія краха капитализма».(1907 г., резол. въ Штутгартѣ)». Ничего подобнаго соціалисты въ Штутгартѣ не заявляли. Штутгартская резолюція, подтвержденная копенгагенскимъ конгрессомъ 1910 г., гласитъ слѣдующее (цитирую по No 17 «С.-Д.»): «Въ случаѣ, если война все же разразится, они (т. е. рабочіе классы) должны активно выступить за скорѣйшее окончаніе ея и стремиться всѣми средствами къ тому, чтобы использовать вызванный войной экономическій и политическій кризисъ для того, чтобы поднять народныя массы и ускорить паденіе капиталистическаго классового господства.»

Итакъ, въ резолюціи говорится не объ использованіи войны, а объ использованіи вызваннаго ею экономическаго и политическаго кризиса — что не одно и тоже.

Кстати, въ той же штутгартской резолюціи говорится, что «въ демократической организаціи системы милиціи, предназначенной замѣнить постоянныя арміи, конгрессъ видитъ дѣйствительную гарантію, дѣлающую невозможными *наступательныя* (курсивъ нашъ) войны (les guerres agressives, Angriffskriege) и облегчающую исчезновеніе національныхъ антагонизмовъ». Какъ видно, штутгартскій конгрессъ совершенно ясно признавалъ наступательныя, а значитъ, и оборонительныя войны, различеніе которыхъ для нашихъ теперешнихъ интернаціоналистовъ равносильно чуть ли не измѣнѣ Интернаціоналу. Кто же, на самомъ дѣлѣ, измѣняетъ ему?

настоящее время отказываютъ въ немъ пролетаріату Бельгіи и Франціи. Ихъ позиція теоретически является наслѣдіемъ оппортюнизма, всегда весьма снисходительно относившагося къ агрессивной имперіалистической политикѣ и даже находившемъ для нея положительное мѣсто въ своихъ взглядахъ.

II.

Наши горе-интернаціоналисты утверждаютъ, будто лозунгъ обороны ослабляетъ классовую борьбу пролетаріата и дѣлаетъ изъ него орудіе для завоевательныхъ цѣлей господствующихъ классовъ. Послѣднимъ соображеніемъ они побиваютъ себя сами, ибо чѣмъ сознательнѣе пролетаріатъ защищаетъ свою страну, тѣмъ рѣшительнѣе будетъ онъ выступать противъ захватовъ и грабежей чужихъ странъ. Какая широкая арена открывается въ Россіи сторонникамъ обороны для рѣшительной борьбы противъ расходившихся аппетитовъ нашей кадетской и октябристской буржуазіи! Какой горючій матеріалъ скрывается подъ лозунгомъ обороны во Франціи, лучше всего показываетъ тотъ вой, которымъ встрѣтила націоналистическая французская пресса резолюціи Лондонской конференціи.

Конечно, случается, что, и буржуазія бываетъ искренно заинтересована въ отстаиваніи независимости своей страны. Но изъ за этого совѣтовать пролетаріату отказаться отъ лозунга обороны — значитъ пролетарскую классовую борьбу подчинять и ставить въ зависимость отъ политики буржуазіи. Такая *анти*буржуазная политика имѣетъ много общаго съ анархизмомъ, но абсолютно ничего — съ международнымъ соціализмомъ.

Тотъ фактъ, что пролетаріатъ и буржуазія въ данный моментъ имѣютъ однѣ и тѣ же ближайшія практическія задачи, не только не долженъ мѣшать пролетаріату ясно сознавать глубочайшее различіе въ исходныхъ точкахъ зрѣнія и въ поставленныхъ цѣляхъ, но даже обязываетъ къ такому ясному различенію. Признавая за нѣмецкими рабочими право на самооборону въ 1870 г., Марксъ не только не оправдывалъ правительства Бисмарка, но бичевалъ его самымъ безжалостнымъ образомъ за его дипломатическія интриги, приведшія къ кровавой развязкѣ.

Ставя передъ французскими и русскими рабочими лозунгъ обороны, мы нисколько не хотимъ закрывать глаза на ту роль, которую играли правительства и господствующіе классы этихъ странъ въ періодъ, предшествовавшій войнѣ, и мы считаемъ очень большой ошибкой со стороны французскихъ соціалистовъ, что они сдѣлали чрезвычайно много уступокъ своей буржуазіи и ея агентамъ. Ясное сознаніе того факта, что господ-

ствующіе классы данной страны несутъ свою долю отвѣтственности за войну, можетъ помѣшать пролетаріату въ дѣлѣ обороны лишь тогда, когда онъ отождествляетъ свою страну съ ея буржуазіей.

Предоставимъ это отождествленіе нашимъ горе-интернаціоналистамъ, которые отказываютъ французскому и русскому рабочему въ защитѣ ихъ отечествъ на томъ основаніи, что французская и русская буржуазія и ихъ правительства грабили Марокко и Персію!

Какъ это ни странно, но отождествленіе русскаго народа съ правительствомъ, то отождествленіе противъ котораго всегда боролись всѣ русскія революціонныя партіи является въ настоящее время однимъ изъ главнѣйшихъ аргументовъ нашихъ пораженцевъ, разсматривающихъ защиту Россіи какъ защиту самодержавія. Аргументъ этотъ имѣетъ у нихъ теперь прочность предразсудка, и мы хотимъ остановиться на немъ въ связи съ опредѣленіемъ тактики, которою должна руководиться въ этотъ тяжелый моментъ наша партія въ своей работѣ въ Россіи.

Въ 1880 году, во время дебатовъ по военной смѣтѣ въ германскомъ рейхстагѣ, Бебель заявилъ: «Еслибъ дѣло пошло о томъ, что какая либо держава захотѣла захватить нашу землю, соціаль-демократія оказала бы ей сопротивленіе не хуже всякой другой партіи». И поясняя свою мысль, онъ говорилъ, что соціаль-демократія сможетъ освободиться отъ нѣмецкаго правительства и всѣхъ своихъ враговъ не съ помощью иноземнаго завоевателя, а лишь собственными силами, благодаря дальнѣйшему развитію системы, которая возстановляетъ противъ себя массы, и что, защищая нашу землю и себя отъ раздробленія и подавленія, мы (т. е. нѣмецкіе соціаль-демократы) не предлагаемъ этимъ своихъ услугъ нашимъ судьямъ и полицейскимъ, а стараемся лишь о томъ, «чтобы имѣть свободныя руки, дабы въ чистую раздѣлаться съ нашими врагами у себя дома» *).

Это очень слѣдовало бы вспомнить намъ, россійскимъ соціаль-демократамъ, теперь, когда лозунгъ обороны стоитъ передъ сознательнымъ пролетаріатомъ Россіи.

Въ борьбѣ съ россійской буржуазіей и съ самодержавіемъ нашъ пролетаріатъ не только вправѣ, но даже обязанъ обращаться за помощью къ пролетаріату нѣмецкому и другихъ странъ. Въ этомъ, фактически, на дѣлѣ, выражается международная солидарность и международный характеръ рабочаго движенія. Но когда на Россію нѣмецкій рабочій и крестьянинъ нападаютъ подъ предводительствомъ прусскихъ юнкеровъ и буржуазіи, тогда рос-

* Aus meinem Leben Dritter Teil, s. 141.

сійскій пролетаріатъ имѣетъ право сказать имъ, что со своей буржуазіей и съ самодержавіемъ онъ и самъ сумѣетъ въ концѣ концовъ справиться, онъ готовъ для этой борьбы вступить въ союзъ съ нѣмецкимъ революціоннымъ пролетаріатомъ, но отнюдь не съ прусскою арміей и буржуазіей, которымъ онъ считаетъ необходимымъ дать отпоръ для того, чтобы «имѣть свободныя руки, дабы въ чистую раздѣлаться со своими врагами у себя дома». Давая такой отвѣтъ, россійскій пролетаріатъ отнюдь не становится на узкую національную точку зрѣнія. Еслибъ нѣмецкая армія выступала сейчасъ въ качествѣ прогрессивной революціонной силы, отъ которой демократія и пролетаріатъ Россіи и всѣхъ воюющихъ странъ могли бы ждать освобожденія, они были бы обязаны привѣтствовать и помогать этому «врагу» своего отечества, какъ привѣтствовали въ свое время нѣмецкіе демократы успѣхи французскихъ революціонныхъ армій въ борьбѣ съ нѣмецкими князьями и отечествами. Но сейчасъ не только не приходится ожидать этого, но наоборотъ, слѣдуетъ ожидать, что побѣда нѣмецкаго оружія принесетъ нашей странѣ лишь разгромъ и новыя цѣпи.

А при такихъ обстоятельствахъ, какъ показываетъ война 1870 года, *лозунгъ обороны можетъ стать классовымъ лозунгомъ пролетаріата.*

Главнѣйшей политической задачей россійскаго пролетаріата является сверженіе самодержавія и завоеваніе демократической республики. И нѣтъ ничего ошибочнѣе и вреднѣе въ настоящее время для насъ, россійскихъ соціалистовъ, какъ спекулировать на слабость разбитаго въ войнѣ правительства.

Пораженіе русской арміи явится несомнѣннымъ пораженіемъ страны и ея живыхъ силъ; но оно не только не явится пораженіемъ правительства, но приведетъ къ его укрѣпленію, ибо въ этомъ будетъ чрезвычайно заинтересованъ побѣдоносный нѣмецкій кайзеръ. А что въ этой поддержкѣ кайзера со своей стороны заинтересовано наше правительство, — это всѣмъ извѣстно и стало ясно даже слѣпымъ послѣ дѣла Мясоѣдова и заявленія депутата Керенскаго.

Пораженіе поставитъ, слѣдовательно, россійскую революцію въ такія неблагопріятныя условія, что надо будетъ надолго отказаться отъ надежды на какой либо ея успѣхъ, не говоря уже объ ея окончательной побѣдѣ.

Вотъ почему величайшую политическую близорукость обнаруживаютъ тѣ, кто разсматриваетъ защиту своей страны не иначе какъ въ видѣ услуги ея правительству и не видятъ, что защищая свою страну нашъ пролетаріатъ тѣмъ самымъ отстаиваетъ наиболѣе выгодную позицію для дальнѣйшей борьбы за свои идеалы.

Это не значитъ, конечно, что до окончанія войны намъ слѣ-

дуетъ прекратить борьбу съ правительствомъ, какъ демогагически искажаютъ наши взгляды наши противники. Лозунгъ обороны означаетъ не прекращеніе этой борьбы, а лишь ясное сознаніе тѣхъ условій, въ которыхъ она происходитъ въ настоящее время и которыя обязываютъ насъ вести ее такъ, чтобы не дать возможности использовать ее въ своихъ видахъ «третьему лицу» интересамъ котораго не менѣе чѣмъ интересамъ самодержавія противорѣчатъ успѣхи освободительнаго движенія въ Россіи, но которое, при удачномъ для него исходѣ войны, сможетъ располагать для подавленія этого движенія несравненно большими силами и средствами.

И не рѣшаютъ, а отмахиваются отъ вышепоставленныхъ вопросовъ тѣ, кто съ глубокомысленнымъ видомъ совѣтуютъ продолжать съ правительствомъ борьбу *по прежнему* (т. е. какъ вели ее до войны). Война перевернула страну сверху до низу, мобилизовала цвѣтъ націи, поставила передъ народомъ новые вопросы и задачи и отмахнуться отъ нея при разрѣшеніи тактическихъ вопросовъ — значитъ уподобиться человѣку, думающему что весь міръ исчезаетъ, когда ему вздумается закрыть глаза. Вопросъ именно и сбстоитъ въ томъ, какъ измѣнить сейчасъ нашу тактику въ зависимости отъ новыхъ обстоятельствъ, какъ связать съ войной нашу борьбу за сверженіе реакціоннаго правительства, какъ лучше использовать войну для организаціи пролетаріата и демократіи страны.

Намъ говорятъ о гражданской войнѣ; но если подъ ней подразумѣвается послѣдній этапъ борьбы за демократическій строй, то опять спрашивается: *какъ привести въ настоящее время народъ къ мысли о необходимости этой гражданской войны.* А при настоящихъ условіяхъ привести его къ этой мысли можно лишь путемъ широкой, всесторонней, обличительной кампаніи противъ неспособности (субъективной и объективной) нашего режима *защитить* страну отъ разгрома, противъ Мясоѣдовыхъ и ихъ покровителей, — путемъ агитаціи за необходимость народу *взять свои судьбы въ собственныя руки*, т. е. исходя изъ точки зрѣнія обороны.

Среди пораженцевъ часто приходится встрѣчать людей, которые, не находя иного имени кромѣ «жупела» для возможныхъ послѣдствій пораженія Россіи (контрибуція, торговый договоръ, захватъ территоріи и т. д.), кричатъ о томъ, что прежде всего надо раздѣлаться съ нѣмцемъ внутреннимъ, а 170 милліонной демократіи не страшны нѣмцы внѣшніе.

Какъ это понять? Словъ нѣтъ и не можетъ быть спору, что 170 милліонная демократія лучше сможетъ *защитить и отстоять* страну отъ нападенія, чѣмъ тотъ режимъ, который ее

теперь опекаетъ. Но вѣдь для этого демократія должна ясно сознавать ту опасность, которая угрожаетъ ей отъ побѣды нѣмца внѣшняго, а эту именно опасность и представляютъ ей не иначе какъ въ видѣ жупеловъ. Неужели за жупелы будетъ она бороться?

Здѣсь что-то такое несуразное и противорѣчащее здравому разсудку, что названную позицію приходится понять, очевидно, въ томъ смыслѣ, что *въ настоящее время* для 170 милліонной демократіи нѣмецъ внѣшній менѣе опасенъ чѣмъ нѣмецъ внутренній. А это ужъ отзываетъ самымъ настоящимъ пораженчествомъ, отъ котораго такъ неудачно отрекаются наши трусливые противники.

Выражаясь конкретно: какое-либо непоправимое пораженіе русской арміи дало бы этимъ людямъ поводъ только къ безплодному хихиканію, ибо къ чему же другому приводитъ ихъ теоретическая позиція, сводящаяся къ анархическому правилу: чѣмъ хуже тѣмъ лучше и все худое считающее «жупеломъ»? Мы же, послѣдовательно проводя нашъ взглядъ, должны будемъ тогда использовать это печальное положеніе для борьбы со старымъ порядкомъ до конца и тѣмъ успѣшнѣе сможемъ провести эту борьбу, чѣмъ яснѣе народъ сознаетъ всѣ гибельныя послѣдствія пораженія, чѣмъ онъ *сознательнѣе обороняется*.

Что оборона приводитъ къ гражданской войнѣ этому учитъ насъ война 1870 года и Парижская Коммуна.

Все это, конечно, не понятно для тѣхъ, кто классовую борьбу пролетаріата понимаетъ исключительно въ видѣ прибавки пятачка на рубль. Такихъ глубокомысленныхъ счетоводовъ можно встрѣтить на страницахъ «Нашего Слова».

Но какъ далека отъ этой торгашеской политики традиція революціоннаго Интернаціонала! Какъ далекъ былъ отъ нея Энгельсъ, когда заявлялъ, что надо защищаться, когда на насъ нападаютъ; — Марксъ и Генеральный Совѣтъ Международнаго Товарищества Рабочихъ, когда призывали въ 1870 г. французскихъ рабочихъ «исполнить свой гражданскій долгъ» т. е. защищать республику; — Мерингъ, когда заявлялъ, что государство должно существовать прежде, чѣмъ выбирать себѣ форму своего существованія.

Въ сравненіи съ этими глубокими взглядами, сколько оппортюнизма и пошлаго экономизма скрывается за фразеологіей нашихъ горе-интернаціоналистовъ — сторонниковъ пораженія!

Маркъ З—ръ.

Марксъ и Энгельсъ

въ ихъ отношеніи къ войнѣ 70-го года.

I.

Результаты франко-прусской войны, до извѣстной степени, совпали съ тѣмъ, что ожидали отъ нея Марксъ и Энгельсъ; она содѣйствовала объединенію Германіи и торжеству республики во Франціи. Но, безъ всякаго сомнѣнія, взглядъ Маркса и Энгельса слагался подъ вліяніемъ того, что они считали Луи Наполеона нападающей стороной.

Въ своихъ статьяхъ Ю. Гарденинъ имѣетъ намѣреніе доказать, что отношеніе Маркса и Энгельса къ франко-прусской войнѣ было вызвано исключительно національнымъ инстинктомъ. Съ этой цѣлью онъ приводитъ много выдержекъ изъ ихъ переписки. Однако, выдержки эти весьма нерѣдко идутъ вразрѣзъ съ тѣмъ, что онъ пытается доказать. Вотъ одинъ примѣръ.

«Мнѣ представляется, — писалъ Энгельсъ 15 августа 1870 г., — что дѣло обстоитъ такъ. Германія вовлечена господиномъ Баденге (Наполеономъ) въ борьбу за свое національное существованіе. Если она будетъ имъ побѣждена, то бонапартизмъ на многіе годы укрѣпится, а Германіи на многіе годы, можетъ быть, даже на многія поколѣнія, капутъ. О самостоятельномъ нѣмецкомъ рабочемъ движеніи тогда дальше не можетъ быть рѣчи; борьба за возстановленіе національнаго существованія поглотитъ тогда все, и въ лучшемъ случаѣ нѣмецкіе рабочіе пойдутъ въ хвостѣ французскихъ. Если же побѣдитъ Германія, то французскому бонапартизму, во всякомъ случаѣ, капутъ; вѣчный крикъ о возстановленіи германскаго единства будетъ, наконецъ, устраненъ. Нѣмецкіе рабочіе смогутъ организоваться совсѣмъ въ иномъ національномъ масштабѣ, чѣмъ доселѣ. Французскіе же, какое бы правительство тамъ ни установилось, во всякомъ случаѣ, будутъ имѣть болѣе свободное поле дѣятельности, чѣмъ при бонапартизмѣ»*).

Изъ этой выписки ясно, что, говоря о послѣдствіяхъ войны,

*) Приведено въ ст. Гарденина въ № 59 парижской газеты «Мысль» «Der Briefwechsel zwieschen Fr. Engels und K. Marx», B. IV, S.319.

Энгельсъ считался въ равной мѣрѣ, какъ съ интересами нѣмецкаго пролетаріата, такъ и съ интересами французскаго. Но при убѣжденіи, что побѣда Германіи принесетъ пользу и дѣлу французской свободы, Марксъ и Энгельсъ постоянно подчеркивали, что Германія ведетъ оборонительную войну. Въ нѣкоторыхъ кругахъ вошло теперь въ моду затушевывать различіе между войной наступательной и оборонительной. Марксъ думалъ совершенно иначе. Онъ писалъ: «Кугельманнъ смѣшиваетъ оборонительную войну съ оборонительными военными дѣйствіями. Выходитъ, что если на меня напалъ на улицѣ какой нибудь субъектъ, то я имѣю право отражать его удары, но при этомъ не долженъ убить его (Knock dow), потому что, въ противномъ случаѣ, я превращусь въ нападающаго! Недостатокъ діалектическаго мышленія выглядываетъ у этихъ людей изъ каждаго слова»*).

Значитъ, Марксъ не только считалъ необходимымъ различать оборонительную войну отъ наступательной, но и признавалъ право за отражающими нападеніе прибѣгать, въ случаѣ надобности, къ наступательнымъ военнымъ дѣйствіямъ. Онъ разсуждалъ діалектически. Матеріалистическая діалектика вообще не признаетъ абсолютныхъ принциповъ. И самое наше отношеніе къ войнѣ не есть нѣчто абсолютное. Бывали войны, которыя несли съ собою прогрессъ и благо человѣчеству. Никто изъ соціалистовъ не осуждаетъ освободительныхъ войнъ въ прошедшемъ. Логика требуетъ, чтобы они не были противъ освободительныхъ войнъ и въ будущемъ. Противъ нынѣшнихъ имперіалистическихъ войнъ соціалисты выступаютъ потому, что эти войны влекутъ за собой разрушеніе производительныхъ силъ и служатъ тормазомъ для осуществленія великихъ соціалистическихъ цѣлей. Этимъ самымъ должно опредѣляться отношеніе соціалистовъ къ нападающей сторонѣ. Само собою понятно, что если война тормозитъ дѣло пролетаріата, то пролетаріатъ будетъ противъ того, кто является непосредственнымъ ея виновникомъ. При этомъ его не должно смущать то обстоятельство, что виновными оказываются господствующіе классы и его собственной страны. Сейчасъ кстати и не кстати говорятъ о солидарности пролетаріата. Настоящимъ образомъ солидарность эта могла бы выразиться въ томъ, чтобы рабочій классъ нападающей страны выступилъ противъ своего правительства. Можетъ быть, это потребовало бы большого самоотверженія. Но въ исторіи ничто не совершается безъ подвиговъ. Развѣ былъ хоть одинъ серьезный переворотъ, не стоившій жертвъ? Къ сожалѣнію, большинство нашихъ нѣмецкихъ товарищей не оказались на высотѣ своего революціоннаго долга. Кто не

*) «Briefwechsel». S. 323. — отъ 17 авг. 70 г.

видитъ разницы между отношеніемъ Маркса и Энгельса къ франко-прусской войнѣ и поведеніемъ нынѣшнихъ нѣмецкихъ соціальдемократовъ (не говоримъ объ исключеніяхъ), тому или вовсе не хватаетъ исторической перспективы или же просто хочется набросить тѣнь на основателей научнаго соціализма.

Гарденинъ думаетъ, что нападающей стороной въ 70-омъ г. была исключительно Германія, но Марксъ и Энгельсъ были другого мнѣнія. Поэтому-то съ самаго начала войны они и сочувствовали Германіи. О нѣмецкихъ же соціаль-демократахъ теперь нельзя сказать, будто дипломатія ввела ихъ въ заблужденіе, ибо имъ было хорошо извѣстно, какую роль сыграло германское правительство въ нарушеніи мира.

Но Гарденинъ считаетъ возможнымъ свалить на Маркса и Энгельса отвѣтственность не только за поведеніе нынѣшнихъ нѣмецкихъ соціальдемократовъ, но и за поведеніе Эрве, который вслѣдствіе своего необузданнаго субъективизма вообще гораздо ближе къ гарденинскому лагеру чѣмъ къ марксизму, что и сказалось въ его отношеніи къ войнѣ.

Творцы діалектическаго матеріализма *въ одинаковой степени отрицательно* относились къ маніи національнаго величія, проявляла ли ее бонапартовская Франція или бисмарковская Пруссія. Они хорошо знали, что вспышки шовинизма могутъ оказать вліяніе и на пролетаріатъ съ нѣкоторыми его идеологами. Но они умѣли отличать отъ шовинизма здоровое національное чувство, требующее защиты своей націи отъ внѣшнихъ посягательствъ: они не суживали идеологіи пролетаріата. Вотъ что писалъ по этому поводу Энгельсъ 15 августа:

«Вся масса нѣмецкаго народа всѣхъ классовъ уяснила себѣ, что дѣло идетъ въ первой линіи о самомъ національномъ существованіи и поэтому тотчасъ же примкнула къ нему. Чтобы при такихъ условіяхъ нѣмецкая политическая партія проповѣдывала à la Вильгельмъ (Либкнехтъ) полную обструкцію и ставила побочныя соображенія выше главнаго, мнѣ кажется не возможнымъ».

Гарденинъ думаетъ, что онъ открылъ для себя цѣлый кладъ, когда нашелъ это мѣсто: самъ Энгельсъ былъ за сотрудничество классовъ! А между тѣмъ нашъ критикъ не замѣчаетъ, что въ этомъ видѣ сотрудничество классовъ признавалось постановленіями цѣлаго ряда соціалистическихъ конгрессовъ. Признавая право каждой націи на существованіе, само собою разумѣется, они тѣмъ самымъ признавали и право націй на самозащиту. Не для того же соціалисты внесли этотъ пунктъ въ свою программу, чтобы самимъ отъ него отступать въ рѣшительную минуту, когда самостоятельному существованію той или другой націи грозитъ опасность. Или же Гарденинъ придерживается то-

го мнѣнія, что соціалистамъ, чтобы не оказаться въ сотрудничествѣ съ другими классами, подобаетъ защищать націю только въ тѣхъ случаяхъ, когда она сама этого не желаетъ?

II.

Упрекая Энгельса въ націонализмѣ, Гарденинъ пишетъ*): «Энгельсъ осторожно, съ оговорками, со смягченіями, но все же приходитъ къ неизбѣжному логическому концу: къ лозунгу «примкнуть къ національному движенію». О, разумѣется, поскольку оно стоитъ на принципіально-оборонительной точкѣ зрѣнія; разумѣется, «подчеркивая разницу между нѣмецко-національными и прусско-династическими интересами»; разумѣется, *протестуя противъ земельныхъ захватовъ* и рекомендуя почетный миръ съ «не шовинистическимъ республиканскимъ правительствомъ», если оно образуется; конечно, подчеркивая единство интересовъ французскихъ и нѣмецкихъ рабочихъ, войны не желавшихъ и въ ней неповинныхъ».

Такъ формулировалъ самъ Гарденинъ взглядъ Энгельса на франко-прусскую войну. Очевидно, сформулировалъ, не отдавая себѣ отчета въ смыслѣ своихъ словъ. Иначе трудно представить, какъ могъ бы онъ въ томъ же самомъ фельетонѣ утверждать, что у Энгельса были зачатки имперіалистической политики. Имперіализмъ, который противъ захвата чужихъ земель и за то, чтобы вести только оборонительную, а не наступательную войну, — такой имперіализмъ существуетъ исключительно въ головѣ Гарденина, но не въ дѣйствительности. У Гарденина, какъ видно, и имперіализмъ-то субъективный.

Выше мы подчеркнули одну фразу Гарденина относительно Энгельса: «*разумѣется, протестуя противъ земельныхъ захватовъ*». Это говорится въ № 59 «Мысли». И это безусловно справедливо. Но это идетъ вразрѣзъ съ тѣмъ, что пытался доказать Гарденинъ полутора недѣлями раньше (въ № 50 того же изданія), утверждая, что Марксъ и Энгельсъ съ легкостью относились къ отторженію Эльзаса и Лотарингіи. Какъ видимъ, почтенный критикъ очень мало безпокоится о правдѣ и справедливости, о которыхъ такъ любятъ распространяться, хотя обыкновенно и весьма неудачно, субъективисты. Не объясняется-ли это противорѣчіе Гарденина тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не перечиталъ своего перваго фельетона, когда писалъ второй?

Чтобы понимать взгляды Маркса, надо быть знакомымъ съ исторіей рабочаго движенія. Ю. Гарденинъ, повидимому, плохо

*) См. фельетонъ въ № 59 «Мысли».

знаетъ эту исторію. Поэтому его приводитъ въ смущеніе слѣдующая цитата изъ Маркса:

«Французы нуждаются въ томъ, чтобы ихъ проучили. Если побѣдятъ пруссаки, то централизація государственной власти пойдетъ на пользу централизаціи нѣмецкаго рабочаго класса. Перевѣсъ на сторонѣ Германіи, далѣе, перенесетъ центръ тяжести западно-европейскаго рабочаго движенія съ Франціи на Германію. Достаточно просто сравнить движеніе въ обѣихъ странахъ, начиная съ 1866 г. и донынѣ, чтобы убѣдиться, насколько нѣмецкій рабочій классъ въ теоретическомъ и организаціонномъ отношеніи выше французскаго. А его перевѣсъ на міровой аренѣ надъ французскимъ одновременно будетъ перевѣсомъ нашей теоріи надъ прудоновской и ей подобными»*).

Выписавъ эти строки, Гарденинъ патетически восклицаетъ: «И мы еще третируемъ Зюдекума и проч.!».

Великолѣпная параллель! Марксъ думалъ, что побѣда Германіи и ея объединеніе поведетъ къ развитію движенія нѣмецкаго пролетаріата, которое явится торжествомъ научнаго соціализма надъ прудонизмомъ. Традиціи этого послѣдняго, господствовавшія въ средѣ французскихъ рабочихъ той эпохи, служили большимъ тормазомъ развитію Интернаціонала. Торжество Марксизма надъ анархизмомъ было въ интересахъ не только нѣмецкаго, но международнаго пролетаріата. И развѣ французское движеніе не выиграло очень много съ тѣхъ поръ, какъ видное мѣсто въ немъ занялъ революціонный марксизмъ, проповѣдникомъ котораго явился Жюль Гэдъ?

При чемъ же тутъ Зюдекумъ? Марксъ имѣлъ въ виду развитіе революціонной классовой борьбы. Но даже Гарденинъ не скажетъ этого о только что названномъ нѣмецкомъ оппортюнистѣ: послѣдній ставитъ своей задачей антиреволюціонное примиреніе классовъ, которое произойдетъ, по его мнѣнію, въ Германіи послѣ побѣдоносной войны. Марксъ никогда не входилъ ни въ какія сношенія ни съ какими правительствами, и менѣе всего съ правительствомъ Пруссіи, которое послѣ коммуны называлъ подлымъ наемнымъ убійцей. Зюдекумъ послѣ Бельгіи разъѣзжаетъ по Европѣ по порученію германскаго правительства!

Но совершенно правъ Гарденинъ, когда въ позиціи, занятой теперь Плехановымъ по отношенію къ войнѣ, видитъ послѣдовательное проведеніе марксистскихъ взглядовъ. Нападки критика на эту позицію являются продолженіемъ старой борьбы эпигоновъ народничества съ основателемъ научнаго соціализма въ Россіи.

Статьи «Мысли», поэтому, ставятъ въ чрезвычайно затрудни-

*) Перев. т. IV, стр. 296. У Гарденина въ № 13 «Мысли».

тельное положеніе «писателей» изъ «Голоса» («Нашего Слова» тожъ) и «Соціальдемократа», которые «ядовито и упрямо» упрекаютъ Плеханова въ забвеніи основъ научнаго соціализма: интернаціонализма и классовой борьбы. До сихъ поръ они не знали, что «первородный грѣхъ» находится у Маркса и Энгельса. Теперь Гарденинъ напомнилъ имъ это. И за это ему спасибо. Однако наши «писатели» сердятся. Вѣдь ихъ доводы противъ Плеханова оказываются буквальнымъ повтореніемъ доводовъ Гарденина противъ Маркса. А этимъ людямъ очень непріятно попасть въ компанію народника—критика марксизма послѣ того апломба, съ которымъ они выступали въ качествѣ истинныхъ марксистовъ. Поэтому Буквоѣдъ изъ «Нашего Слова» не отвѣчаетъ Гарденину по существу, довольствуясь бранью и придирками. Не отвѣчаетъ по существу и «Соціальдемократъ». Но послѣдній хоть пытается сдѣлать это. Въ статьѣ «О мародерахъ» онъ тщится открыть разницу между тактикой Плеханова и тактикой Энгельса. Но, увы, ему это вовсе не удается.

Гарденинъ приводитъ слова Энгельса: «Если въ Парижѣ можно что-нибудь сдѣлать, то необходимо помѣшать движенію рабочихъ до заключенія мира»*). Какой бы крикъ о шовинизмѣ, реакціонности и проч. поднялъ авторъ статьи «О мародерахъ», если бы это сказалъ Плехановъ! А между тѣмъ сей авторъ вполнѣ увѣренъ, что Марксъ и Энгельсъ руководились исключительно общими интересами пролетаріата. И конечно, добавимъ мы отъ себя, не было ничего реакціоннаго въ томъ, что основатели революціоннаго соціализма высказывались противъ возстанія парижскихъ рабочихъ, опасаясь огромности жертвъ, которые не принесли бы пользы ни французской націи ни самому французскому пролетаріату. И парижскіе рабочіе инстинктивно сами это чувствовали. Во время войны они «ограничивались тѣмъ, что требовали энергичнаго продолженія борьбы»**). Когда же послѣ капитуляціи Парижа въ отвѣтъ на измѣну буржуазіи и правительства произошло возстаніе и была создана Коммуна, никто не отстаивалъ ея дѣла болѣе горячо, чѣмъ тѣ же Марксъ и Энгельсъ. Тактика ихъ опредѣлялась конкретными обстоятельствами и мѣнялась сообразно съ ними. Но въ основѣ ея всегда лежали интересы рабочаго класса. Тутъ не было даже внѣшняго противорѣчія, какъ это ни изумляетъ метафизика и абсолютиста Гарденина.

Ему кажется, что онъ въ самомъ дѣлѣ нашелъ въ письмахъ нѣчто весьма компрометирующее основателей научнаго соціализ-

*) Письма, IV, стр. 335, отъ 12 сент. 1870 г.
**) Предисл. къ русск. изд. «Гражд. войны во Франціи», стр. 7.

ма. И отъ говоритъ о недосмотрѣ издателей, напечатавшихъ эти письма цѣликомъ, безъ пропуска цитированныхъ выше мѣстъ.

Но опять-таки, ежели бы Ю. Гарденинъ былъ получше знакомъ съ исторіей Интернаціонала, ему было бы извѣстно, что въ прокламаціи Генеральнаго Совѣта отъ 9 Сентября Марксъ писалъ:

«Всякая попытка низвергнуть существующее правительство въ моментъ страшнаго кризиса, переживаемаго Франціей, была бы глупостью отчаянія. Французскіе рабочіе должны исполнить свой государственный долгъ»*). Это буквально то же самое, что говорится въ письмахъ, которыя привели Ю. Гарденина въ столь восторженное состояніе.

Онъ не доволенъ еще тѣмъ, какъ относился Марксъ къ французской республикѣ. Продолженіе той же прокламаціи рисуетъ въ истинномъ свѣтѣ это отношеніе: «Но они (парижскіе рабочіе) должны въ то же время воспользоваться республиканской свободой для развитія ихъ собственныхъ классовыхъ организацій, которыя принесутъ съ собою свѣжесть и геркулесовую силу для возрожденія Франціи и освобожденія труда». Какимъ, однако, нѣмецкимъ шовинистомъ былъ этотъ Марксъ!

Какъ видитъ читатель, ни одинъ обвинительный пунктъ со стороны нашего критика не выдерживаетъ контръ-критики.

Еще нѣсколько словъ объ авторѣ статьи «О мародерахъ». Авторъ этотъ хочетъ выйти изъ затрудненія, въ которое его поставилъ Гарденинъ, слѣдующимъ путемъ. Плехановъ, ссылаясь на Энгельса, писалъ, что дѣлать *единственный* руководящій принципъ изъ антибисмарксизма или антицаризма прилично развѣ только либералу. По мнѣнію нашего автора, «Плехановъ (тутъ слѣдуетъ полемическая красота) забылъ, что антибисмарксизмъ равнялся бы антицаризму лишь въ томъ случаѣ, если бы царизмъ равнялся бисмарксизму, Россія — Германіи, а 1915 годъ — 1870-му».

Ну, что на это сказать! Неужели въ сотый разъ повторить, что именно для того, чтобы наша тактика въ каждое данное время вполнѣ соотвѣтствовала дѣйствительности, чтобы она была активной, а не пассивной, нужно, прежде всего, освободиться отъ всякаго шаблона, отъ всякой предвзятости, будетъ ли это антибисмарксизмъ или антицаризмъ, въ Россіи или въ Германіи, въ 1870 г. или въ 1915 г.? Тактика пролетаріата должна опредѣляться его собственными классовыми интересами, т. е. положительнымъ, а не отрицательнымъ моментомъ. Всякій такой моментъ могъ бы только связать ее. Авторы изъ «Соціальдемократа», какъ и мно-

*) Цит. по книгѣ Іекка «Интернаціоналъ».

гіе другіе, забываютъ объ этой азбукѣ марксизма: ихъ взглядъ на войну пропитанъ чистѣйшимъ анархизмомъ.

Ошибаются они и тогда, когда въ старомъ противопоставленіи оборонительной войны — наступательной видятъ только дипломатическую хитрость. Вѣдь это значитъ скатываться къ той самой субъективной точкѣ зрѣнія, въ которой авторъ статьи «О мародерахъ» справедливо упрекаетъ автора различныхъ статей въ «Мысли».

Марксъ и Энгельсъ признавали это противопоставленіе. Его до сихъ поръ признаваль и весь Интернаціоналъ. Безъ сомнѣнія, онъ будетъ признавать его и впредь — до тѣхъ поръ, пока измѣнившіяся экономическія и политическія условія не положатъ конца обособленному существованію націй.

Ида Аксельродъ.

P. S. Закончивъ свою статью, я прочла въ послѣдней (№ 6) книжкѣ «Neue Zeit» статью тов. Рязанова. Можно вполнѣ согласиться съ нимъ, что взглядъ Маркса и Энгельса на войну отличался отъ взгляда брауншвейгскихъ рабочихъ и Швейцера. Извѣстно, что Марксъ и Энгельсъ всецѣло одобрили поведеніе Бебеля и Либкнехта въ рейхстагѣ. Но не слѣдуетъ все-же закрывать глаза на то, что послѣ голосованія расхожденіе Маркса и Энгельса съ Либкнехтомъ было гораздо болѣе существенно, нежели думаетъ т. Рязановъ. Марксъ считалъ невозможнымъ сдѣлать мужественный поступокъ Бебеля и Либкнехта *исходной точкой* всей тактики во время франко-прусской войны. Объ этомъ онъ весьма недвусмысленно пишетъ Энгельсу 17 августа 1870 г. (Briefwechsel, B. IV, S.323). Если и существовала, правда, едва уловимая разница между Марксомъ и Энгельсомъ въ этомъ вопросѣ, то оба они при началѣ войны не сомнѣваются въ оборонительной позиціи Германіи. Это ясно какъ изъ Манифеста, изданнаго Генеральнымъ Совѣтомъ въ Лондонѣ 23-го іюля, такъ и изъ того самаго письма, на которое ссылается тов. Рязановъ. (стр. 309). Въ этомъ письмѣ Марксъ разсказываетъ Энгельсу, что онъ только тогда согласился подписать франконѣмецкій протестъ противъ войны, когда въ него внесли указаніе на то, что Германія ведетъ оборонительную войну. Это не мѣшало Марксу оцѣнивать Пруссію по ея достоинству. Тактика Маркса и Энгельса была вполнѣ на высотѣ ихъ принциповъ. Это видно уже изъ названнаго манифеста, въ которомъ говорится, что нѣмецкіе рабочіе обязаны будутъ измѣнить свою тактику, какъ только Германія перейдетъ за предѣлы самозащиты. Второй манифестъ

Генер. Совѣта констатируетъ, что моментъ этотъ наступилъ, и требуетъ отъ нѣмецкаго пролетаріата сопротивленія наступательнымъ дѣйствіямъ Пруссіи, равно и захвату французскихъ земель. Что касается Либкнехта, то Марксъ говорилъ, что онъ ненависть къ пруссакамъ превращаетъ въ тактику (стр. 323). Энгельсъ называетъ это анти-бисмаркизмомъ (стр. 319). Въ періодъ ареста брауншвейгцевъ, Бебеля и Либкнехта, вообще, уже не было по поводу войны никакихъ разногласій между представителями нѣмецкаго пролетаріата и Марксомъ-Энгельсомъ. Письмо Энгельса («Neue Zeit», № 6, S. 164) къ женѣ Либкнехта, написанное послѣ ареста послѣдняго, ничуть не опровергаетъ того, что нѣсколько раньше учителя научнаго соціализма разошлись съ нимъ во взглядахъ.

И. А.

ЖЕНСКАЯ СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦІЯ ВЪ БЕРНѢ.

Женская соціалистическая конференція, засѣдавшая въ началѣ апрѣля въ Бернѣ и трактовавшая вопросъ о войнѣ, должна привлечь къ себѣ вниманіе всѣхъ, кому дорого дѣло соціализма.

На нее съѣхались соціалистки изъ Англіи, Германіи, Франціи, Голландіи, Швейцаріи, Италіи, Россіи и Польши. Это не были, однако, оффиціальныя представительницы соціалистическихъ партій всѣхъ названныхъ странъ. Посылка делегатокъ изъ многихъ вообще странъ носила чисто случайный характеръ. Германская и французская соціалистическія партіи совсѣмъ отказались отъ посылки делегатокъ. Не послала делегатки польская с.-д-ія. Изъ Англіи явились представительницы Независимой Рабочей Партіи и нѣкоторыхъ экономическихъ организацій. Отъ итальянской партіи, насколько намъ извѣстно, делегаціи не было. Что касается нашей партіи, то отъ нея были на конференціи представительницы такъ называемаго Центр. Комитета ленинцевъ и Организ. К-а ликвидаторовъ, т. е. только двухъ заграничныхъ частей двухъ фракцій Р. С. Д. Р. П. Но, какъ извѣстно, наша партія включаетъ въ свой составъ не мало товарищей, которые не примыкаютъ ни къ одному изъ извѣстныхъ фракціонныхъ центровъ.

Слѣдовательно, по рѣшеніямъ, къ которымъ пришла конференція, еще нельзя судить о взглядахъ на настоящую войну организованнаго пролетаріата тѣхъ странъ, соціалистки которыхъ приняли участіе въ этой конференціи.

Это обстоятельство не могло бы, конечно, помѣшать собравшимся въ Бернѣ соціалисткамъ дать правильную оцѣнку происходящимъ политическимъ событіямъ и намѣтить истинно революціонную тактику для соціалистическаго пролетаріата на время настоящей войны. Дала ли такую оцѣнку конференція, мы сейчасъ увидимъ.

Прежде всего мы считаемъ необходимымъ констатировать съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія тотъ фактъ, что женщины-соціалистки разныхъ странъ и въ томъ числѣ странъ, воюющихъ между собою, по товарищески, дружно, обсуждали вопросъ, имѣющій громадную важность для пролетаріата всего міра. Этотъ фактъ ясно показываетъ, насколько крѣпки узы солидарности,

связывающія между собою пролетаріевъ разныхъ странъ. Даже страшное дѣло войны оказалось безсильнымъ парализовать великое чувство международной солидарности, зрѣющее въ сердцахъ рабочихъ.

Обратимся теперь къ работамъ конференціи. Конференція обсудила вопросъ о происхожденіи европейской войны; опредѣлила ея характеръ; намѣтила задачи, которыя, по ея мнѣнію, встали въ виду войны передъ соціалистами всѣхъ странъ, и приняла соотвѣтствующую резолюцію. Это самая важная резолюція. Ею намъ придется заняться главнымъ образомъ. Затѣмъ были приняты резолюціи: 1) относительно использованія настоящаго хозйственнаго кризиса спекулянтами, 2) относительно ареста т. Р. Люксембургъ и преданія суду соціальдемократическихъ депутатовъ Думы и 3) резолюція съ привѣтствіями и добрыми пожеланіями предстоящему тогда съѣзду буржуазныхъ женщинъ пацифистокъ въ Гаагѣ.

Разсмотримъ внимательно главную резолюцію о войнѣ.

«Настоящая война, — говорится въ ней, — обязана своимъ происхожденіемъ капиталистическому имперіализму. Она разразилась въ послѣднемъ счетѣ потому, что была нужна господствующимъ классамъ, классамъ эксплуататоровъ. Побуждаемые взаимной конкуренціей, эти классы стремятся всѣми силами расширить сферу своего политическаго господства за предѣлы собственныхъ государствъ, стараясь одновременно укрѣпить ту эксплуатацію и тѣ способы угнетенія, которые они практикуютъ въ отношеніи массъ своихъ обездоленныхъ соотечественниковъ. Кромѣ того, въ качествѣ постоянныхъ подстрекателей въ войнѣ, въ средѣ капиталистовъ выступаютъ представители крупнаго финансоваго міра, предприниматели, въ рукахъ которыхъ находится производство предметовъ необходимыхъ для войска, и, наконецъ, всякаго рода поставщики для арміи». (Цитир. по «Avanti» отъ 7-го апр. 1915).

Все это вѣрно. Послѣднія, общія, причины войны конференція указала правильно. Но, кромѣ этихъ общихъ причинъ, она не указываетъ никакихъ другихъ, ближайшихъ. Она не объясняетъ, кто же именно, какое правительство, дѣйствуя въ интересахъ господствующаго класса своего государства, подъ вліяніемъ агитаціи крупныхъ финансистовъ, поставщиковъ арміи и пр., нарушило европейскій миръ въ августѣ мѣсяцѣ 1914 года? А это очень жаль. Очень жаль, — потому что мы, марксисты, не должны ограничиваться отысканіемъ лишь общихъ причинъ того или иного соціальнаго явленія, а обязаны разобраться во всемъ сложномъ конкретномъ матеріалѣ, во всѣхъ обстоятельствахъ, сопровождающихъ данное явленіе. Рѣшеніе вопроса о томъ, кто яв-

ляется непосредственнымъ виновникомъ войны, имѣетъ серьезное значеніе, ибо только рѣшивъ его, можно опредѣлить, какой тактики слѣдуетъ держаться сознательному пролетаріату той или иной страны. Соціалистическій Интернаціоналъ прекрасно понималъ это, хотя для него, разумѣется, было ясно, что всѣ войны ближайшаго будущаго явятся продуктомъ буржуазнаго уклада жизни. Интернаціоналъ рекомендовалъ различать войны оборонительныя и наступательныя, т. е. рекомендовалъ, стало быть, искать непосредственнаго «виновника» войны, и намѣчалъ двѣ линіи поведенія для сознательнаго пролетаріата: быть безусловно противъ войны, если она наступательная и быть за участіе въ ней, если война носитъ характеръ оборонительный. Такъ, въ резолюціи международнаго соціалистическаго конгресса, бывшаго въ Парижѣ 14—21 іюля 1889 г. мы читаемъ:

«Постоянное войско и наступательная политика, орудіемъ которой оно является, должны уступить мѣсто оборонительной и мирной политикѣ демократіи, а именно организаціи всего народа, обученнаго и вооруженнаго не для грабежа и завоеваній, но для защиты своей независимости и своихъ вольностей» («Междунар. соціал. конгрессы». Стр. 63). А резолюціей копенгагенскаго конгресса 1910 г. рекомендуется добиваться «автономіи для всѣхъ народовъ и ихъ защиты отъ всякихъ вооруженныхъ нападеній и притѣсненій» (Huitième congrès socialiste» Стр. 473).

Конференція къ вопросу о «виновникѣ» войны отнеслась, къ сожалѣнію, иначе; она ему актуальнаго значенія не придала. «Исторія, — говорится въ резолюціи, — точно опредѣлитъ, какая ужасная отвѣтственность должна пасть на то или иное правительство той или другой страны и на ихъ дипломатіи за то, что разразилась міровая война». Исторія, разумѣется, сдѣлаетъ свое дѣло, разсудитъ, кто правъ и кто виноватъ, но она сдѣлаетъ это, очевидно, заднимъ числомъ, а для насъ, марксистовъ, необходимо немедленно выяснить вопросъ о нарушителѣ европейскаго мира, чтобы правильно намѣтить свои *ближайшіе* тактическіе шаги.

Итакъ, мы видимъ, что бернская конференція дала слишкомъ общую, абстрактную постановку вопросу о причинахъ настоящей войны и въ этомъ ея крупная ошибка. Мы увидимъ ниже, что, къ сожалѣнію, та же печать абстрактности лежитъ и на другихъ сужденіяхъ конференціи, отдаляя ее, такимъ образомъ, отъ марксистскаго объясненія текущихъ событій.

Въ самомъ дѣлѣ. Не желая разбираться въ вопросѣ о томъ, какое государство открыло военныя дѣйствія, конференція слѣдующимъ образомъ высказывается по поводу вопіющаго факта нарушенія Германіей нейтралитета Бельгіи; «Война начала свое

нечестивое дѣло съ возмутительнаго акта попранія правъ народа, обрушивъ на маленькую Бельгію ужаснѣйшее несчастіе». Если бы такъ формулировали свое отношеніе къ нарушенію нейтралитета Бельгіи буржуазные пацифисты, это для насъ было бы понятно. Но въ устахъ соціалистовъ такая формулировка звучитъ неожиданно. «Война начала свое нечестивое дѣло»... Можетъ быть, это сказано очень образно, красиво, но такой общей, пустой фразой нельзя говорить о фактѣ насилія, учиненнаго Германіей надъ Бельгіей. Рѣчь идетъ не о чумѣ, не о землетрясеніи и не о какомъ либо иномъ стихійномъ явленіи. Войну начали люди и этихъ людей не трудно назвать:

Войну начало германское правительство, дѣйствовавшее въ интересахъ германской буржуазіи и юнкерства — это непреложный фактъ, — и отсюда слѣдуетъ очень важный выводъ, а именно тотъ, что соціалистамъ Бельгіи ничего не оставалось другого, какъ стать «на защиту общественныхъ правъ и національной безопасности» своей страны, то есть сдѣлать то, что рекомендовалъ въ подобныхъ случаяхъ дѣлать международный соціалистическій конгрессъ, бывшій въ 1889 г. въ Парижѣ.

Резолюція утверждаетъ далѣе, что «война находится прежде всего въ противорѣчіи съ интересами рабочаго класса всѣхъ странъ, какъ воюющихъ, такъ и нейтральныхъ; что подъ лживымъ предлогомъ защиты отечества она уничтожаетъ имущество и самую жизнь рабочихъ; что лучшія силы пролетаріата приносятся такимъ образомъ въ жертву эксплуатирующимъ классамъ».

Это опять черезчуръ отвлеченно, а потому и не совсѣмъ вѣрно. Соціалистическій Интернаціоналъ тоже заявилъ на брюссельскомъ конгрессѣ 1891 г., что «бѣдствія всеобщей войны падутъ всецѣло на рабочихъ», но онъ же, какъ мы видѣли, требовалъ милиціи «для защиты національной безопасности», и признавалъ право всѣхъ народовъ на самозащиту «отъ всякихъ вооруженныхъ нападеній». Слѣдовательно, для него слова «защита отечества» вовсе не были лживымъ предлогомъ, поскольку рѣчь шла о войнѣ оборонительной.

И если мы обратимся къ печальной дѣйствительности настоящаго дня, то увидимъ, что слова «защита отечества» были на самомъ дѣлѣ «лживымъ предлогомъ» къ войнѣ въ устахъ германской буржуазіи, юнкеровъ и правительства Вильгельма, но никакъ нельзя назвать такимъ предлогомъ призывъ бельгійскихъ и французскихъ соціалистовъ защищать отечество, когда и Бельгія и Франція оказались атакованными.

Пойдемъ дальше. Теперь уже нельзя серьезно оспаривать тотъ фактъ, что германско-австрійскій имперіализмъ началъ «нечестивое дѣло войны». Поэтому передъ марксистами долженъ

встать вопросъ, какія цѣли преслѣдуетъ германскій имперіализмъ и чего надо ждать пролетаріату отъ его побѣды и отъ его пораженія.

Имперіализмъ означаетъ эксплуатацію одного народа другимъ. Слѣдовательно и побѣда Германіи надъ ея противниками повела бы къ эксплуатаціи ею странъ побѣжденныхъ. Принимая во вниманіи экономическое положеніе и политическую жизнь европейскихъ государствъ и ихъ взаимоотношенія, можно предвидѣть, какія послѣдствія повлечетъ за собою побѣда Германіи. Намъ кажется, что такая побѣда означала бы для Франціи ея полное разореніе и расчлененіе; возможно даже — перемѣну въ ея политическомъ строѣ. Для Россіи — задержку въ экономическомъ развитіи, а, слѣдовательно и укрѣпленіе «стараго порядка». Для Англіи — усиленную ея милитаризацію. Для Бельгіи и Голландіи — ихъ превращеніе въ германскія провинціи. Аннексію — для Люксембурга; полное подчиненіе для Сербіи...

Эта побѣда врядъ-ли повела бы и къ улучшенію положенія германскаго пролетаріата. О наступленіи революціонныхъ дней въ Германіи послѣ ея побѣды никто не рѣшается мечтать. По самымъ оптимистическимъ расчетамъ покойнаго оппортюниста Франка и нынѣ здравствующаго Зюдекума можно надѣяться лишь на кое-какія реформы. Но намъ кажется, что въ этомъ вопросѣ гораздо болѣе правъ К. Либкнехтъ, который, судя по интервью съ нимъ, напечатанному въ »Avanti!», сказалъ, что единственно, что можетъ ждать германскій пролетаріатъ отъ побѣды, это — усиленія реакціи.

Изъ всего этого мы дѣлаемъ выводъ, что побѣда Германіи не въ интересахъ пролетаріата. Наоборотъ, пролетаріатъ заинтересованъ въ ея пораженіи и защита самостоятельности и независимости государствъ, подвергшихся нападенію со стороны Германіи, совпадаетъ такимъ образомъ съ интересами пролетаріата. Общія фразы бернской конференціи, разбросанныя по ея резолюціи и говорящія о томъ, что отъ войны страдаетъ всего больше пролетаріатъ; что «съ тѣхъ поръ, какъ началась война, разрушены неисчислимыя сокровища, созданныя тяжелымъ трудомъ пролетаріевъ», что «воздвинуты гекатомбы изъ человѣческихъ жизней; растоптаны и поруганы самые высокіе человѣческіе идеалы» и т. п., означаютъ либо пацифистское, либо вульгарно-соціалистическое, анархическое, возмущеніе войной. Анализъ конкретныхъ условій, въ которыхъ протекаетъ война, приводитъ, напротивъ того, къ ясному опредѣленію задачъ пролетаріата въ ихъ интернаціональномъ масштабѣ.

Намъ, поэтому, кажется совершенно правильнымъ рѣшеніе участниковъ лондонской конференціи «твердо бороться до по-

бѣды »съ германскимъ имперіализмомъ. И мы раздѣляемъ вполнѣ ихъ увѣренность въ томъ, что они при этомъ «остаются вѣрными принципамъ Интернаціонала».

«Подъ тѣмъ же лживымъ предлогомъ война объединяетъ внутри отдѣльныхъ воюющихъ странъ рабочихъ съ ихъ эксплуататорами и разрушаетъ, такимъ образомъ, узы международной солидарности рабочихъ», — говорится далѣе въ революціи.

Это безусловно такъ въ отношеніи Германіи, и нѣтъ никакого оправданія германскимъ соціальдемократамъ, высказавшимся за «Burgfrieden». Но того же нельзя сказать о французскихъ и бельгійскихъ соціалистахъ. Конечно, очень печально, что непреодолимыя обстоятельства заставили нашихъ товарищей Франціи и Бельгіи на время ослабить борьбу съ буржуазіей своихъ странъ, но, какъ уже писалъ объ этомъ т. Плехановъ цитируя Меринга: «данный народъ долженъ существовать для того, чтобы имѣть возможность рѣшить, *какъ* онъ долженъ существовать». (Плехановъ. «О войнѣ», стр. 24).

Отдѣльный абзацъ резолюціи говоритъ о томъ, что въ настоящій моментъ грязная волна шовинизма захлестнула народы. Это совершенно правильно. Соціалисты всѣхъ странъ должны самымъ энергичнымъ образомъ выступить на борьбу съ вульгарнымъ патріотизмомъ.

Абстрактная постановка вопроса о причинахъ войны привела конференцію къ совершенно ошибочному выводу о ближайшихъ задачахъ соціалистовъ. Вотъ этотъ выводъ. Конференція требуетъ, чтобы былъ положенъ конецъ истребленію народовъ; чтобы былъ заключенъ миръ безъ анексій, безъ расширенія чьихъ бы то ни было владѣній, съ признаніемъ правъ за всѣми народами, — также и самыми маленькими, — на самоопредѣленіе и независимость; она требуетъ мира безъ предъявленія какому бы то ни было государству условій унизительныхъ и позорныхъ. Поэтому конференція призываетъ къ энергичной агитаціи за миръ. Миръ, — вотъ лозунгъ, провозглашенный бернской конференціей.

Этотъ лозунгъ оторванъ отъ жизни. Принимая его, конференція не считалась съ «обстоятельствами времени и мѣста».

Въ самомъ дѣлѣ. Если бы германскіе соціальдемократы стали теперь вести агитацію за миръ, то это означало бы борьбу съ господствующими классами Германіи и правительствомъ Вильгельма, ведущими наступательную войну. То-есть, въ Германіи лозунгъ мира былъ бы революціоннымъ лозунгомъ. То же слѣдуетъ сказать и относительно Австріи. Но что значило бы принятіе этого лозунга для нашихъ бельгійскихъ товарищей? Бельгійскій народъ ничего не желаетъ больше, какъ мира съ возстановленіемъ независимости Бельгіи и, разумѣется, съ вознагражденіемъ за

причиненные ей убытки*), но очевидно, что для заключенія такого мира ему остается надѣяться только на побѣду союзниковъ надъ Германіей.

Съ лозунгомъ мира слѣдуетъ быть осторожнымъ и намъ, россійскимъ соц.-демократамъ.

Въ нашей литературѣ уже не разъ говорилось, что самые реакціонные элементы, окружающіе правительство Николая II, съ готовностью приняли бы миръ съ Вильгельмомъ, такъ много сдѣлавшимъ для поддержанія царизма во время русской революціи, и, конечно посейчасъ являющимся вѣрнымъ защитникомъ монархизма. При такихъ условіяхъ, не внесетъ-ли лозунгъ мира страшной путаницы въ головы малосознательныхъ русскихъ пролетаріевъ? И не является ли онъ лозунгомъ реакціоннымъ?!*).

Абстрактная постановка вопроса о войнѣ помѣшала конференціи правильно его разрѣшить. И заключительный аккордъ резолюціи прозвучалъ такъ же фальшиво, какъ первый.

Вотъ въ главныхъ чертахъ результаты работъ женской соціалистической конференціи. Повторяемъ, она, къ сожалѣнію, не сумѣла оперировать марксистскимъ методомъ, а потому и не намѣтила правильной тактики для пролетаріата.

Мы съ полнымъ сочувствіемъ противопоставляемъ работамъ соціалистокъ, засѣдавшихъ въ Бернѣ, работы Лондонской конференціи, которая, не ограничиваясь тѣми общими положеніями, что настоящая война есть продуктъ «политики колоніальныхъ завоеваній и агрессивнаго имперіализма», разсмотрѣла конкретную обстановку происходящей теперь войны и, такимъ образомъ, пришла къ выводамъ, которые дали ей неоспоримое право сказать про себя, что она «осталась вѣрной принципамъ Интернаціонала».

В. Ольгинъ.

---

*) Въ резолюціи бернской конференціи не говорится ничего относительно вознагражденія Бельгіи за причиненные ей Германіей матеріальные убытки. Неужели конференція не считала такое вознагражденіе справедливымъ?

**) Первый шагъ участницъ конференціи въ дѣлѣ агитаціи за миръ выразился въ опубликованномъ ими «Воззваніи женщинъ-соціалистокъ». Въ этомъ «Воззваніи» не упоминается даже ни одно изъ тѣхъ условій мира, которыя дѣлали бы этотъ миръ демократическимъ! — Легко себѣ представить, какая путаница должна произойти на практикѣ при агитаціи за этотъ лозунгъ, если даже сами участницы конференціи сбиваются на плоскій буржуазный пацифизмъ!

ВОЙНА И КАВКАЗСКІЕ СОЦ.-ДЕМОКРАТЫ.

Когда нашимъ доморощеннымъ соціалистамъ изъ лагеря «Нашего Слова» и ленинцевъ, взявшимъ на себя роль спасителей Интернаціонала въ нынѣшнемъ боѣ народовъ и твердящимъ только, что европейская война есть лишь война имперіалистическая, задаешь проклятый для нихъ вопросъ: Позвольте! а какъ быть съ невинной, въ конецъ раздавленной Бельгіей? получаешь каждый разъ отвѣтъ, достойный невозмутимаго кабинетнаго ученаго: «Бельгія? Вѣдь это маленькій эпизодъ во всемірной катастрофѣ; приходится совершенно игнорировать ее, когда передъ нами встаютъ міровыя проблемы».

Видите ли, когда сметаютъ цѣлую бельгійскую націю, грозятъ существованію сербскаго народа, разоряютъ и раздираютъ многострадальную Польшу, силой оружія присоединяютъ Галицію, когда турецкія полчища угрожаютъ всему Кавказу съ населенными въ немъ народностями, когда сѣверные департаменты свободолюбивой Франціи стонутъ подъ сапогомъ Вильгельма II, то все это лишь маленькіе эпизоды въ міровой катастрофѣ! И когда соціалисты этихъ разоряемыхъ и стонущихъ отъ военной силы націй выступаютъ въ защиту своего народа, оставаясь вѣрными завѣтамъ международнаго соціализма, признававшаго самозащиту націй, эти, такъ называемые, интернаціоналисты подобную защиту квалифицируютъ какъ защиту патріотическую, слѣпо увѣряя себя, что они именно спасаютъ Интернаціоналъ, спасая на самомъ дѣлѣ въ этомъ всемірномъ пожарѣ лишь одни слова, смысла которыхъ и сами не понимаютъ. А до судьбы живыхъ націй, всей рабочей демократіи имъ мало дѣла. Вѣдь такова всегда бываетъ позиція тѣхъ соціалистовъ, для которыхъ существуетъ только цѣль, но которые не признаютъ никакой тактики.

Любопытнѣе всего то, что эти наши, такъ называемые, интернаціоналисты и по русскимъ дѣламъ считаютъ себя вѣрными выразителями настроеній и стремленій всего россійскаго пролетаріата въ нынѣшней войнѣ.

Взгляды т. Плеханова и его единомышленниковъ они склонны объяснять, между прочимъ, ихъ полной, якобы, оторванностью отъ русской дѣйствительности, какъ будто сами они не являются заграничниками.

Оставимъ заграничниковъ и обратимся къ русской дѣйствительности. Посмотримъ, какъ подходятъ къ нынѣшней войнѣ люди дѣла, а не фразъ — соціаль-демократы на Кавказѣ. Разсматриваютъ ли они эту войну трафаретно, метафизически («Наше Слово»)? Желаютъ ли, якобы въ интересахъ всей европейской демократіи, пораженія Россіи (ленинцы) или подобно Г. В. Плеханову, «оторванному отъ русской дѣйствительности», они взглядываются глубоко въ міровыя событія, взвѣшиваютъ экономическія и политическія послѣдствія войны и, подходя съ точки зрѣнія дѣйствительной защиты Интернаціонала и успѣха рабочаго движенія, не боясь смѣлыхъ выводовъ, говорятъ, что побѣда германскаго милитаризма и прусскихъ юнкеровъ отзовется на судьбахъ международнаго пролетаріата и всей европейской демократіи?

Вотъ, напримѣръ, какъ разсуждаетъ видный работникъ, стоявшій, стоящій и нынѣ во главѣ рабочаго движенія на Кавказѣ, т. Ан—ъ въ своихъ статьяхъ «Война и миръ», помѣщенныхъ въ грузинской соц.-демокр. газетѣ «Ахали Азри» (Новая Мысль», №№ 143—153) *), издающейся въ Тифлисѣ.

«Германская соц.-демократическая партія, — говоритъ Ан-ъ (№ 148), — своимъ довѣріемъ правительству заставила соціалистическія партіи другихъ воюющихъ странъ сплотиться вокругъ своихъ правительствъ для защиты отъ нападенія. Что же имъ оставалось дѣлать? Выступи германская соціальдемократія противъ Вильгельма, развѣ Гэдъ сталъ бы вступать въ министерство? Въ этомъ случаѣ соціалистическія партіи всѣхъ странъ сочли бы своимъ долгомъ поддержать германскую партію и тѣмъ самымъ онѣ смогли бы, если не пріостановить войну, то значительно ее ослабить. Но разъ Германія стала на ноги, отозвавшись на военный кличъ своего правительства, другимъ оставалось только организовать самозащиту». Разсматривая экономическія и политическія послѣдствія войны, т. Ан-ъ думаетъ, что побѣда Германіи будетъ побѣдой экономической и политической, и приведетъ къ господству ея надъ всей Европой. А это, по его мнѣнію, составитъ такое зло, уничтоженія котораго мы должны добиваться.

«Можно считать уже доказаннымъ», говоритъ Ан—ъ (въ № 150 «Ахали Азри»), «что настоящая война вызвана экономическимъ развитіемъ Германіи. Каждый изслѣдователь этого вопроса приходитъ къ заключенію, что экономическая политика Германіи попала въ тупикъ, выйти изъ котораго можно было лишь при помощи оружія... Такъ какъ германскій протекціонизмъ ох-

*) Эта газета послѣ закрытія возобновилась въ мартѣ мѣсяцѣ подъ названіемъ «Танамедровъ Азри» («Современная Мысль»).

ватилъ всю Европу и продиктовалъ ей жестокую протекціонистскую политику, то ясно, что для уничтоженія этой политики или ослабленія ея приходится начать съ Германіи».

А если принять во вниманіе проэктируемый, какъ передаютъ, Вильгельмомъ таможенный союзъ среднеевропейскихъ государствъ, то «такой союзъ, — говоритъ Ан—ъ, — ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть терпимъ, такъ какъ онъ поведетъ къ гегемоніи Германіи, которая со своей таможенной системой подчинитъ себѣ всѣ мелкія скандинавскія, балканскія и прочія государства. А это составитъ, именно, то зло, къ уничтоженію котораго мы должны стремиться, и которое расколетъ всю Европу на два экономически конкурирующихъ между собою лагеря».

«Мы тоже сторонники, — продолжаетъ далѣе А—нъ, — «союза, но союза не средней только Европы подъ гегемоніей Германіи, а всѣхъ европейскихъ государствъ на началахъ равноправія. А если всетаки станетъ неизбѣжнымъ вопросъ о гегемоніи, то она должна принадлежать Англіи, какъ странѣ безпошлинной торговли».

Поэтому экономическое объединеніе всей Европы на почвѣ уничтоженія таможенной политики — вотъ задача, по мнѣнію Ан—а, которая стоитъ теперь передъ демократіей.

Чтобы избавиться отъ экономической гегемоніи Германіи, необходимо сломить въ этой войнѣ германскій милитаризмъ. Это и утверждаетъ т. Ан—ъ, когда говоритъ, что «милитаризмъ здѣсь (т. е. въ Германіи К. К.) не есть явленіе только матеріальное, но и психологическое. Онъ (милитаризмъ) проникъ въ плоть и кровь германца и трудно ему избавиться отъ него»....

«Какъ пораженіе Наполеона сдѣлалось возможнымъ лишь съ пораженіемъ его военной силы, такъ потеря династіей гогенцоллерновъ императорской короны мыслима *при условіи разрушенія ея военной мощи*» (курсивъ нашъ К. К.) (№№ 150—151).

«Преобразованіе германскаго государства въ государство демократическое, уничтоженіе диктатуры юнкеровъ... приведетъ къ политическому единству Европы, къ уничтоженію въ корнѣ нѣмецкаго шовинизма и къ равенству всѣхъ націй» (Тамъ же).... «Вся Западная Европа связана въ настоящее время одной политической системой — парламентскимъ режимомъ. Вездѣ правительство составляется изъ депутатовъ парламентскаго большинства и является отвѣтственнымъ передъ страной. Единственное исключеніе изъ этой общей системы составляетъ Германія, гдѣ правительство совершенно не зависитъ отъ рейхстага и не несетъ передъ нимъ отвѣтственности. Къ этому надо прибавить еще личный режимъ Вильгельма II, т. е. его личное вмѣшательство въ

дѣла и распоряженія правительства и всѣхъ государственныхъ вѣдомствъ... Вотъ почему въ Европѣ постоянно ожидали всеобщей катастрофы именно со стороны Германіи» (№ 150).

«Международная реакція — продолжаетъ Ан—ъ въ № 151, въ Европѣ послѣ Великой Революціи тѣсно связана съ прусской и австрійской династіями. Извѣстный «Священный Союзъ» 1815 г., съ цѣлью борьбы съ освободительнымъ движеніемъ Европы, былъ основанъ по иниціативѣ этихъ династій... Правда, къ нимъ примыкала и третья, но эта послѣдняя никогда не проявляла ни энергіи, ни достаточнаго ума, чтобы проводить въ Европѣ свою собственную политику»....

«Отсюда ясно, — заключаетъ Ан—ъ, — что главнымъ политическимъ вопросомъ въ настоящее время надо считать преобразованіе Германіи и Австріи въ республики» (Тамъ же).

Итакъ, основныя положенія т. Ан—а сводятся къ слѣдующему:

Германія является стороной нападающей, и всѣ страны, подвергшіяся ея нападенію, должны защищаться.

Германская соціаль-демократія своей поддержкой правительства Вильгельма толкнула соціалистическія партіи другихъ странъ на защиту своихъ націй.

Побѣда Германіи приведетъ къ ея экономической гегемоніи надъ Европой, что составитъ большое бѣдствіе для послѣдней. Во избѣжаніе этого бѣдствія необходимо сломить военную мощь Германіи и тѣмъ дать возможность для осуществленія республиканскаго режима въ Германіи и Австріи. Въ цѣляхъ же Европейскаго равновѣсія нужно создать экономическое единство всей Европы на началахъ свободной безпошлинной торговли. А экономическое единство требуетъ единства политическаго на основѣ парламентскаго режима.

Эти два послѣднихъ условія (экономическое и политическое единство Европы) тов. Ан—ъ считаетъ для всей демократіи важнымъ и необходимымъ требованіемъ мира, за который, не дожидаясь окончанія войны, демократія должна выступить активно. «Необходимо, — говоритъ Ан—ъ по вопросу о мирѣ, — чтобы европейская демократія, столковавшись на требованіяхъ, защищаемыхъ Каутскимъ и Лондонской конференціей соціалистовъ союзныхъ странъ, вмѣшалась съ этимъ политическимъ знаменемъ*) въ рукахъ въ дѣло выработки требованій мира».... «Только пу-

*) Подъ этимъ т. Ан-ъ разумѣетъ и вопросъ объ урегулированіи взаимоотношеній между націями. Вопросъ этотъ онъ считаетъ необходимымъ требованіемъ и относитъ его къ числу необходимыхъ условій мира. Онъ защищаетъ и развиваетъ лозунгъ Каутскаго: одна нація — одно государство. К. К.

темъ агитаціи и пропаганды этихъ требованій возможно для партій и отдѣльныхъ группъ политическое вмѣшательство въ войну, а вмѣшательство въ нее съ оружіемъ въ рукахъ производится таковъ взглядъ тов. Ан—а на войну, и не ошибемся, если скажемъ, что за одно съ нимъ не менѣе двухъ третей рабочихъ на Кавказѣ.

Правда, редакція «Танамедровэ Азри», помѣстившая статьи Ан—а, дѣлаетъ примѣчаніе, что она не всѣ положенія т. Ан—а раздѣляетъ, но несомнѣнно одно, что газетѣ чужда узконаціональная точка зрѣнія ленинцевъ, видящихъ въ пораженіи Россіи спасеніе русской демократіи. Вся грузинская соціальдемократія и та часть ея, взгляды которой выражаетъ газета «Танамедровэ Азри», абсолютно не раздѣляетъ вѣры въ освобожденіе русско-грузинской демократіи силой германо-турецкаго оружія. Слѣдующій, на первый взглядъ маловажный, фактъ служитъ доказательствомъ этой мысли. Въ началѣ марта ст. ст. всю Россію облетѣла телеграмма Петроград. Телегр. Агентства, содержавшая приблизительно слѣдующее: германскій эмиссаръ сообщалъ германскому послу въ Константинополѣ, будто въ магометанской Грузіи, именно, въ Аджаріи, роздано оружіе, съ цѣлью поднять тамъ возстаніе противъ Россіи при вступленіи турокъ. Что же касается Грузіи православной, то она будто пока колеблется, но достаточно послать туда нѣсколько сотъ германцевъ, чтобы и та примкнула къ врагамъ Россіи.

Такъ какъ эта телеграмма появилась безъ всякихъ комментаріевъ и примѣчаній со стороны русскаго правительства, то всѣ слои грузинскаго общества усмотрѣли въ этомъ полную солидарность правительства съ сообщеніемъ Телегр. Агентства.

Какъ реагировала на это грузинская нація, въ частности соціальдемократія?

Вотъ что читаемъ мы въ передовой статьѣ «Танамедровэ Азри» (№ 7 отъ 8 марта). Отмѣтивъ провокаціонный характеръ телеграммы и указавъ на то, что само правительство обязано было опровергнуть столь тяжкое обвиненіе, брошенное всему грузинскому народу, газета говоритъ: «Грузинскій народъ доказалъ свою вѣрность на полѣ брани, гдѣ не мало грузинъ сложило свою голову;... мало того и Аджарія, куда вступили турки, осталась вѣрной Россіи, за исключеніемъ, правда, немногихъ лицъ-аджарцевъ, поддавшихся вліянію турокъ. Что же удивительнаго въ томъ, если во всей странѣ нашлось нѣсколько измѣнниковъ? Недаво въ Петроградѣ арестовали нѣсколькихъ бывшихъ жандармовъ, уличенныхъ въ шпіонствѣ. Такъ неужели изъ-за этого мы станемъ сомнѣваться въ вѣрности всего русскаго народа? Разъ

телеграмма появилась безъ всякихъ комментаріевъ, ясно, что кто-то сомнѣвается въ вѣрности грузинъ... Поэтому грузинская демократія,—говорится далѣе,—требуетъ немедленнаго опроверженія этой фальшивой телеграммы. Пусть та самая рука, которая возвѣстила русскому народу объ измѣнѣ ему грузинскаго народа, спѣшитъ увѣрить Россію, что измѣна только въ воображеніи германскихъ эмиссаровъ».

Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ высказываетъ свое возмущеніе по поводу приведенной телеграммы другой грузинскій соціальдемократическій органъ, издающійся тоже въ Тифлисѣ «Шадреванн» («Фонтанъ» №№ 12, 13 за мартъ).

А на общемъ собраніи изъ представителей дворянства, представителей грузинскихъ культурныхъ учрежденій и грузинской печати, собравшихся выразить свой протестъ по тому же случаю, присутствовалъ также и депутатъ Чхеидзе, выражающій настроеніе и взгляды соціальдемократіи на Кавказѣ. На собраніи была вынесена резолюція протеста и поручена выбранной тутъ же депутаціи для врученія высшимъ властямъ. Въ этой депутаціи находился и депутатъ Чхеидзе.

Какъ видите, соц.-демократы на Кавказѣ умѣютъ не только заучивать азы марксизма, но и примѣнять ихъ соотвѣтственно времени и обстоятельствамъ.

Подходя съ точки зрѣнія интересовъ всего рабочаго Интернаціонала и взвѣшивая экономическія и политическія послѣдствія этой войны, кавказскіе соц.-демократы не относятся безразлично къ тому или иному исходу ея, а вырабатываютъ способы воздѣйствія на самый ходъ событій. А въ моменты, когда провокаціонная рука пытается поколебать отношенія между русской и грузинской демократіями, судьбы которыхъ исторически тѣсно связаны, грузинскіе соціаль-демократы умѣютъ встать во главѣ своей націи, чтобы съ негодованіемъ отвести кровавую руку, все равно принадлежитъ ли она внѣшнимъ или внутреннимъ врагамъ.

К. Кахели.

Съ кѣмъ большинство?

I.

Вопросъ о томъ, на чьей сторонѣ большинство, поставленъ не нами, — антипораженцами, — а нашими противниками. И это не удивительно. Чувствуя свое безсиліе въ *качественномъ*, принципіальномъ отношеніи, пораженцы стараются ободрить себя мыслью, что зато *количественно* они наиболѣе сильны.

Посмотримъ, такъ ли это.

Сначала нѣсколько словъ о томъ, какъ можно и нужно опредѣлять, на чьей сторонѣ сочувствіе большинства сознательныхъ элементовъ рабочаго класса Россіи.

Пораженцы опредѣляютъ это очень своеобразно. Такъ, напримѣръ, органъ Мартова и Троцкаго, «Наше Слово», полемизируя (въ № 42) съ Плехановымъ, заявившимъ въ итальянской прессѣ, что пораженцы — генералы безъ арміи, перечислило свою «армію», въ составѣ которой оказались «всѣ выступившіе до сихъ поръ (до средины марта 1915) съ начала войны партійные центры», а именно Центр. К-тъ, Орг. К-тъ, Ц. К. Бунда, Кавк. Обл. К-тъ, Петерб. К-тъ, Петерб. Объедин. группа, Петерб. иниц. группа, Ц. К. Латышской Соц.-Дем., Центры польской соціальдемократіи и центръ польской соц. партіи». Наконецъ сюда же «Наше Слово» зачислило думскую соц.-дем. фракцію и пятерку с.-д. депутатовъ, бывшихъ ленинцевъ.

Уже одного этого перечисленія вполнѣ достаточно, чтобы оцѣнить все своеобразіе методовъ опредѣленія большинства, примѣняемыхъ «Нашимъ Словомъ». Если повѣрить органу Мартова и Троцкаго, то и ленинскій «Центр. К-тъ», проповѣдующій «разгромъ Россіи» (такъ опредѣляетъ его позицію П. Б. Аксельродъ) и пятеро депутатовъ, публично отрекшихся отъ этой проповѣди на судѣ, являются представителями одной и той же позиціи по вопросу о войнѣ. Что касается остальныхъ перечисленныхъ «Нашимъ Словомъ» группъ, то ликвидаторскій Орг. К-тъ, какъ можно видѣть изъ его «Бюллетеня», весьма разошелся съ ленинскимъ «Ц. К-томъ», Ц. К. Бунда и Ц. К. Латышской С. Д. опредѣленно своего отношенія къ вопросу не высказали, мнѣніе петербургскаго К-та и группъ неизвѣстно, а мнѣніе кавказской

с.-д. организаціи врядъ ли таково, какимъ его хочетъ представить «Наше Слово».

Крайне характерна еще одна сторона покушенія «Нашего Слова» на объединеніе всѣхъ перечисленныхъ имъ «группъ», «комитетовъ» и прочихъ организацій подъ однимъ знаменемъ. Каково именно это самое знамя? «Наше Слово» заявляетъ, что всѣ эти организаціи объединились «на позиціи прямо враждебной точкѣ зрѣнія Плеханова». Заявленіе комичное, ибо до сихъ поръ соц.-демократы объединялись не на «враждѣ» къ тому или иному мнѣнію того или иного товарища, а на общей программѣ и общей тактикѣ въ тѣхъ или иныхъ вопросахъ классовой борьбы. Теперь же они объединяются, — на чемъ? На «враждѣ къ точкѣ зрѣнія Плеханова». Что это не случайная обмолвка, а цѣлое «міровоззрѣніе», это можно видѣть также изъ того факта, что «Наше Слово» въ лицѣ коллегіи своихъ сотрудниковъ приняло составленные Ленинымъ тезисы для делегатовъ Р.С.Д.Р.П. на Лондонской Конференціи, и въ этихъ тезисахъ давало своимъ делегатамъ порученіе торжественно заявить всему міру, что «точка зрѣнія Плеханова, и др. не раздѣляется россійскимъ пролетаріатомъ».

Вражда къ чьему-либо мнѣнію однако еще не означаетъ наличности общаго мнѣнія у лицъ, объединенныхъ этой враждой. Это — во первыхъ. А во-вторыхъ, изъ перечисленныхъ «Нашимъ Словомъ» группъ только ленинскій Ц. К. присягнулъ «враждовать» съ точкой зрѣнія Плеханова, какъ присягнуло на это же и само «Наше Слово». Изъ прочихъ же группъ нѣкоторыя не только этой присяги не принимали, но даже скорѣе высказались въ обратномъ духѣ. Въ частности, с.-д. фракція въ Думѣ устами Хаустова заявила о необходимости для народныхъ массъ Россіи защищать отъ нападенія Германіи страну и накопленныя народомъ блага культуры. Пятерка же депутатовъ сдѣлала въ этомъ смыслѣ на судѣ еще болѣе опредѣленныя заявленія.

Принимая все это во вниманіе, можно утверждать, что тотъ способъ опредѣленія большинства, какой примѣнило «Наше Слово», является весьма и весьма неудовлетворительнымъ, хотя и очень... своеобразнымъ.

Еще болѣе своеобразнымъ и еще менѣе удовлетворительнымъ является способъ, примѣняемый Ленинымъ въ его личной газетѣ «Соц.-Демократъ», которую онъ, для пущей важности, упорно именуетъ «Центр. Органомъ Р.С.Д.Р.П.» (sic!).

Въ № 40 этой газеты (отъ 29 марта 1915 г.) напечатана передовица: «Что доказалъ судъ надъ Р. С.-Д. Раб. Фракціей»? Въ этой передовицѣ содержится слѣдующее, прямо замѣчательное заявленіе:

«Судъ доказалъ, что передовые представители пролетаріата въ Россіи... раздѣляютъ именно позицію Нашего Центр. Органа. Депутаты арестованы 4 ноября 1914 года. Болѣе двухъ мѣсяцевъ, слѣдовательно, вели они свою работу. Съ кѣмъ и какъ они вели ее? Какія теченія въ рабочемъ классѣ они отражали и выражали? Отвѣтъ на это даетъ тотъ фактъ, что матеріалъ для конференціи (*такъ Ленинъ, вслѣдъ за прокуратурой, называетъ то маленькое собраніе, на которомъ были арестованы 5 депутатовъ*) являлись «тезисы» (*подразумѣвается тѣ составленные невѣдомо кѣмъ тезисы, въ которыхъ проповѣдуется необходимость пораженія Россіи и устройства революціонныхъ ячеекъ въ траншеяхъ*) и «Соц.-Демократъ»... Другихъ матеріаловъ на конференціи не было. О другихъ теченіяхъ въ рабочемъ классѣ депутаты не собирались докладывать конференціи, ибо другихъ теченій не было».

Пусть читатели не думаютъ, что приведенная мною цитата — выдумка или шутка. Нѣтъ, это точная выдержка изъ передовицы № 40 «Соц.-Дем.». Впервые, конечно, въ партійной литературѣ приходится намъ встрѣчать подобныя заявленія, но ничего не подѣлаешь: ко всему надо привыкать.

Въ чемъ главная новизна методовъ опредѣленія мнѣнія большинства, примѣняемыхъ Ленинымъ? Въ томъ прежде всего, что для опредѣленія этого мнѣнія онъ пользуется результатами обыска, произведеннаго сыщиками въ брючныхъ и пиджачныхъ карманахъ у пяти депутатовъ. — Что у нихъ найдено? — «Тезисы», ваше благородіе, и номеръ «Соц.-Демократа»! — А больше ничего? — Больше ничего, ваше благородіе! — Ага, ну, если у пяти депутатовъ въ карманахъ не найдено никакихъ бумагъ, кромѣ пораженческихъ «тезисовъ» и пораженческаго «Соц.-Дем.», такъ, значитъ, арестованные съ этими уликами депутаты «отражали и выражали» именно пораженческое теченіе, и «никакихъ другихъ теченій не было» среди пролетаріата, — не было и не будетъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ пока чиновникамъ охраны не удастся вытащить изъ кармана какого-нибудь другого соц.-демократа какой-нибудь другой документъ иного направленія.

Какъ видятъ читатели, Ленинъ ставитъ рѣшеніе проблемы — съ кѣмъ большинство, въ зависимость отъ итоговъ полицейскаго обыска. Способъ неудобный, ибо представьте себѣ, что депутаты успѣли бы передъ обыскомъ изорвать «тезисы» и номеръ «Соц-Дем.»; тогда, по ленинской теоріи, и самое «теченіе» исчезло бы съ лица земли. Или представьте себѣ, что случайно у кого-либо изъ арестованныхъ нашелся бы въ карманѣ анархистскій листокъ. Оказалось бы, что пять с.-д. депутатовъ «отражали и выражали» анархистское теченіе.

Ленинскій способъ опредѣленія большинства не удобенъ и не вполнѣ приличенъ еще и потому, что врядъ ли удобно и прилично навязывать пяти депутатамъ, сидящимъ въ тюрьмѣ, взгляды, отъ которыхъ они, какъ это всѣмъ хорошо извѣстно, отмежевались (вмѣстѣ съ ленинцемъ Каменевымъ) самымъ рѣзкимъ образомъ. Прокуроръ доказывалъ, что депутаты и Каменевъ хотѣли пораженія Россіи, ибо шпики нашли при нихъ пораженческіе «тезисы». Депутаты и Каменевъ заявили : — Неправда, мы этихъ взглядовъ не раздѣляемъ, даже больше, мы считаемъ ихъ вредными ! — Депутатовъ осудили, увели назадъ въ тюрьму. Ленинъ же, пользуясь тѣмъ, что они и «Соц.-Дем.» въ тюрьмѣ прочесть не могутъ, заявляетъ въ этой газетѣ, что Каменевъ и пять депутатовъ выражали и отражали пораженческія идеи.

Какъ называются подобные пріемы, читатель ?

Способъ, примѣняемый Ленинымъ, неудобенъ, наконецъ, и потому, что цитированное мною мѣсто изъ передовицы въ № 40 «Соц.-Дем.» нѣсколько расходится, выражаясь деликатно, съ передовицей въ № 34 той же газеты (отъ 5 дек. 1914) гдѣ, по поводу ареста пяти депутатовъ говорится : «Мы не знаемъ еще... какимъ провокаторомъ подброшены уличающіе (депутатовъ) «документы» и т. д.». Вдумайтесь, читатель, въ эту фразу и сопоставьте ее съ вышеприведенной попыткой Ленина обосновать мнѣніе большинства на найденныхъ полиціей бумагахъ. Вдумайтесь и вы придете въ ужасъ отъ того... ну, скажемъ, легкомыслія, которое проявлено Ленинымъ : въ № 34 своего органа онъ высказываетъ предположеніе, что «тезисы», подброшены провокаторомъ для изобличенія пяти депутатовъ въ «заговорѣ», а въ № 40 онъ же пользуется фактомъ поимки этихъ тезисовъ въ карманѣ у одного изъ депутатовъ, какъ доказательствомъ того, что депутаты раздѣляли идеи этихъ тезисовъ и «отражали и выражали» его, ленинскіе, взгляды на войну.

Какъ называются подобные пріемы, читатель ?

II.

Я показалъ выше, — на дурныхъ примѣрахъ нашесловцевъ и Ленина, — какъ не надо опредѣлять мнѣнія большинства соціалистическаго пролетаріата Россіи по вопросу о войнѣ.

Теперь надо коснуться вопроса о томъ, съ кѣмъ вообще можетъ быть это большинство и можетъ ли оно быть на сторонѣ пораженцевъ.

Чтобы большинство сознательныхъ рабочихъ примкнуло къ мнѣнію какой-либо группы, надо прежде всего, чтобы это самое мнѣніе было сколько-нибудь яснымъ и опредѣленнымъ, чтобы

въ существенномъ и основномъ элементы, составляющіе данную группу сходились между собой. Но этого-то какъ разъ и нѣтъ у нашихъ противниковъ.

У нихъ нѣтъ единства взглядовъ какъ разъ по тѣмъ самымъ вопросамъ, которые стоятъ въ центрѣ нынѣшнихъ нашихъ споровъ. Возьмите, напримѣръ, хотя бы вопросъ, объ оцѣнкѣ поведенія германской соціаль-демократіи. Одни изъ сотрудниковъ «Голоса» и «Нашего Слова» не находятъ никакихъ ошибокъ въ ея поведеніи. Таково, напримѣръ, отношеніе Ю. Ларина. Другіе, какъ напримѣръ Троцкій, стараются извернуться такъ, чтобы и осудить германскихъ оппортюнистовъ и въ то же время оправдать ихъ. Третьи, какъ напр., сотрудница «Нашего Слова» А. М. К., не обинуясь, считаютъ всякія такія попытки оправдать германскихъ с.-д. безобразіемъ и Ю. Ларина, съ единомышленниками, безъ стѣсненія, именуютъ германофилами. И такая неразбериха у нихъ царитъ во всемъ. Что же остается? «Вражда къ точкѣ зрѣнія Плеханова»? Вотъ такъ принципіальная основа для объединенія!

Но этого мало. У нашихъ «интернаціоналистовъ», нѣтъ единства не только между собой, но и съ самими собой. Вотъ, вамъ, напримѣръ, Мартовъ. Въ № 41 «Голоса» онъ выдвигаетъ, въ полемикѣ съ Плехановымъ, идею полезности пораженія Россіи, въ болѣе уклончивой формѣ, чѣмъ это дѣлаетъ Ленинъ. Затѣмъ, тотъ же Мартовъ отрекается публично отъ этой идеи. Какъ же можетъ быть какое бы то ни было большинство на сторонѣ человѣка, который за нѣсколько мѣсяцевъ радикально измѣнилъ взгляды по такому основному вопросу текущей политической жизни? Съ какимъ Мартовымъ пойдетъ это предполагаемое «большинство»? Съ тѣмъ, что стоитъ за «неуспѣхъ Россіи въ данной войнѣ» или съ тѣмъ, что обижается при одномъ напоминаніи о его недолгомъ пораженческомъ увлеченіи?

То же относится и ко многимъ другимъ изъ нашесловцевъ, причемъ другіе оказываются въ еще болѣе странномъ положеніи, чѣмъ Мартовъ. Рьяный революціонеръ Вонновъ ведетъ на страницахъ «Голоса» и «Нашего Слова» титаническую борьбу противъ «патріотизма» и «желтаго соціализма», а его близкій другъ Луначарскій на страницахъ «Кіевской Мысли» воспѣваетъ Жанну д'Аркъ, какъ патріотическую героиню Франціи и, захлебываясь, описываетъ бравую поступь англійскихъ солдатъ. Троцкій, по-ренетиловски возвышенно говоритъ о спасеніи Интернаціонала отъ гидры соціаль-патріотизма, а его другъ и антиподъ г-нъ Антидъ-Ото въ «Кіевской Мысли» пишетъ душераздирательныя сочиненія о «нѣмецкихъ звѣрствахъ» и падаетъ ницъ передъ мундиромъ генерала Френча. Шарль Раппопортъ (онъ вѣдь тоже

хранитель великихъ завѣтовъ) сотрудничаетъ одновременно и въ сугубо-антипатріотическомъ «Нашемъ Словѣ» и въ сугубо патріотической «La Guerre Sociale», громитъ за патріотизмъ русскихъ революціонныхъ соціалистовъ и воспѣваетъ революціонный патріотизмъ еще не такъ давно оклеветаннаго имъ трибуна французскаго пролетаріата, Жана Жореса. К. Залевскій одно пишетъ въ «Нашемъ Словѣ», другое, совсѣмъ другое, — въ «Вѣстникѣ Европы». Всѣ эти «спасители Интернаціонала» и «хранители принциповъ» не только расходятся между собой, но и сами съ собой. Воиновъ и Троцкій идутъ въ одну сторону, а Антидъ-Ото, Луначарскій и братія бѣгутъ какъ разъ въ обратную. Какъ же можетъ пойти за ними «большинство» пролетаріата? Вѣдь это отдѣльные литераторы могутъ такъ удобно устраиваться, что въ заграничной газетѣ они «интернаціоналисты», а въ отечественной «патріоты» и порой весьма... горячіе. Пролетаріямъ такая двойная бухгалтерія не съ руки. Вотъ, почему они и не могутъ быть на сторонѣ вышеописанныхъ политическихъ дѣятелей, которые, какъ сказано у Щедрина, «одной рукой крестное знаменіе творятъ, а другой неистовствуютъ; одно око горѣ возводятъ, а другимъ неустанно вожделѣютъ»*).

III.

Сочувствіе большинства соціалистическаго пролетаріата Россіи не можетъ быть, — сказалъ я, — на сторонѣ нашихъ «интер-

---

*) Пусть Антидъ-Оты не ссылаются на «цензуру» для объясненія своего двурушничества: цензура можетъ не позволить намъ сказать то или иное въ русской печати, но заставить васъ писать патріотическія статьи она не можетъ. Это вы ужъ отъ собственнаго усердія ихъ пишете.

Для того, чтобы показать читателямъ до какихъ невѣроятныхъ предѣловъ противорѣчія съ самими собой доходятъ литераторы, пишущіе въ «Нашемъ Словѣ», когда они выступаютъ въ русской печати, я процитирую одно мѣсто изъ статьи К. Залевскаго о польскомъ вопросѣ въ январской книжкѣ «Вѣстника Европы» за текущій годъ:

«Успѣхи Россіи въ войнѣ, — пишетъ онъ тамъ, даютъ возможность предполагать, что исполнятся чаянія большинства польскаго народа».

Сравните съ этой идеей тѣ идеи, кои высказывались тѣмъ же джентельмэномъ въ «Голосѣ», «Нашемъ Словѣ», вспомните о томъ, что тотъ же Залевскій съ Воиновымъ недавно потребовали отъ «Нашего Слова» солидаризаціи съ ленинскимъ пораженческимъ направленіемъ, и вы придете къ заключенію, что культивированіе двурушничества въ нашей прессѣ становится признакомъ истиннаго «интернаціонализма». Долженъ замѣтить при этомъ, что меня интересуютъ не столько лично всѣ эти Залевскіе, Воиновы и Троцкіе, сколько редакціи тѣхъ органовъ, которыя, *зная* объ ихъ непристойнѣйшемъ двурушничествѣ, отводятъ свои страницы для ихъ литературныхъ кувырканій. Прежде, въ русской лѣвой печати подобныя явленія были невозможны.

націоналистовъ»-пораженцевъ. Но его не только не можетъ быть, но и фактически нѣтъ на ихъ сторонѣ, даже если взять только одну изъ тѣхъ двухъ не похожихъ одна на другую сторонъ, коими они обладаютъ, — заграничнo — пораженческую. Сочувствія пролетаріата не встрѣчаютъ и тѣ немногіе пораженцы, которые свободны отъ двурушничества.

И, вотъ доказательства:

Въ № 33 своего «Соц.-Демократа» (1 ноября 1914 г.), Ленинъ заявляетъ (какъ это затѣмъ было заявлено въ подкинутыхъ депутатамъ «тезисахъ»), что «при данномъ положеніи нельзя опредѣлить съ точки зрѣнія международнаго пролетаріата, пораженіе которой изъ двухъ группъ воюющихъ націй было бы наименьшимъ зломъ для соціализма. Но для насъ русскихъ с. д. не можетъ подлежать сомнѣнію, — говоритъ онъ, — что, съ точки зрѣнія рабочаго класса и трудящихся массъ всѣхъ народовъ Россіи, наименьшимъ зломъ было бы пораженіе царской монархіи». То же повторено въ № 38 «Соц.-Дем.», гдѣ утверждается, что пораженіе Россіи въ настоящей войнѣ приведетъ къ ея политическому освобожденію отъ самодержавія и потому надо желать этого пораженія.

Соотвѣтствуетъ ли это мнѣніе мнѣнію сознательнаго пролетаріата? Достаточно ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ въ томъ же самомъ «Соц.-Дем.». Въ № 33 этой газеты напечатано «письмо рабочаго» изъ Петербурга, авторъ коего заявляетъ: «Не вѣрилось, что нѣмецкіе соц.-демократы такъ низко могли пасть, чтобы итти рука объ руку съ кайзеромъ.... даже во имя борьбы съ русскимъ царизмомъ. *Такой поддержки русская революція не искала и не хотѣла ея*».

Равнымъ образомъ и «Наше Слово» (№ 2) было вынуждено признать (въ корресп. изъ Петербурга), что рабочія массы настроены совсѣмъ не-шовинистически, но «лозунгъ пораженія Россіи среди нихъ не встрѣтилъ бы сочувствія». То же констатировано въ докладѣ Орг. К-та копенгагенской конференціи и въ № 1 «Извѣстій» этого К-та.

Отвергнута рабочими и попытка Ленина спекулировать на сепаратизмѣ, сдѣланная имъ сперва въ сепаратистской резолюціи его лѣтней конференціи 1913 года и теперь, во время войны, повторенная имъ въ его публичныхъ рефератахъ въ Швейцаріи, гдѣ онъ доказывалъ, что если украинскіе города Кіевъ и Одесса (!?) съ прилегающими областями отойдутъ къ Австріи, то отъ этого ихъ населеніе только выиграетъ. Сопоставьте это легкомысленнѣйшее заявленіе съ сообщеніемъ въ корреспонденціяхъ изъ Россіи, опубликованнымъ въ «Извѣстіяхъ Загр. Секретаріата Орг. К-та» (февраль 1915 г.) гдѣ говорится: «Патріотическаго на-

строенія въ рабочей массѣ уже не замѣтно, но нѣтъ и жѣланія пораженія Россіи ; *отдѣленія провинцій, поскольку приходится говорить на эту тему, не хотятъ.*

Такъ же рѣзко разошлись ленинскіе призывы съ мнѣніемъ рабочихъ и въ другихъ случаяхъ. Въ № 37 «Соц.-Дем.» Ленинъ позволилъ себѣ неприличнѣйшую, позорнѣйшую выходку по адресу с.-д. депутата т. Скобелева, объявивъ его другомъ Пуришкевича, человѣкомъ лишеннымъ «элементарной соціалистической чести» и «поставщикомъ шампанскаго для современныхъ Стесселей», — за то, что Скоболевъ, по сообщеніямъ газеты, занялся на Кавказѣ организаціей питательныхъ пунктовъ въ тылу арміи и для населенія, пострадавшаго отъ войны. Какъ относятся къ этому вопросу рабочіе ? Въ «Извѣстіяхъ» О. К. сообщается (въ отдѣлѣ «Вѣсти изъ Россіи»), что среди рабочихъ сильна «непосредственная готовность помогать солдатамъ». Готовность эта настолько велика, что какъ видно изъ тѣхъ же «Извѣстій» О. К., даже ошибочные шаги нѣкоторыхъ соц.-демократовъ не могутъ ослабить ее :

«Попытки сознательныхъ (?? !) меньшевиковъ и большевиковъ на нѣкоторыхъ заводахъ отговаривать отъ сборовъ на махорку, въ пользу солдатъ, особенно подъ флагомъ «Комитета Наслѣдника», не всегда имѣютъ успѣхъ ; говорятъ : кто бы ни собиралъ, лишь бы махорка была» *).

По этому поводу нельзя не замѣтить, что вмѣсто совершенно неумныхъ «отговариваній», эти «сознательные меньшевики и большевики» сдѣлали бы во сто кратъ лучше, если бы сами организовали сборы и создали рабочія организаціи для помощи солдатамъ, ихъ семьямъ, раненымъ и другимъ жертвамъ войны. Если «сознательность» нашихъ товарищей въ Россіи проявляется только въ томъ, что они убѣждаютъ (тщетно, конечно) рабочихъ не посылать табаку ихъ же товарищамъ, мерзнущимъ и умирающимъ въ траншеяхъ, то покорнѣйше благодарю за такую сознательность !

Вся эта исторія напомнила мнѣ давно прошедшую, — казалось бы, — эпоху, когда во время крестьянскихъ голодовокъ въ Россіи находились тоже очень «сознательные» соціалъ-демократы, которые полагали, что не надо кормить голодающихъ и тоже «отговаривали» другъ друга отъ этого полезнаго дѣла, за что и получили тогда же соотвѣтствующую нахлобучку отъ своихъ, дѣйствительно сознательныхъ товарищей. Какъ за голодовку, такъ и за войну не мы отвѣтственны, но изъ этого не слѣдуетъ, что мы должны плевать на необходимое и неотложное дѣло помощи жертвамъ тигантскаго народнаго бѣдствія и уступать

*) «Изв. Загр. Секрет. О. К. РСДРП.», № 1 (22 февр. 1915 г.).

дамамъ и барышнямъ изъ большого свѣта и разнымъ чиновникамъ особыхъ порученій заботу о больныхъ и раненыхъ солдатахъ, о женахъ и дѣтяхъ мобилизованныхъ рабочихъ. И пріятно констатировать, что если нѣкоторые «сознательные» въ кавычкахъ этого не понимаютъ, то просто сознательные понимаютъ и что такихъ большинство, какъ это видно, напримѣръ изъ сообщенія о московскихъ с.-д-тахъ въ тѣхъ же «Извѣстіяхъ».

«Въ Москвѣ большіе споры среди с.-д., помогать ли раненымъ: *большинство помогаетъ*».

Я бы могъ привести еще много примѣровъ того глубочайшаго противорѣчія, въ которомъ находятся пораженческіе лозунги съ мнѣніемъ большинства рабочихъ-соціалистовъ Россіи. Но думаю, что и тѣхъ фактовъ, которые я привелъ выше, болѣе, чѣмъ достаточно. Ограничусь еще указаніемъ на нѣкоторые другіе вопросы, по которымъ наши злополучные пораженцы изумительно искусно сумѣли занять самую неудобную и незащитимую позицію.

Одинъ изъ этихъ вопросовъ, — это вопросъ о правѣ Франціи и Бельгіи на защиту отъ прусскаго сапога, который наступилъ имъ на грудь. Стыдно сказать, но нашлись среди нашихъ несчастныхъ «интернаціоналистовъ» такіе, что стали отрицать это право. Въ результатѣ, даже П. Б. Аксельродъ, въ общемъ, очень мягко относящійся къ нимъ, не постѣснился сказать, что отрицаніе ими права Бельгіи на самозащиту и ихъ равнодушное отношеніе къ судьбамъ бельгійскаго народа есть проявленіе «моральнаго кретинизма» (sic!) *).

Другой вопросъ, это — вопросъ о волонтерствѣ. Одна ленинская заграничная группа вынесла порицаніе тѣмъ изъ ея членовъ, которые пошли въ волонтеры во французскую армію. А пораженческая газета «Голосъ» позволила себѣ опуститься до брани и издѣвательства по адресу юношей, идущихъ въ волонтеры въ Россіи. И люди, которые способны на подобную безтактность, претендуютъ на то, что съ ними большинство сознательныхъ рабочихъ? Полноте, господа, вѣдь вы же сами не вѣрите въ то, что съ вами можетъ быть большинство.

Большинство сознательныхъ рабочихъ не можетъ пойти за тѣми, кто дошелъ до такой степени невѣрія въ революціонныя силы своего народа, что мечтаетъ о принятіи русской конституціи изъ рукъ генерала Гинденбурга, кто готовъ ради своего мнимаго «освобожденія» при помощи нѣмецкой солдатчины пойти

*) Отмѣчу мимоходомъ, что изъ оглашеннаго на судѣ надъ пятью с.-д. депутатами личнаго дневника деп. Петровскаго, выяснилось, что въ Россіи рабочіе депутаты не только были далеки отъ этого моральнаго кретинизма, но душевно страдали за судьбу маленькой Бельгіи, ставшей великой, благодаря своей геройской оборонѣ.

на экономическое закабаленіе Россіи и всей Европы Германіей и на политическое торжество прусскаго юнкерства надъ передовыми демократіями міра.

Нельзя быть героемъ и рабомъ одновременно. Нельзя быть одновременно искреннимъ революціонеромъ внутри страны и подобострастнымъ холопомъ иноземнаго насильника. Пораженцы — не революціонеры. Они просто-на просто либералы-реформисты, съ той разницей, что либералы обычные ждутъ конституціи и свободы «сверху» отъ домашней власти, а соц.-демократическіе либералы-пораженцы ждутъ ея тоже «сверху», но отъ власти заграничной. А «неуспѣховцы», подобные Мартову, къ тому же еще и трусливые ханжи, которые боятся высказать откровенно свое мнѣніе. Какъ же послѣ этого можетъ быть на ихъ сторонѣ большинство сознательнаго соціалистическаго пролетаріата Россіи, воспитаннаго въ революціонныхъ буряхъ, гордаго своими революціонными традиціями и не склоняющаго своей непокорной головы ни передъ какими угнетателями, — какъ внутренними, такъ и внѣшними?

Главное несчастіе, главная трагедія, пораженчества заключается въ томъ, что представители этого теченія считаютъ себя и только себя настоящими революціонными дѣятелями и борцами противъ реакціи, представителей же нашей точки зрѣнія они изображаютъ «измѣнниками» дѣлу революціи и соціализма, друзьями реакціи и т. д. Въ дѣйствительности же какъ разъ пораженцы-то и играютъ на руку реакціи, давая ей возможность рисовать соціалъ-демократовъ, какъ враговъ народа. Вмѣсто того, чтобы выяснять рабочимъ массамъ необходимость и значеніе побѣды надъ Германіей, *напавшей* на Европу, и критиковать старое правительство Россіи за то, что оно плохо ведетъ эту народную, демократическую войну, они идутъ къ пролетаріату — съ чѣмъ? Съ лозунгомъ: да здравствуетъ пораженіе (или неуспѣхъ) Россіи! И этимъ они сами содѣйствуютъ усиленію реакціи, укрѣпленію стараго порядка. Вмѣсто того, чтобы содѣйствовать объединенію всѣхъ демократическихъ элементовъ страны противъ реакціи, которая такъ наглядно показываетъ себя неспособной руководить дѣломъ народной обороны, которая дважды была бита на Мазурскихъ озерахъ и опозорена дѣломъ Мясоѣдова, наши пораженцы, лишь способствуютъ разъединенію демократіи Россіи, вносятъ расколъ въ среду соціалистовъ, ставятъ себя не только *внѣ* сознательнаго пролетаріата, но *противъ* него.

Какъ же послѣ этого могутъ они думать, будто за ними можетъ итти большинство сознательныхъ рабочихъ нашей страны? Оно не съ ними, а противъ нихъ!

Г. Алексинскій.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе 3
Современная война и соціалисты. Л. Дейча 5
Еще о войнѣ. Г. Плеханова 11
Изъ области экономики. П. Дневницкаго 49
Оборона или пораженіе? Марка З-ра 62
Марксъ и Энгельсъ въ ихъ отношеніи къ войнѣ 70-го года Иды Аксельродъ 75
Женская Соціалистическая Конференція въ Бернѣ. В. Ольгина 84
Война и кавказскіе соціальдемократы. К. Кахели 91
Съ кѣмъ большинство? Г. Алексинскаго 97

ДЕНЕЖНЫЙ ОТЧЕТЪ

о суммахъ, поступившихъ въ пользу изданія настоящаго сборника до 20-го Іюня 1915 г.

Отъ 2-ой Цюрихской Группы Р. С-Д. Р. П.	27.00
Отъ членовъ женевскаго кружка партійцевъ	7.20
Взносъ отъ партійцевъ изъ Аѳинъ	80.00
Отъ двухъ впередовцевъ—ежедневное отчисленіе за три мѣсяца	75.00
Отъ А. и М.	50.00
Отъ С. Я. А.	50.00
Отъ Р. В.	20.00
50% дохода съ реферата т. Алексинскаго	25.00

Для письменныхъ сношеній (изъ заграницы) по дѣламъ касающимся сборника, а также для его выписки, поросятъ обращаться по слѣдующимъ адресамъ:

M-lle O. Kaptereff, 8, rue de Pontoise, Paris (V).
Mr Kisseleff, 48, Hegibachstrasse, Zürich, 7. (Suisse)